

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1/2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и монетарного регулирования Финансового
университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некпелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.2.4. Финансы (экономические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 28.02.2023

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.

Печать офсетная. Заказ № 664-23

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2023

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИНАНСЫ

Головнин М.Ю.

Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы 7

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Мальцев А.А., Чичилимов С.В.

К вопросу об эволюции противостояния концепций фритредерства и протекционизма в XX–XXI вв. 21

Винокуров С.С.

Поведенческие «аномалии» и издержки принятия решений 40

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Николаев И.А.

Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России 58

Сухарев О.С.

Технологический дуализм российской экономики и структурная политика новой модели ее роста 75

Козлова С.В., Звягинцев П.С.

Трансформация государственной программы «Управление федеральным имуществом» 90

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Красова Е.В., Гриванов Р.И.

Россия и Республика Корея: региональный аспект торгово-экономического сотрудничества. 106

Рязанов В.А.

Япония и Южная Корея как рынки для российских экспортеров древесных гранул 130

Петросьян А.Р.

Перспективы интеграционных процессов Российской Федерации и Республики Казахстан (на примере горно-металлургического комплекса) 143

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В.

Институт экономики Российской академии наук в 2022 году. 159

CONTENTS

FINANCE

- Golovnin M.Yu.**
Monetary Policy in Russia: Reaction to New External Challenges 7

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Maltsev A.A., Chichilimov S.V.**
To the Question of the Evolution of the Opposition of Free Trade
and Protectionism in the 20th and 21th Century 21
- Vinokurov S.S.**
Behavioral «Anomalies» and the Cost of Decision-Making 40

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Nikolaev I.A.**
Drivers of Economic Growth: Opportunities and Prospects
in the Sub-Sanctioned Economy of Russia 58
- Sukharev O.S.**
Technological Dualism of the Russian Economy and the Structural Policy
of Its New Growth Model 75
- Kozlova S.V., Zvyagintsev P.S.**
Transformation of the State Program «Federal Property
Administration» 90

WORLD ECONOMY

- Krasova E.V., Grivanov R.I.**
Russia and Republic of Korea: Regional Aspect of Trade and Economic
Cooperation 106
- Ryazanov V.A.**
Japan and South Korea as Markets for Russian Exporters of Wood
Pellets 130
- Petrosyan A.R.**
Prospects of Integration Processes of the Russian Federation
and the Republic of Kazakhstan (on the Example of the Mining and
Metallurgy) 143

SCIENTIFIC LIFE

- Zelenoborskaya L.V.**
The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences in 2022 . . 159

ФИНАНСЫ

М.Ю. ГОЛОВНИН

доктор экономических наук, член-корреспондент РАН,
директор ФГБУН Институт экономики РАН

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: РЕАКЦИЯ НА НОВЫЕ ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

Под воздействием внешних шоков в 2022 г., прежде всего беспрецедентных санкций в отношении российской экономики, основными вызовами для денежно-кредитной политики стали резко увеличившиеся темпы инфляции и краткосрочное падение валютного курса, необходимость сохранения нормального функционирования банковской системы и поддержание экономической активности. Меры, предпринимавшиеся Центральным банком: резкое повышение процентной ставки и ее последующее постепенное снижение, регуляторные послабления для банков, валютные ограничения, – позволили преодолеть возникшие вызовы в краткосрочном плане. Для выстраивания новой модели экономического роста в средне- и долгосрочном периоде необходимо использование мер денежно-кредитной политики в рамках согласованного с бюджетно-налоговой политикой и регулированием финансовых рынков механизма для содействия структурной перестройке российской экономики; продолжение использования мер валютного регулирования, нацеленных на содействие развитию национальной экономики; выработка новых инструментов регулирования валютного курса; выработка новых подходов к регулированию обращения цифровых валют.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, экономические санкции, инфляция, денежные агрегаты, банковская система, валютный курс.

УДК: 338.23, 336.71, 336.74

EDN: BOE1AH

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20

В 2022 г. экономика России столкнулась с беспрецедентными санкциями со стороны западных стран и их союзников, которые стали новым мощным внешним шоком для российской экономики. На денежно-кредитную сферу и банковскую систему страны повлияли в первую очередь финансовые санкции. Среди них следует выделить меры, введенные в отношении Центрального банка Российской Федерации

(замораживание валютных резервов, запрет на операции с золотом из международных резервов); крупнейших российских банков (замораживание их активов за рубежом, отсечение от международной платежной системы SWIFT, фактическое перекрытие возможностей привлечения финансирования из-за рубежа); портфельных инвестиций за рубежом (фактическое замораживание иностранных активов в ценных бумагах, в том числе в результате санкций в отношении Национального расчетного депозитария); притока наличной иностранной валюты (запрет на экспорт наличных долларов и евро в Россию).

Еще одним важным внешним шоком для российской экономики в 2022 г. была ускорившаяся глобальная инфляция. Рост темпов инфляции имел место еще в 2021 г. под воздействием сверхмягкой денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, проводившейся для преодоления глобального экономического кризиса 2020 г. [1, с. 102–103]. Правда, в 2022 г. сформировались и новые факторы роста темпов глобальной инфляции, связанные с ростом цен на мировых товарных рынках, в том числе и вследствие санкций в отношении России. В то же время именно это повышение цен на основные товары отечественного экспорта можно отметить как положительный внешний шок для российской экономики в 2022 г.¹

В данной статье мы рассмотрим влияние санкций со стороны западных стран, а также других внешних вызовов, действовавших в 2022 г., на денежно-кредитную и валютную сферы России, меры реагирования на них со стороны Центрального банка и сформулируем предложения по совершенствованию денежно-кредитной политики и связанных с ней инструментов экономической политики для более эффективного реагирования на эти вызовы в средне- и долгосрочной перспективе.

Денежно-кредитная и валютная сфера в условиях новых вызовов

Одним из ключевых последствий внешних шоков в денежно-кредитной сфере в 2022 г. стала ускорившаяся весной *инфляция*. Высокий инфляционный фон сохранялся еще с 2021 г., когда в мировой экономике стали проявляться последствия сверхмягкой денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, проводившейся в 2020–2021 гг. ведущими промышленно развитыми странами. После февраля 2022 г. ситуацию усугубили проблемы, связанные с ростом неопределенности относительно динамики совокупного предложения в России

¹ Хотя говорить об этом шоке исключительно как о внешнем не приходится, принимая во внимание позиции России как «большой экономики» на отдельных мировых товарных рынках [2, с. 221–222].

под воздействием санкций, а также краткосрочный шок от падения валютного курса рубля. В результате с конца февраля по апрель 2022 г. темп инфляции резко увеличился, достигнув максимума 17,8% в годовом выражении в апреле (по отношению к апрелю предыдущего года), после чего инфляция стала постепенно замедляться до 12,6% в октябре 2022 г. [3, с. 1]. Существенную роль в снижении темпа инфляции сыграли укрепление рубля, резкое краткосрочное ужесточение денежно-кредитной политики в марте-апреле 2022 г. и постепенное восстановление импорта, позволившее «расшить узкие места» на внутреннем рынке. Наряду с этим, по всей видимости, важную роль сыграло регулирование цен, о чем свидетельствуют более высокие темпы роста базовой инфляции по сравнению с общей, особенно явно наблюдавшиеся весной 2022 г. Еще одним дезинфляционным фактором стало сокращение потребительского спроса [4, с. 17].

Глобальные инфляционные тенденции в меньшей степени стали влиять на инфляцию в России после февраля 2022 г., поскольку оказались нарушены каналы переноса ценового эффекта, связанные с внешней торговлей. В этом отношении воздействие внешних шоков на Россию ослабло. В частности, это проявилось в замедлении темпов роста цен в России летом 2022 г., тогда как глобальная инфляция в этот период продолжала ускоряться.

Следует отметить, что динамика денежных агрегатов явно не была причиной высокой инфляции весной 2022 г. (см. рис. 1). Тем не менее темпы прироста денежной массы $M2$ (в национальном определении) достаточно устойчиво ускорялись с конца 2021 г. до марта 2022 г. и в III квартале 2022 г. При этом динамика денежной базы после некоторого роста в начале 2022 г. ушла в отрицательную область до конца лета 2022 г. Показательно, что на фоне общей тенденции замедления темпов роста наличных денег, наблюдавшихся с постковидного периода, имели место пики, связанные с увеличением использования наличности (в начале спецоперации и частичной мобилизации). В результате доля наличных денег в денежной массе в широком смысле выросла с 15,8% на начало 2022 г. до 16,9% на начало ноября 2022 г. Вместе с тем значительный рост денежного агрегата $M2$ до осени 2022 г. обеспечивался главным образом ростом депозитов в национальной валюте. Наконец, особого внимания заслуживает динамика депозитов в иностранной валюте. В результате введенных Центральным банком ограничений средства с валютных счетов были сняты и переведены в наличную иностранную валюту, либо остались заморожены на них (в части, превышающей доступный для снятия лимит). Как следствие эффектов снятия средств и укрепления рубля доля депозитов в иностранной валюте в денежной массе в широком смысле снизилась с 20,9% в начале 2022 г. до 12,7% к 1 ноября 2022 г.

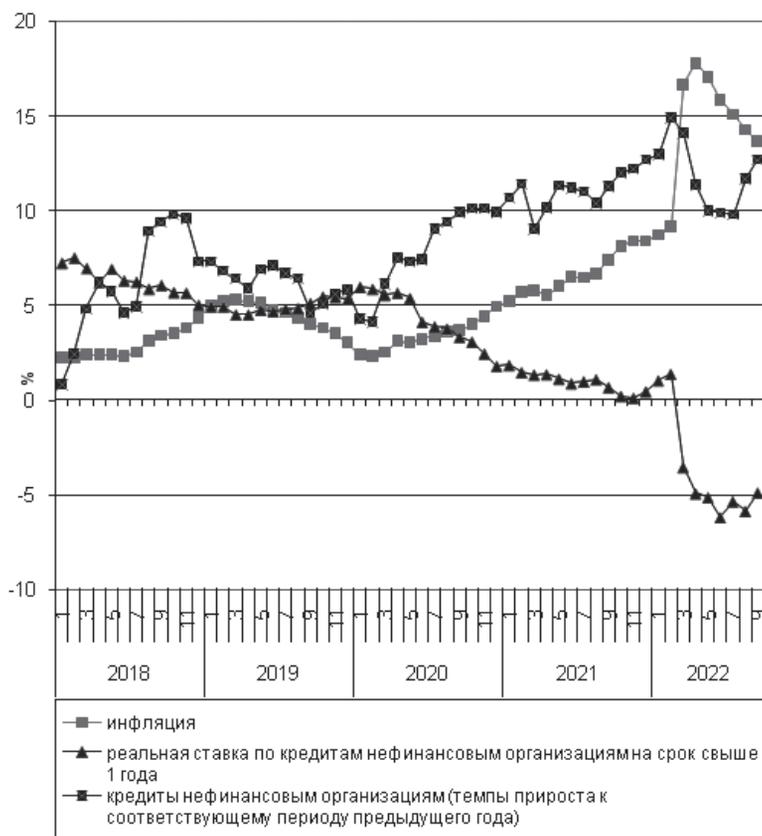
Источник: рассчитано автором по: данные Банка России. http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs.

Рис. 1. Темпы прироста основных денежных агрегатов (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

На тенденции в денежно-кредитной сфере повлияли жесткие санкции, введенные в отношении крупнейших российских банков², большинство из которых контролируются государством. Замораживание внешних активов крупнейших российских банков, отсечение от внешних источников финансирования и отток средств из вкладов в первые недели марта 2022 г. создали угрозу системного банковского кризиса, однако благодаря действиям Центрального банка его удалось избежать. Приток средств на вклады возобновился в результате повышения процентной ставки Банком России, а поддержка с его стороны и благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура способствовали увеличению уровня ликвидности в банковском секторе.

Весной 2022 г. произошло сокращение кредитования банками юридических и физических лиц. Свою роль здесь сыграло и повышение процентной ставки Центральным банком, и увеличение общего уровня неопределенности. При этом даже в условиях перехода к отрицательным реальным процентным ставкам быстрого восстановления кредитной активности не произошло (см. рис. 2), месячные темпы роста корпоративных кредитов начали увеличиваться лишь в августе-сентябре 2022 г.

² 12 банков, контролирующих около 60% активов банковской системы России, находятся под наиболее жесткими, блокирующими санкциями [5, с. 18].

Источник: составлено и рассчитано автором по: данные Банка России. <https://cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/>; https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/; https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review.

Рис. 2. Динамика процентных ставок и кредитов реальному сектору экономики в 2018–2022 гг.

Среди положительных тенденций можно отметить стабилизацию объема ссудной задолженности населения, тогда как в предыдущие годы кредитная нагрузка на население возрастала и на начало 2022 г. отношение кредитов, полученных физическими лицами, к денежным доходам населения достигло 35,2%. Сокращение кредитования населения в 2022 г. затронуло в первую очередь именно высокорискованный сегмент необеспеченного потребительского кредитования. В то же время отчасти эта позитивная тенденция компенсируется ростом числа выпущенных кредитных карт, на которые, по оценкам, приходится 12–13% просроченной задолженности [5, с. 26–27]. Кроме того, увеличение кредитования населения возобновилось осенью 2022 г., главным образом в результате роста предоставления ипотечных кредитов, но также и за счет сегмента необеспеченного кредитования.

Если поддержание работы банковской системы в 2022 г. удалось в целом сохранить, то по *рынку ценных бумаг* России, развитие которого играет важную роль для диверсификации трансмиссионных каналов денежно-кредитной политики, санкции нанесли гораздо более существенный удар. Следует заметить, что до 2022 г. важную роль в развитии российского рынка ценных бумаг играли нерезиденты. Так, на внутреннем рынке государственных облигаций на 1 февраля 2022 г. их доля составляла 19,1%, а на пике присутствия нерезидентов (начало апреля 2018 г. и начало марта 2020 г.) достигала 35%³. На рынке акций эта доля составляла около 40–50% даже в период санкций после 2014 г.

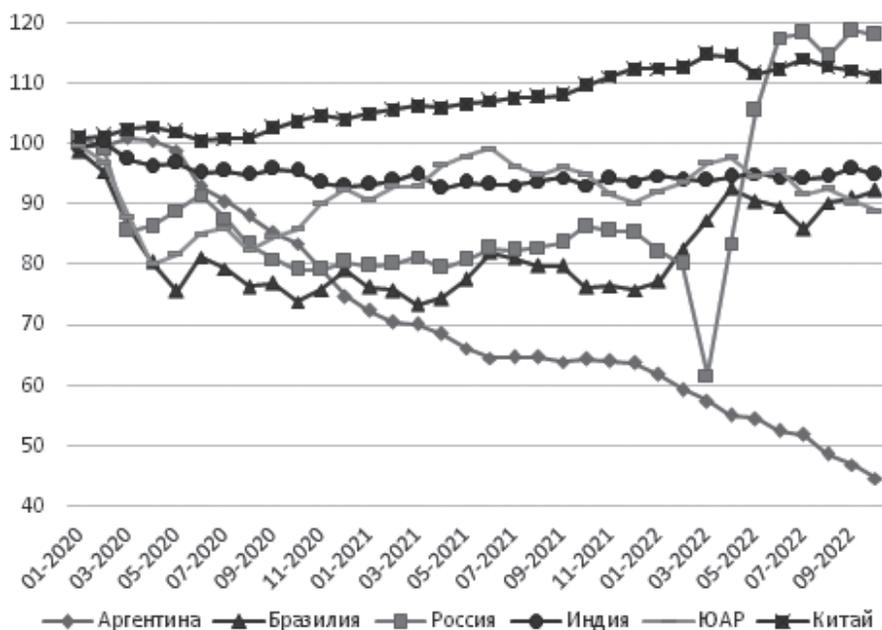
Объем рынка корпоративных облигаций по непогашенному номиналу сократился с 1 февраля по 1 июля 2022 г. на 1 трлн руб. (с 17 до 16 трлн руб.). Однако затем рост рынка возобновился и к 1 октября 2022 г. почти достиг докризисных показателей (16,8 трлн руб. [6, с. 6]). Ситуация на фондовом рынке была гораздо менее благополучной. Индекс МосБиржи, который с уже ноября 2021 г. находился в нисходящем тренде, испытал резкое падение весной 2022 г. При этом общая тенденция снижения индекса продолжалась до начала октября этого года. За период с начала 2022 г. индекс потерял более 50% стоимости на фоне значительного сокращения объемов торгов⁴. На этом фоне происходил рост доли физических лиц в объеме торгов на фондовом рынке с 40–50% в начале года до 70–80% к концу сентября 2022 г. [6, с. 6]. С одной стороны, это усиливало базу отечественного капитала на рынке, но, с другой – увеличивало риски, поскольку физические лица зачастую не являются профессиональными инвесторами.

Динамика *валютного курса* в 2022 г. отличалась значительной волатильностью. Первоначальное резкое обесценение российского рубля после введения западных санкций (в конце февраля – первой половине марта 2022 г.) сменилось его достаточно быстрым укреплением, причем до уровней, превышающих имевшие место до февраля 2022 г. На протяжении всего года динамика валютного курса в России отличалась волатильностью даже на фоне других стран с формирующимися рынками (см. рис. 3).

Первоначальное резкое падение валютного курса объяснялось масштабом внешних шоков, с которыми столкнулась российская экономика, и высоким уровнем неопределенности. Гораздо менее ожидаемым стало дальнейшее резкое укрепление рубля, вызванное как принятыми мерами экономической политики, так и благоприятными внешними условиями, связанными с высокими ценами на энергоносители.

³ По данным Банка России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

⁴ <https://www.moex.com/ru/index/ИМОЕХ/technical/>.

Источник: рассчитано автором по: данные Банка международных расчетов (<https://www.bis.org/statistics/eer.htm?m=2676>).

Рис. 3. Динамика номинального эффективного валютного курса в странах с формирующимися рынками в 2020–2022 гг. (декабрь 2019 г. = 100)

Следует отметить, что под прямым воздействием санкций и в результате косвенных эффектов от их введения приток капитала в российскую экономику во II квартале 2022 г. практически прекратился. Отток капитала шел как по статьям актива финансового счета платежного баланса, так и по пассивным статьям: прямым инвестициям (уход иностранных компаний из России), портфельных инвестиций (стремление избавиться от российских ценных бумаг, пока это было возможно) и прочих инвестиций (снятие средств нерезидентами со счетов в российских банках). Некоторый приток средств в страну наблюдался по линии сокращения активов по прямым и портфельным инвестициям. В результате, по оценке, чистый отток капитала по линии частного сектора в первом полугодии 2022 г. составил около 130 млрд долл.⁵

Резкое укрепление курса рубля (в середине марта — конце июня 2022 г. выше докризисных значений) было вызвано главным образом высоким уровнем цен на нефть и положительным сальдо внешней торговли. При этом возможности негативного воздействия на валютный курс со стороны спекулятивных потоков капитала были существенно

⁵ <https://pravo.ru/news/242610/?ysclid=lbml3qwnu5331851117>.

ограничены как со стороны внешнего мира (финансовые санкции), так и со стороны России (ужесточение валютного регулирования).

Следует также отметить общее сокращение объемов торгов на биржевом валютном рынке России по сравнению с началом 2022 г. и изменение их структуры по валютным парам: от преобладания пары рубль–доллар США к существенному увеличению объемов торгов (с июня 2022 г.) в валютной паре рубль–китайский юань. Влияние этих изменений на валютный курс рубля неоднозначно: с одной стороны, более мелкий рынок легче контролировать регулятору, с другой – он более волатилен.

Денежно-кредитная политика России в 2022 г.

Процентная политика Центрального банка является основной составляющей денежно-кредитной политики России при действующем режиме инфляционного таргетирования. В условиях воздействия беспрецедентных внешних шоков Банк России пошел в самом конце февраля 2022 г. на резкое повышение ключевой процентной ставки с 9,5 до 20%.

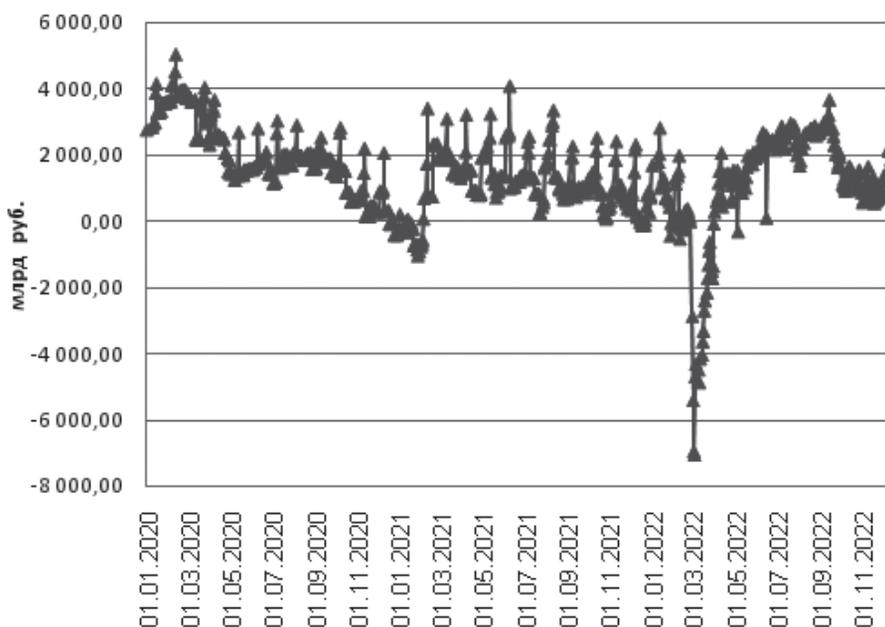
Основным аргументом в пользу подобного шага можно назвать необходимость предотвращения раскручивания инфляционной спирали. В качестве дополнительного аргумента выступало создание стимулов для возвращения средств населения на депозиты, которые стали активно изыматься из банковской системы в последнюю неделю февраля 2022 г. Приведенный выше анализ показывает, что обе поставленные цели были достигнуты. При этом повышение процентной ставки не могло решить задачи стабилизации валютного курса в силу ограничений на трансграничное движение капитала как со стороны России, так и в связи с санкционной политикой недружественных стран.

Тем не менее ряд экспертов критиковали столь резкое повышение процентной ставки, оказавшее негативное влияние на кредитную активность. Однако, справедливости ради, отметим, что кредитную активность сдерживали на начальном этапе развития кризиса не только факторы, связанные с процентной политикой, а Банк России параллельно применил ряд мер, направленных на поддержку процесса кредитования (см. ниже).

Последующая процентная политика Центрального банка была направлена на постепенное снижение ставки, что позволило существенно смягчить кредитные условия в экономике. К началу декабря 2022 г. ключевая ставка была снижена до уровня 7,5%.

Отдельного упоминания заслуживают *меры Банка России, направленные на устранение дефицита ликвидности банковского сектора России, возникшего в конце февраля 2022 г. и продолжавшегося до*

конца марта (см. рис. 4). К числу этих мер относилось использование инструментов «тонкой настройки», расширение Ломбардного списка [7, с. 41], а также снижение норматива обязательного резервирования с 3 марта 2022 г. до 2%⁶. Однако вслед за возвращением к структурному профициту ликвидности нормативы обязательных резервов по обязательствам в рублях и иностранной валюте с 1 августа 2022 г. были повышены до 3 и 5% соответственно.

Источник: составлено автором по: данные Банка России. https://cbr.ru/hd_base/bliquidity/.

Рис. 4. Структурный профицит/дефицит ликвидности в российском банковском секторе в 2020–2022 гг., млрд руб.

Для поддержания банковской системы и кредитования российской экономики Банк России ввел ряд смягчающих регуляторных мер и мер макропруденциальной политики. Кроме того, были запущены льготные программы кредитования для отдельных категорий юридических и физических лиц (например, для системообразующих компаний и малых и средних предприятий, для населения – ипотечное креди-

⁶ Был установлен унифицированный норматив, за исключением норматива по обязательствам перед физическими лицами для банков с базовой лицензией (1%), тогда как до этого действовали дифференцированные нормативы по обязательствам в рублях (4,75%) и в иностранной валюте (8%). Однако следует отметить, что с 1 мая были вновь введены дифференцированные нормативы (по обязательствам в иностранной валюте значение норматива было повышено до 4%).

тование). С сентября 2022 г. дополнительно были выпущены рекомендации Банка России по реструктуризации кредитной задолженности мобилизованных граждан и членов их семей, а в октябре 2022 г. были приняты два закона о кредитных каникулах для участников СВО, членов их семей и МСП, находящихся в собственности мобилизованных граждан [7, с. 44].

Способствуя поддержанию кредитной динамики, регуляторные послабления вместе с тем создают риски ухудшения качества кредитных портфелей банков. По оценкам Ассоциации банков России, на начало июля 2022 г. доля корпоративных заемщиков, имеющих просроченную задолженность, в общем числе заемщиков составляла 13,5% [5, с. 24].

Показательно, что в 2022 г. Центральный банк приостановил практику отзыва банковских лицензий и сокращения количества действующих кредитных организаций. В условиях новых внешних шоков стала очевидна необходимость наличия мелких и средних банков, которые, не подпадая под санкции, могут занять ряд ниш, недоступных крупным подсанкционным банкам.

Банк России вместе с Правительством РФ весной 2022 г. ввел *валютные ограничения*, впервые отреагировав подобным образом на негативные внешние шоки в XXI в. В числе ограничений было установление норматива по обязательной продаже экспортной валютной выручки (первоначально – на уровне 80%, с 24 мая он был понижен до 50%, а с 10 июня отменен), а также меры, направленные на сдерживание оттока капитала.

В части внутренних валютных операций на период до 9 сентября 2022 г. был введен запрет на продажу наличной иностранной валюты гражданам (впоследствии он был продлен, хотя и с некоторыми послаблениями), а также была ограничена выдача иностранной валюты с действующих вкладов суммой в 10 тыс. долл. США. Тем самым, как мы отмечали выше, фактически часть вкладов в банковской системе оказалась заморожена.

Введение валютных ограничений на трансграничное движение капитала, с одной стороны, создает пространство возможностей для более активного регулирования валютного курса, но, с другой стороны, в результате замораживания значительной части валютных резервов Центральный банк крайне ограничен в проведении активной валютной политики. Кроме того, в условиях провозглашенной задачи дедолларизации (и в неявной форме – деевроизации) возникает вопрос: к какой валюте регулировать курс рубля?

При этом в условиях возникающего периодического давления на курс рубля в сторону повышения Центральный банк фактически ослабляет меры валютного регулирования [8, с. 67].

Одним из ключевых рисков для денежно-кредитной политики является риск ускорения инфляции. В России инфляция традиционно тесно связана с динамикой валютного курса, которая может сменить свой тренд под воздействием постепенного восстановления импорта, и особенно при сокращении российского экспорта. Как ни парадоксально, но в том же направлении (повышения инфляции) может действовать сокращение импорта из третьих стран под воздействием усиления санкционного давления (угрозы применения вторичных санкций) и, как следствие, усиления ограничений в отношении совокупного предложения.

В то же время существует и обратный риск чрезмерной дезинфляции. Банк России в своих программных документах настойчиво декларирует возвращение к целевому темпу инфляции (4%) в 2024 г. Однако, как мы отмечали, сейчас происходит общее изменение глобального инфляционного фона и явно преждевременно говорить о равновесном темпе инфляции для стран с формирующимися рынками в 2024 г. Вместе с тем, в силу стоящих перед экономикой России новых задач (прежде всего структурной перестройки национальной экономики), темп инфляции, который может сложиться с учетом их выполнения, вполне может оказаться в среднесрочной перспективе на несколько процентных пунктов выше заявленной цели Банка России.

Предложения по совершенствованию денежно-кредитной политики

Краткосрочные задачи преодоления первого удара внешних шоков были достаточно успешно решены мерами денежно-кредитной политики в 2022 г. Проанализируем теперь, насколько ее действующая модель способна справиться со средне- и долгосрочными вызовами для российской экономики.

Основным таким вызовом, на наш взгляд, является структурная перестройка российской экономики и связанная с ней задача обеспечения технологического суверенитета. Для решения этих задач необходима оценка возможностей замещения критического импорта для российской экономики и на ее основе концентрация ресурсов (реальных и финансовых) на развитии производств, обеспечивающих бесперебойное функционирование экономики.

Решение задачи концентрации финансовых ресурсов носит неординарный характер и требует согласованного проведения бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, а также политики развития финансовых рынков. При этом в сложившейся ситуации данная задача не может быть решена исключительно с помощью рыночных механизмов. Центральную роль в ее решении призвана сыграть

именно бюджетно-налоговая политика. Денежно-кредитная политика может обеспечить поддержку ликвидностью за счет включения в Ломбардный список ЦБ РФ или даже приобретения на баланс Центрального банка в ограниченном объеме отдельных видов финансовых активов (например, целевых структурных облигаций). Политика по развитию внутреннего финансового рынка должна быть направлена на выстраивание новой его модели с опорой на внутреннего инвестора, которая, по крайней мере в среднесрочной перспективе, будет нацелена на решение структурных задач в экономике. Важную роль здесь могут сыграть налоговые механизмы стимулирования вложений в финансовые инструменты, эмитенты которых относятся к приоритетным отраслям. Кроме того, развитие финансовых рынков на новых принципах должно способствовать налаживанию работы новых каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики.

Возможно привлечение на российский финансовый рынок инвесторов из дружественных стран, но при этом должны формироваться механизмы, препятствующие созданию новых финансовых пузырей на основе иностранного капитала. Это требует дальнейшего отлаживания механизма валютного регулирования, который также может способствовать решению задач структурной перестройки.

В области денежно-кредитной политики важно, с одной стороны, не допустить нового раскручивания инфляционной спирали, а с другой – активизировать роль этой составляющей экономической политики в решении задач экономического развития страны. Требуется проработка вопроса ограниченного приобретения активов финансовых институтов, нацеленных на содействие структурной перестройке экономики (существующих банков развития или создаваемых новых институтов), на баланс Центрального банка (или, по крайней мере, их включения в Ломбардный список). При этом временное отклонение от цели по инфляции в 4% (при некотором снижении и стабилизации темпа инфляции) не должно вызывать ужесточения денежно-кредитной политики. Тем более что в новых для мировой экономики условиях более высокого темпа инфляции неочевидно, что произойдет возвращение к старым целевым ориентирам по ценовой динамике.

В области регулирования валютного курса важно разработать новые инструменты (с учетом имеющихся ограничений на использование международных резервов). Вряд ли создание нового бюджетного правила можно считать подходящим инструментом, поскольку оно существенно ограничивает возможности бюджетно-налоговой политики. Одним из таких инструментов, который уже начал использоваться в 2023 г., стали интервенции Центрального банка РФ в китайских юанях. При этом к процессу снятия введенных валютных ограничений следует подходить осторожно, чтобы не вызвать дестабилизацию в валютной сфере.

Важным направлением решения проблем в области повышения эффективности расчетов, в первую очередь международных, может стать развитие процессов цифровизации финансов и использование цифровых валют. Банк России постепенно меняет свою позицию в сторону того, чтобы разрешить использование частных цифровых валют во внешних расчетах при одновременном запрещении их обращения внутри страны. Создание подобных ограничений по обращению этих валют неизбежно создаст дополнительные проблемы для Центрального банка. Кроме того, в ближайшей перспективе должен появиться во внутреннем обращении цифровой рубль, что приведет к формированию дополнительных вызовов для проведения денежно-кредитной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин М.Ю. Вызовы для посткризисного восстановления в мировой экономике со стороны экономической политики ведущих развитых стран // Научные труды Вольного экономического общества. 2021. Т. 231. С. 94–108. DOI: 10/38197/2072-2060-231-5-93-108.
2. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3(55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14.
3. Динамика потребительских цен. Информационно-аналитический комментарий. 2022. № 10. Банк России, 2022.
4. Перевышин Ю.Н., Трунин П.В. Денежно-кредитная политика и инфляция в июле 2022 г. // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 8. С. 15–20.
5. Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов. Информационно-аналитическое обозрение. Сентябрь 2022. М.: Ассоциация банков России, 2022. https://asros.ru/upload/iblock/258/q128tt2v80znkxvdchhwjzhex5h64m6u/Analiticheskie-materialy-k-Forumu-v-Kazani_sentyabr-2022-na-sai_t.pdf.
6. Обзор рисков финансовых рынков. М.: Банк России. 2022, сентябрь. № 9(67). 2022.
7. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. Одобрено Советом директоров Банка России 01.11.2022 г. М.: Банк России, 2022.
8. Клепач А.Н. Макроэкономика в условиях гибридной войны. Научные труды ВЭО России. 2022. Т. 235. С. 63–78. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-63-78.

REFERENCES

1. Golovnin M. Yu. Challenges from Economic Policies in Leading Countries for Post-Crisis Recovery in Global Economy. Scientific Works of the Free Economic society of Russia. 2021. Vol. 231. Pp. 94–108. DOI:10/38197/2072-2060-231-5-93-108. (In Russ.).
2. Ushkalova D. I. Russia's foreign trade under sanctions pressure // Journal of The New Economic Association 2022. Vol. 3 (55). Pp. 218–225. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14. (In Russ.).
3. Dynamics of consumer prices. Informational and analytical commentary. 2022. No. 10. Bank of Russia, 2022. (In Russ.).

4. *Perevyshin Y.N. Trunin P.V.* Monetary Policy and Inflation in July 2022. Russian Economic Developments. 2022. Vol. 29. No. 8. August 2022. Pp. 15–20. (In Russ.).
5. Banks and financial market infrastructure in the context of modern challenges. Information and analytical review. September 2022. М.: Association of Banks of Russia, 2022. https://asros.ru/upload/iblock/258/q128tt2v80zknxvdchhwjzhex5h64m6u/Analiticheskie-materialy-k-Forumu-v-Kazani_sentyabr-2022-na-sai_t.pdf. (In Russ.).
6. Overview of financial market risks. No. 9(67). September 2022. Bank of Russia, 2022. (In Russ.).
7. The main directions of the unified state monetary policy for 2023 and the period 2024 and 2025. Approved by the Board of Directors of the Bank of Russia on 01.11.2022, Moscow: Bank of Russia, 2022. (In Russ.).
8. *Klepach A.N.* Macroeconomics in the Context of a Hybrid War. Scientific Works of the Free Economic society of Russia. 2022. Vol. 235. Pp. 63–78. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-63-78. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 01.02.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Головнин Михаил Юрьевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор ФГБУН Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
mg-inecon@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Golovnin Mikhail Yu. – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mg-inecon@mail.ru

MONETARY POLICY IN RUSSIA: REACTION TO NEW EXTERNAL CHALLENGES

Under the influence of new external shocks, primarily unprecedented sanctions against the Russian economy, the main challenges for the monetary policy were sharply increased inflation rates and a short-term depreciation of the ruble exchange rate, the need to maintain the normal functioning of the banking system and to support economic activity. In 2022 the Central Bank of Russia undertook several important measures, such as a sharp increase in the interest rate and its subsequent gradual decrease, regulatory easing for banks, and foreign exchange restrictions, which made it possible to overcome the above challenges in the short term. To build a new model of economic growth in the medium and long term, it is necessary to create the new framework combining measures of monetary and fiscal policy and regulation of financial markets in order to promote the structural changes in the Russian economy; to continue using foreign exchange regulation measures adjusting them to promote the development of the national economy; to develop new instruments for regulating the exchange rate and new approaches to regulating the circulation of digital currencies.

Keywords: *monetary policy, economic sanctions, inflation, monetary aggregates, banking system, exchange rate.*

JEL: E52, F41.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.А. МАЛЬЦЕВ

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН

С.В. ЧИЧИЛИМОВ

аспирант ФГБУН Институт экономики УрО РАН

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КОНЦЕПЦИЙ ФРИТРЕДЕРСТВА И ПРОТЕКЦИОНИЗМА В XX–XXI вв.

XX в. ознаменовался появлением и формированием новых центров силы в мировой экономике, что было обусловлено совокупностью ряда факторов. Во-первых, с ускорением промышленного и хозяйственного развития и ростом потребления в 1920-х годах обострилась необходимость поиска новых рынков сбыта. Во-вторых, фундаментальные технико-технологические и социально-экономические сдвиги в обществе вызвали к жизни первую (1870–1913 гг.) и вторую (1950–2010 гг.) волны глобализации «1.0» и «2.0». В-третьих, процесс деколонизации мировой экономики, закончившийся к 1975 г., сформировал спрос на самодостаточную и независимую хозяйственную политику стран Третьего мира. В результате оформились контуры выделяемого авторами Большого современного этапа (БСЭ, 1920–2020 гг.), главной отличительной чертой которого стало одновременное сосуществование фритредерства и протекционизма, до этого последовательно сменявших друг друга в мирохозяйственной практике.

Ключевые слова: глобализация, международная торговля, мировая экономика, протекционизм, свободная торговля, скрытый протекционизм, экономическая мысль.

УДК: 339.9.01, 339.98

EDN: CXEVFE

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_21_39

Введение

Для лучшего восприятия особенностей соотношения фритредерских и протекционистских начал в теоретических построениях необходимо разделить выделяемый авторами Большой современный этап (БСЭ) на три подэтапа и определить их сущностные особенности. Ключевой характеристикой первого из них, обозначенного авторами как «Противоборство фритредерства и протекционизма» (1920–1970 гг.), является повышенный уровень восприимчивости к идеям противоположного лагеря, несмотря на фактическое противоборство соответствующих начал в реальной экономике. Второй подэтап – «Вынужденное сосуществование фритредерства и протекционизма» (1970–2010 гг.) – отличает определенная степень сращивания идей, а иногда даже «переходов» их носителей из одного лагеря в другой. В рамках начавшегося на стыке 2010–2020 гг. третьего подэтапа – «Переосмысление протекционизма», на наш взгляд, происходит «предощущение» контуров будущего институционального фундамента и «правил игры» регулирования внешней торговли.

При этом стоит отметить, что экономические теории зачастую на «шаг вперед» предвосхищают реалии внешнеторговой политики стран – лидеров мирового хозяйства. Так, основополагающие выводы теории А. Смита о свободе торговли 1776 г. были реализованы Британией путем отмены Хлебных законов в 1846 г. Подобная ситуация повторилась с теорией протекционизма Ф. Листа, изложенной в 1827 г. [38], но получившей полномасштабное воплощение только во время канцлерства О. фон Бисмарка, с началом реализации политики немецкого протекционизма в 1870-х годах. Базисные идеи российского протекционизма, выведенные С. Ю. Витте в 1895 г. и Д.И. Менделеевым в 1896 г., практическое распространение получили только при становлении советской промышленности [7, с. 89]. Примечательно, что 45–50-летний «шаг» воплощения теоретических концепций сопоставим с продолжительностью бизнес-циклов Й. Шумпетера, К-циклов Н.Д. Кондратьева, длиной инновационных волн.

Противоборство фритредерства и протекционизма

В рамках подэтапа «Противоборство фритредерства и протекционизма» (1920–1970 гг.) развитием теорий международной торговли занимались одновременно оба лагеря экономической мысли (см. табл. 1). Концепции фритредерства на данном подэтапе, в частности, придерживались Б. Балашша, С. Линдер, Л. фон Мизес, Б. Олин, Г. фон Хаберлер, Ф. фон Хайек, Э. Хекшер. Приоритет политики защиты национальной экономики в своих трудах отстаивали Р. Вернон, Х. Зин-

Таблица 1

Ключевые работы экономистов первого подэтапа (1920–1970 гг.) – «Противоборство фритредерства и протекционизма»

Фритредерство		Протекционизм	
ключевые положения	автор / работа / год / теория	работа / год / теория	ключевые положения
«В ...системе свободной торговли капитал и рабочая сила применялись бы там, где существуют наиболее благоприятные условия для производства» [Мизес, 1993, с. 144]	Людвиг фон Мизес. Liberalismus, 1927, (к теории либерализма)	Михал Калецкий. An Essay on the Theory of the Business Cycle, 1938, (теория конъюнктуры)	«...в сельскохозяйственной стране ... если какая-то новая отрасль защищена, увеличиваются возможности для инвестиций...» [Kalecki, 1938]
«...аргумент о защите «нарастающих отраслей» принимается, когда его можно вписать в соответствующий контекст...» [Linder, 1961]	Стаффан Линдер. An Essay on Trade and Transformation, 1961, (теория пересекающегося спроса)	Пол Самуэльсон. Protection and Real Wages, 1941, (теория Столпера–Самуэльсона)	«...но не полномасштабный протекционизм, поскольку...мы преследуем ... цель ... добиться выгодного для нас характера торговли и потребления» [Samuelson, 1949, p. 176]
«Развивающимся странам нужна стабильная среда, в которой могут происходить сдвиги МРТ* ...но они могут ...выиграть от многостороннего снижения тарифов...» [Balassa, 1978, p. 420]	Бела Балашша. The Theory of Economic Integration, 1960, (теории интеграции и внутриотраслевой торговли)	Раймонд Вернон. Trade Policy in Crisis, 1958, (теория жизненного цикла продукта)	«Придется дать слаборазвитым странам обширный инструментарий для защиты зарождающейся промышленности...» [Vernon, 1958, p. 25]

*Международное разделение труда.

гер, М. Калецкий, Дж. Кейнс (в своих ранних работах [33; 34]), Р. Пребиш, П. Самуэльсон, У. Столпер, др. В силу известных обстоятельств развития мирового хозяйства рассматриваемый авторами данной статьи примерно 50-летний период можно, по их мнению, разделить на два микроэтапа. Задачей специалистов в первой половине подэтапа (1920–1950 гг.) стал поиск путей поствоенного возвращения на траек-

торию экономического роста мировой экономики в рамках «золотого века» 1870–1913 гг., когда доля экспорта в мировом ВВП выросла с 4,6 до 7,9% [53]. Хозяйственное процветание в «золотую» эпоху фритредеры, чьи позиции в данный период особенно активно отстаивали представители австрийской школы экономики, объясняли следующим образом: основанное на «естественных» и либеральных началах «развитие ... системы международных экономических отношений ... сделало возможным широкую специализацию современного производства с ... улучшениями технологии» [15, с. 43]. Концепция уменьшения, а иногда и полной ликвидации государственного вмешательства в экономику, опиралась на идею о достижении максимально эффективного роста при естественном распределении международной специализации стран, а также и на осмысление того, что Первая мировая война (1914–1918 гг.) стала «... результатом долгой и острой борьбы против либерального духа...» [15, с. 22]. Л. фон Мизес, по большому счету, заложил фундамент для последовательной критики защитной политики. Один из основателей философии либертарианства исходил из того, что если развитию международных экономических отношений «... не противостоит протекционизм..., то в результате в каждой отрасли... будет существовать относительно небольшое число фирм или ... фирма, стремящаяся производить с высочайшей степенью специализации и снабжать весь мир» [15, с. 78]. Его концепция обосновывалась верой в рационализм всех субъектов глобального хозяйства и подтверждалась тем, что пик процветания мировой экономики пришелся на период торжества либерализма.

Под влиянием разрушительных последствий периода Первой и Второй мировых войн возникла необходимость переосмысления парадигмы *laissez-faire*. Наблюдая за рекордными показателями дефляции (минус 10,5% в 1921 г.) [32, р. 349] и безработицы в США (за 1917–1921 гг. индекс безработицы вырос в США с 6,0% до 23,1% [28]), гиперинфляцией в Германии (25% в день в 1921–1923 гг. [51, р. 287]) и разрушением золотого стандарта в Европе [16], протекционисты, представленные в том числе кейнсианцами и марксистами, сделали вывод, что постулат о совокупном спросе, способном поглотить весь объем продукции, произведенной с использованием существующих технологий и имеющихся ресурсов, в условиях новой инновационной волны устарел и нуждается в пересмотре. Так, Дж. Кейнс отмечал, что «... моя критика направлена против несостоятельности теоретических основ доктрины *laissez-faire*...». Предвосхитивший на несколько лет идеи кейнсианства М. Калецкий выступал за ведение политики, которая способствует поддержанию полной занятости, путь к которой лежит через повышение потребления на внутреннем рынке, придерживаясь концепции умеренного протекционизма для поддержки

национальной промышленности. Его предложение «для ...бесперебойного функционирования системы международной торговли ... каждая страна должна поддерживать полную занятость на основе повышения внутренних расходов...» [27, р. 416], как видим, более чем созвучно основным постулатам кейнсианства.

С оформлением биполярного мира противостояние между фритредерами и протекционистами разгорелось с новой силой. США, ставшие к этому моменту экономическим гегемоном (при 7% населения на страну приходилось 27% мирового ВВП [39, р. 263] и 23% мирового экспорта в 1950 г. [32, р. 534]), в поисках новых рынков сбыта вернулись к лоббированию политики фритредерства по всему миру. В 1944–1947 гг. США инициировали ряд переговоров, в том числе в рамках Бреттон-Вудской конференции, по созданию Международной торговой организации. Данное предложение на протяжении трех лет отвергалось Европой, остававшейся в довоенной парадигме протекционистских ценностей и нуждавшейся в защите разрушенной на 70% в результате войны промышленности [42, р. 136]. Однако острая потребность в дополнительных средствах для восстановления хозяйства вынудила Европу согласиться в 1947 г. на снижение экономических барьеров в рамках соглашения ГАТТ 1947 г. в обмен на финансовую помощь со стороны США и принять план Маршалла, одним из негласных условий которого выступала концепция свободной торговли.

Теоретическое подкрепление фритредерского разворота Европы оформлено прежде всего в работах представителей Стокгольмской научной школы – С. Линдера, Б. Олина, Э. Хекшера. Так, С. Линдер, развивая взгляды Э. Хекшера и Б. Олина, пришел к выводу, что свободное развитие международной торговли позволяет странам со схожей хозяйственной структурой приобретать конкурентные преимущества и повышать интенсивность торговли, стимулируя экономический рост, который необходим Европе после войны. При этом С. Линдер равно принимал и протекционизм, отмечая, что порой обе парадигмы могут сосуществовать: «аргумент в пользу защиты молодых отраслей ... можно вписать в надлежащий контекст ... его существование не снижает обоснованности обобщений в пользу торговли» [37, р. 24].

Кстати, сближение позиций противоборствующих лагерей в данном периоде становилось все заметнее и в трудах американских экономистов. Например, П. Самуэльсон совместно с У. Столпером переосмыслили теорию Хекшера-Олина с точки зрения уместности защитной политики. Еще в 1941 г. ученые отмечали выявленный ими факт, что «международная торговля неизбежно вызывает снижение реального дохода дефицитного фактора производства...» [46, р. 60], на основании чего доказывалось «наличие зерен истины... в пользу протекционизма... для защиты рабочего класса от обнищания» [46, р. 73]. Для

сохранения конкурентоспособности страны на международной арене П. Самуэльсон допускал применение протекционистских мер, однако с важной оговоркой, что защитная политика не должна быть «полномасштабной», а переход к фритредерству возможен при определенном уровне развития промышленности [45]. В свою очередь Р. Вернон, автор теории жизненного цикла продукта, признавая, что политика отстаивания национальной самодостаточности сформировала «...достаточно гибкую и зрелую...» [50, р. 14] хозяйственную систему США, указывал, что при всех ее плюсах в отдельных случаях, прежде всего «...для противодействия ... успехам Советского блока», требовался отступ в сторону фритредерства, например, в части «...экономического слияния с другими странами» [50, р. 24].

К реализации этого дискурса шесть ведущих европейских государств приступили в 1957 г. и подписали Римский договор. Полное устранение тарифных барьеров внутри нового союза вкупе с общей таможенной границей позволили Европе в сжатые сроки оформить Третий глобальный центр силы. За 1957–1973 гг. доля ЕЭС в мировом ВВП выросла с 15,6 до 20,4% [39, р. 263].

Теоретическое осмысление данному процессу дал венгерский экономист Б. Балашша в 1960 г., доказав, что снижающая торговые барьеры интеграция «способствует экономическому росту ... через экономиию от масштаба» [26, р. 177] и является возможным путем возвращения к довоенным темпам экономического роста [26, р. 179]. Б. Балашша актуализировал модель Д. Рикардо и ввел в научный оборот коэффициент выявленных сравнительных преимуществ, призванный помочь в определении наиболее конкурентоспособных секторов экономики, которые могут выступить основой будущей интеграции стран. Одним из первых Б. Балашша выявил зарождавшиеся в Европе попытки ведения двойственной внешнеторговой политики в форме скрытого протекционизма, названного «окультурным... который не отражен в законодательстве» [25, р. 418], и, по мнению специалиста, имеющего разрушительный для мировой экономики потенциал.

Вынужденное сосуществование фритредерства и протекционизма

Вынужденное сосуществование двух концепций в 1970–2010 гг. предопределялось жестким противостоянием оформившихся к началу подэтапа двух главных центров экономической силы. На США и СССР в 1970 г. приходилось 22,4 и 9,8% мирового ВВП соответственно [39, р. 263], при примерно равном военном паритете [5, р. 38]. В сложившихся условиях обоим лидерам приходилось вести дуалистичную внешнеторговую политику, отстаивая свое первенство и защищая

интересы своих блоков. В отношении ближайших и потенциальных союзников проводилась ярко выраженная фритредерская политика, в ряде случаев не останавливавшаяся перед силовым принуждением к укреплению союзнических уз (соглашение Plaza Accord 1985 г. или пражские события в 1968 г.), которая сочеталась с протекционистской защитой от третьих стран, прежде всего из противостоявшего лагеря. Именно в этот период, несмотря на последовательное снижение тарифов и расширение состава участников договора ГАТТ (с 23 в 1947 г. до 62 в 1973 г.), по инициативе западных стран, прежде всего США, формировались основы системы скрытого протекционизма. Самые известные ее проявления, в частности, составили деятельность образованной в 1949 г. организации Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ) поставок в социалистические страны стратегических товаров и технологий, поправка Джексона-Вэника 1974 г. к Закону о торговле, договоренности США и Саудовской Аравии в 1985 г., обрушившие мировые цены на нефть с вытекавшими для советской экономики последствиями, др. При этом в самих США, скажем, в 1966 г. под действие нетарифных ограничений подпадало в общей сложности 36% суммарного импорта против 31% – в Японии, 21% – в ЕЭС [32, р. 550].

Важно отметить, что теории международной торговли в последней четверти XX столетия развивались на фоне зарождения нового технологического уклада в результате наложения Третьей [18] и Четвертой [23] промышленных революций. Необходимость переосмысления новой хозяйственной реальности привела к насыщению питательной теоретической среды новыми концепциями, в частности, к появлению теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона, новых ответвлений мир-системного анализа Дж. Арриги, институциональной теории И. Валлерстайна, др. Их разработчиков приглашали в американские аналитические «мозговые» центры [20], ответственные за разработку стратегии экономической политики США. В связи с этим новые концепции стали приобретать политизированный характер, когда защита национальных интересов вуалировалась все более изощренным протекционизмом в сочетании с «рекомендовавшейся» третьим странам, многие из которых обрели независимость в результате завершения процесса деколонизации [17, с. 14], либеральной повесткой действий в формате Вашингтонского консенсуса. Уместно в этой связи напомнить его базовый посыл: опираясь на три принципа – макроэкономическая дисциплина, рыночная экономика и открытость внешнему миру, развивающимся государствам предлагалось придерживаться десяти рецептов ведения экономической политики, в корне меняя хозяйственную систему на выгодных для США условиях через усиление роли рынка в хозяйственной системе и потенциальное достиже-

ние социально-экономического роста [52]. В условиях смены технико-технологических основ нередко некоторые эксперты пересматривали свои взгляды и переходили из одного лагеря в другой (см. табл. 2).

Таблица 2

Ключевые работы экономистов второго подэтапа (1970–2010 гг.) – «Вынужденное сосуществование двух идей»

Фритредерство		Протекционизм	
ключевые положения	автор / работа / год / теория	автор / работа / год / теория	ключевые положения
«...экономия от масштаба приводит к возникновению торговли и выгод от нее... и ее расширению» [Krugman, 1979, p. 477]	Пол Кругман. Increasing Returns, Monopolistic Competition, 1979, (новая теория торговли)	Джоан Робинсон. What Has Become of Employment Policy, 1977, (теория конъюнктуры)	«... пороки системы свободного рынка остановили эпоху глобального экономического роста...» [Robinson, 1977]
«...у компаний меньше шансов попасться на крючок государственных контрактов жуткого [creeping] отраслевого протекционизма и...» [Porter, 1990, p. 134]	Майкл Портер. An Essay on Trade and Transformation, 1990, (теория конкуренции)	Пол Кругман. Is Free Trade Passé, 1987, (к теории неопроизводства)	«...но не полномасштабный протекционизм, поскольку... мы преследуем... цель ... добиться выгодного для нас характера торговли и потребления» [Krugman, 1987]
«Наша модель проконкурентных эффектов...подчеркивает их влияние на производительность и разнообразие продуктов на либеральном рынке...» [Melitz, Ottaviano 2000, p. 311]	Марк Мелиц, Джанмарко Оттавиано. Market Size, Trade, and Productivity, 2000, («новая» новая теория торговли)	Эрих Райнерт. How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor, 2008, (теория второго канона)	«Ни одна страна не стала богатой без самодостаточного промышленного и обрабатывающего сектора...» [Reinert, 2008, p. 177]

Идеи фритредерства в это время в основном продвигали американские специалисты, прежде всего П. Кругман, М. Мелиц, М. Портер, М. Фридман, Э. Хелпман. Их развитие в новых геополитических условиях начал П. Кругман в 1979 г. Предположив, что ключевыми игроками на международной арене являются фирмы, П. Кругман разработал Новую теорию торговли (НТТ). Однако предложенный в НТТ

«...способ расширения рынков...» [35, р. 478] и получения выгод через эффект масштаба могут реализовать только развитые страны, при этом «запирая» [36] развивающиеся в невыгодных условиях. Распад советского блока в 1990-х годах и перспектива однополярного мира (в 1990 г. на США приходилось 26,2% мирового ВВП [49] и 12,8% мирового экспорта [49] против 7,3% [39, р. 263] и 2,2% [49] у СССР соответственно) привели к зарождению теорий американского превосходства. Это особенно ярко прослеживалось в работах, например, Ф. Фукуямы [29] или официальных целях некоторых крупнейших аналитических центров США (Новый американский век) [48]. Одновременно активизировались процессы вовлечения бывших социалистических стран в рыночную среду на концептуальной основе Вашингтонского консенсуса, что, в свою очередь, требовало разрушения сложившихся протекционистских подходов.

Откликаясь на эту потребность, М. Мелиц и П. Антрас предложили в 2000 г. модель «новой» НТТ: конкурентоспособность и рост компании напрямую зависят от ее вовлечения в экспортную деятельность. Снижение барьеров для импорта создает «...про-конкурентные эффекты...» в экономике, оставляя на рынке только высокоэффективные предприятия, что повышает общую производительность труда на свободном рынке [40, р. 311]. При этом обновленная модель НТТ учитывала интересы только крупнейших стран мирового хозяйства, оправдывая проникновение ТНК на рынки развивающихся стран.

Дальнейшее распространение фритредерских теорий затормозили коренные сдвиги в мировой экономике. Итогом «высокомерной» [30] политики США, глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. [31], ускоренного подъема Китая стало оформление триполярного мира США–ЕС–КНР. За 1970–2010 гг. соотношение сил глобальных лидеров существенно изменилось: вклад США в мировой ВВП снизился с 22,4 до 18,6% при одновременном увеличении доли ЕС с 19,1 до 21,9%, КНР – с 4,6 до 17,2% [39, р. 263]. В мировом экспорте доля США сократилась вдвое – с 18,6 до 9,2%, тогда как ЕС и особенно Китай свои позиции укрепили с 5,6 до 8,9% и с 0,05% до 8,6%, соответственно [49]. Переход от «недолгого однополярного момента» [17, с. 14] к новым реалиям миропорядка потребовал первоочередности защитной политики, которую отстаивали В. Дрехслер, Р. Каттель, К. Перес, Э. Райнерт, Дж. Ходжсон. Критика предложений фритредерства со стороны представителей нового протекционизма велась исходя из того, что «все страны, которые сегодня богаты, обязательно проходили через период защиты национальной обрабатывающей промышленности» [43, р. 177]. Многие из глобальных проблем – «массовая безработица ... все большее недоедание», по мнению современных протекционистов, «...идут рука об руку с ...свободной торговлей и силой рынка...» [43, р. 253].

К началу XXI в. воплощением силы рынка стала хозяйственная система, выстроенная согласно концепции постиндустриализма [2]: в стремлении создать инновационную экономику, основу которой могут заложить Вторая квантовая революция [10], новые композитные материалы [11] и биотех [12], развитые страны запустили процесс деиндустриализации. За 1990–2010 гг. доля США в мировом промышленном производстве снизилась с 22,3 до 18%, Японии – с 18 до 11,1%, Германии – с 8,8 до 6,6%. К 2010 г. вместе с разрушением индустриального сектора Соединенные Штаты потеряли мировое первенство по доле в глобальном промышленном производстве, уступив КНР, нарастившей свой вклад с 2,7 до 18,1% за 1990–2010 гг. [49]. Необходимо отметить, что к 2010 г. в топ-10 стран по данному показателю вошли еще три развивающиеся страны – Южная Корея (6-е место), Индия (8), Бразилия (9) [41]. Последствия финансового кризиса 2007–2009 гг. показали: хозяйственная система, не подкрепленная промышленным сектором, неустойчива перед потрясениями, что вынудило развитые страны заняться укреплением позиций национальной промышленности через инструменты скрытого протекционизма для обхода правил ВТО.

Переосмысление протекционизма

Процессы деглобализации и декарбонизации, ускорившиеся начиная с 2010-х годов, усугубили проблемы, вызванные деиндустриализацией. К 2020 г. США, окончательно уступившие КНР лидерство по промышленному производству (17% мирового итога против 27,5%) [41], оказались не в состоянии обеспечить национальную безопасность. Антирекорды в борьбе с пандемией COVID-19 [3] и неспособность удовлетворить спрос на поддержку максимальной технической боеготовности ВМФ страны [21] служат наглядным тому подтверждением. Эпидемия коронавируса также обострила проблему замедления мировой торговли – основного драйвера социально-экономического роста эпохи глобализации: доля торговли в мировом ВВП снизилась с 57,0% в 2010 г. до 56,5% в 2019 г. и 52,8% в 2020 г. [49]. При этом бенефициарами погони за вакциной стали страны, обладающие не эффективным препаратом, а достаточно сильным национальным фармацевтическим производством [22, р. 675]. Вышеуказанные проблемы, скорее всего, связаны с инновационной паузой. К ее главным проявлениям можно отнести увеличение разрыва цифрового неравенства в мире [47], неэффективность использования передовых технологий шестой инновационной волны для решения проблем народного хозяйства [10, с. 72], перманентный дефицит прорывных технологических решений и научных открытий [14].

В сложившихся реалиях в дискуссии приверженцев свободы торговли и протекционистов верх стали постепенно брать меркантилисты нового толка, чьи взгляды отчасти пересекаются с оформившимся еще в 1970–1980-х годах неомеркантилизмом, и неоиоляционисты. Выразителями их идей стали А. Брюне, П. Бьюкенен, Ж.-П. Гишар, Дж. Карафано, Э. Райнерт, др. Они заявляли, что «национальное богатство не может быть создано... в отсутствие обрабатывающего сектора», а потому «...масштабная деиндустриализация... преступление против потомков» [44, р. 30]. «Меркантилистские» страны в этой парадигме будут расти за счет «немеркантилистских», так как «...все страны не могут одновременно быть чистыми экспортерами...» [4, с. 69]. Другими словами, новые меркантилисты поддерживают защиту национального индустриального сектора и программы экспортрасширения, обеспечивающие хозяйственный рост за счет более слабых в экономическом смысле государств, которых можно принудить к такому взаимодействию. Немеркантилистским странам в такой системе остается «смириться» с ролью донора и «...использовать чрезмерную задолженность для стимулирования внутреннего спроса со всеми вытекающими из этого последствиями» [4, с. 72]. Черты политики неомеркантилизма особенно ярко проявились в накоплении международных резервов Китаем, Японией, Южной Кореей и Индией для поддержки экспорта через девальвацию национальной валюты, а также в принципах ведения тарифной войны США с Китаем в 2018–2020 гг. и согласовании «нефтяных» интересов государств ОПЕК+, особенно в 2020–2022 гг.

В рамках третьего подэтапа (2010–2020 гг.) «Переосмысление протекционизма» сторонники свободной торговли (Д. Аджемоглу, Т. Маллерт, Д. Родрик, К. Шваб, др.) активно развивали идеи либерализма (см. табл. 3). В качестве аргумента приводились в пример успехи Евросоюза (18% мирового ВВП [49] и 6% мирового населения [49] в 2020 г.) и потенциал Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) (30% мирового ВВП и 30% населения Земли на 2020 г.). Однако на практике, пусть и в отсутствие новых полноценных теорий международной торговли, которые только формируются, реализуется защитная политика, причем ее механизмы обходят регламенты наднациональных регулирующих организаций. Даже сторонники фритредерства вынуждены признавать, что несмотря на все плюсы свободы торговли, глобализация старого образца «не сработала» [24]. Инновационная стагнация, вкуне с тяжелыми социально-экономическими кризисами, прежде всего энергетическим и продовольственным, и нарастающим антагонизмом между развитыми и развивающимися странами, приводит к сращиванию политических и национальных идей в дуалистичном формате с преобладанием той или иной разновидности скры-

**Ключевые работы экономистов третьего подэтапа (2010–2020 гг.)
«Переосмысление протекционизма»**

Фритредерство		Протекционизм	
ключевые положения	автор / работа / год / теория	автор / работа / год / теория	ключевые положения
«...нам придется делать выбор между национальным государством и международной экономической интеграцией. Если нам нужна более глубокая глобализация, следует отказаться от национального государства» [Rodrik, 2014, p. 130]	Дани Родрик. The Globalization Paradox, 2014, (теория глобализации)	Йошка Фишер. How the EU Must Change, 2022, (критика теории интеграции)	«ЕС будущего... вместо полного членства... может предложить более узкий доступ к общему рынку» [Fisher, 2022]
«...национализм и изоляционизм... угроза эффективности глобального управления... в борьбе с глобальными рисками [Schwab, Malleret, 2020, p. 130]	Клаус Шваб, Тьерри Маллере. The Great Reset, 2020, (к теории либерализма)	Майкл Спенс. Will Russia's War Spur Trade Diversification, 2022, (критика НТТ)	«...санкции ... основное оружие Запада... неотложным императивом является... отказ от ненадежных торговых партнеров» [Spence, 2022]
«Нет сомнений в том, что открытая торговля может быть выгодна как для развивающихся, так и для развитых экономик. ... [Acemoglu 2022, p. 311]	Дарон Аджемоглу. Understanding the New Nationalism, Trade, and Productivity, 2022, (к теории глобализации)	Джозеф Стиглиц. Shock Therapy for Neoliberals, 2022, (критика теории неолиберализма)	«рынки сами по себе недальновидны... они не учитывают риски... теперь задача в том, чтобы установить соответствующие глобальные нормы» [Stiglitz, 2022]

того протекционизма. На этой почве зародились такие программы, как «Зеленая сделка» в ЕС (“Green Deal”) или «Отстроим заново и лучше» в США (“Build Back Better”). Рассмотрение их сущностного наполнения вскрывает противоречие законам рынка и нежизнеспособность концепции декаплинга в Европе [1, с. 51] (экономический рост без увеличения потребления энергии), равно как и отсутствие возможности финанси-

ровать стратегический план Дж. Байдена, требующий триллионов долларов из дефицитного бюджета США [19, с. 59].

Формирование дуалистичной внешнеторговой политики ведущих стран мирового хозяйства предопределили три фактора. Во-первых, несостоятельность существующего экономического инструментария обеспечения устойчивого роста, что особенно убедительно выявили пузырь доткомов 2000 г., финансовый кризис 2007–2009 гг. и пандемия COVID-19 [9]. Во-вторых, образовавшийся разрыв между собственно цифровыми технологиями и индустриальной основой их практического воплощения и развития как основы инновационного и прорывного роста [13], а также дефицит энергии для сокращения этого разрыва. В-третьих, оформившееся в результате двух волн глобализации [8, с. 209] превращение мировой экономики в систему сообщающихся сосудов [31], в рамках которой существует еще не осмысленная достаточно широко взаимосвязь между всеми глобальными акторами. В этих реалиях необходимость балансировать между решением внутренних проблем, вызванных деиндустриализацией и деглобализацией, повышающих спрос на протекционизм, и глобальными вызовами (пандемия, рост цифрового и экономического неравенства [47], «дефицитфляция 3.0» [9], энергетический кризис [6]), которые возможно преодолеть только совместными усилиями, формирует дуалистичную систему международных экономических отношений, основанную на скрытом протекционизме, суть и механизмы проявления которого требуют отдельного рассмотрения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Теории внешней торговли зарождались с целью обеспечения максимально благоприятных внешних условий развития для страны, в которой создавалась парадигма. Большинство из них предвосхищали хозяйственную картину мира на «шаг вперед», становясь основой внешнеторговой политики победившего экономического гегемона. Актуальность применения фритредерства или протекционизма в зависимости от хозяйственного цикла, проживаемого страной, и уровня развития промышленности определила цикличность применения теорий на практике, их эволюционное развитие и взаимодополняемость.

2. Изначально идеи свободы торговли и защиты национальных интересов разрабатывались в реалиях взаимного антагонизма. Однако научно-технический прогресс, ускоряющий экономическое развитие, и глобализация, создающая хозяйственную систему по типу «сообщающихся сосудов», детерминировали процесс теоретический диффузии и взаимопроникновения идей. Конвергенция концепций, с одной

стороны, позволила найти инструментарий для решения глобальных вызовов начальной фазы глобализации, но, с другой стороны, стала катализатором проявления современных форм дуалистичной внешнеторговой политики, усугубляющей текущие мировые проблемы.

3. К началу XXI в. произошло сближение лагерей противоборствующих идей в результате просачивания ключевых идеологием сквозь питательную среду экономической мысли. При этом в идеологическом плане на первый план выдвинулись фритредеры и сторонники теории глобализации, которые видят в наднациональном мире без границ возможное решение накопившихся в глобальной экономике противоречий. Однако на практике все чаще реализуются механизмы скрытого протекционизма, которые действуют в «серой» зоне контроля ВТО, но работают в интересах иницирующих их государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алабужин И. Европе остро не хватает энергии, но она не может открыто признаться в этом // Эксперт. 2021. № 44. С. 50–53.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
3. Белый дом назвал ужасающим фактом то, что число жертв ковида в США приблизилось к 700 тыс. // РБК. 2021, 2 октября. <https://tass.ru/obschestvo/12560717>.
4. Брюне А., Гишар Ж. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М.: Новый хронограф, 2012.
5. Веселов В.А. Трансформация параметров стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. 2015. № 3. С. 23–56.
6. Гурова Т., Мамедьяров З. Запад «съел» ресурсы восточного блока, но энергетический кризис не разрешил // Эксперт 2022. № 11. С. 70–75.
7. Дерлугьян Г.М. Советская революция 1905–1945: тезисы к первому столетию // Неприкосновенный запас. 2017. № 5. С. 80–96.
8. Дынкин А.А. Международная турбулентность и Россия // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 208–219.
9. Колодко Г.В. «Дефицитфляция» 3.0: экономика военного времени – государственный социализм – кризис на фоне пандемии // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 5–26.
10. Константинов А. Вторая квантовая революция // Эксперт. 2021. № 47. С. 70–74.
11. Кудияров С. Замкнули композитную цепочку // Эксперт. 2021. № 49. С. 22–24.
12. Лейбин В. Искусственный интеллект: что может и чего нет // Эксперт. 2021. № 49. С. 42–47.
13. Лейбин В., Сысоев Т. Без общества потребления научно-техническое отставание СССР было неизбежным // Эксперт. 2021. № 48. С. 84–89.
14. Мальцев А.А. Источники и последствия «технологической стагнации» глобальной экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб, 2014. Сер. 5. Вып. 3. С. 67–85.
15. Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М.: Начала-Пресс, 1994.

16. Минаев С. Крах, Британия // Коммерсантъ. 2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3409691>.
17. Пушков А. «Афганский синдром» распространился по всему миру подобно COVID-19 // Российская газета. 2021, 21 сентября. № 216.
18. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
19. Смирнов А. Байден: год исчезнувших иллюзий // Эксперт. 2021. № 45. С. 58–61.
20. Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США–КНР // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 9. С. 89–105.
21. Топчий И. Американский флот слабеет. Китай получает исторический шанс // Эксперт. 2021. № 47. С. 76–80.
22. Торкановский Е.П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность // Экономические отношения. 2020. № 3. С. 663–682.
23. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
24. Acemoglu D. Understanding the New Nationalism. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-nationalism-three-factors-reaction-to-globalization-by-daron-acemoglu-2022-06>.
25. Balassa B. The New Protectionism and the International Economy // Journal of World Trade Law. 1978. No. 5. Pp. 408–436.
26. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood: R.D. Irwin, 1961.
27. Collected Works of Michal Kalecki: Volume I edited by Osiatynnsky J. New-York: Oxford University press, 1990.
28. Douglas P., Director A. The Problem of Unemployment. New York: Macmillan Company, 1931. P. 498.
29. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 3. Pp. 3–18.
30. Fukuyama F. The future of American power // The Economist. 2021, 18 August.
31. Galbraith J.K. The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth. New York: Free Press, 2014.
32. Irwin D.A. Clashing over Commerce: A History of U.S. Trade Policy. Chicago: University of Chicago Press, 2017.
33. Keynes J. M. National Self-Sufficiency // The Yale Review. 1933. No. 4. Pp. 755–769.
34. Keynes J. The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Palgrave Macmillan, 1936.
35. Krugman. P. Increasing returns, monopolistic competition // Journal of Economic Theory. 1979. No. 9. Pp. 369–479.
36. Krugman P. In Praise of Cheap Labor. 1997. http://www.slate.com/articles/business/the_dismal_science/1997/03/in_praise_of_cheap_labor.html.
37. Linder S. An Essay on Trade and Transformation. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktrycke. 1961. P. 24.
38. List F. American Political Economy. Philadelphia: Printed by Samuel Parker, 1827.
39. Maddison A. The World Economy. Development Centre Studies. Paris: OECD Publishing, 2006.
40. Melitz M., Ottaviano G. Market Size, Trade, and Productivity // Review of Economic Studies. 2008. Pp. 295–312.
41. Perry M. Animated chart of the day: World's top ten manufacturing nations, 1970 to 2017 // American Enterprise Institute. https://public.flourish.studio/visualisation/467594/?utm_source=showcase&utm_campaign=visualisation/467594.

42. *Pilisuk M., Rountry J.* Who benefits from global violence and war: uncovering a destructive system. Westport: Greenwood Publishing Group, 2008. P. 136.
43. *Reinert E.* How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. London: Constable & Robinson, 2008.
44. *Reinert E., Reinert S.* Mercantilism and Economic Development: Schumpeterian Dynamics, Institution Building, and International Benchmarking. *Oikos*, 2011. Vol. 10. No. 1. Pp. 8–37.
45. *Samuelson P.* International Trade and the Equalisation of Factor Prices // *The Economic Journal*. 1949. No. 7. Pp. 163–184.
46. *Stolper W., Samuelson P.* Protection and Real Wages // *The Review of Economic Studies*. 1941. No. 9. Pp. 58–73.
47. The Global Risks Report 2021. WEF. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2021.pdf.
48. The project for the new American century. About PNAC. <https://web.archive.org/web/20131006055540/http://www.newamericancentury.org/aboutpnac.htm>.
49. The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator>.
50. *Vernon R.* Trade Policy in Crisis. *Essays // International Finance*. 1958. No. 28.
51. *Widdig B.* Culture and inflation in Weimar Germany. Berkeley: University of California Press, 2001.
52. *Williamson J.* Outline of speech at the Center for Strategic & International Studies Washington, DC. Did the Washington Consensus Fail? <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/did-washington-consensus-fail>.
53. World Trade Report 2013. WTO. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report13_e.pdf.

REFERENCES

1. *Alabuzhin I.* Europe is in dire need of energy, but it cannot openly admit it // *Expert*. 2021. No. 44. Pp. 50–53. (In Russ.).
2. *Bell D.* The Coming Post-Industrial Society. Experience of social forecasting. M: Academia, 2004. (In Russ.).
3. The White House called the terrifying fact that the number of victims of covid in the United States approached 700 thousand // *RBC*. 2021, October 2. <https://tass.ru/obschestvo/12560717>. (In Russ.).
4. *Brunet A., Guichard J.* The Geopolitics of Mercantilism: A New Perspective on the World Economy and International Relations. M.: New Chronograph, 2012. (In Russ.).
5. *Veselov V.A.* Transformation of the parameters of strategic stability: the role of the technological factor // *Bulletin of the Moscow University*. 2015. No. 3. Pp. 23–56. (In Russ.).
6. *Gurova T., Mamedyarov Z.* The West “ate” the resources of the Eastern bloc, but the energy crisis did not resolve // *Expert* 2022. No. 11. Pp. 70–75. (In Russ.).
7. *Derluyyan G. M.* The Soviet Revolution of 1905–1945: theses for the first century // *Emergency reserve*. 2017. No. 5. Pp. 80–96. (In Russ.).
8. *Dynkin A.A.* International turbulence and Russia // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 90. No. 3. Pp. 208–219. (In Russ.).
9. *Kolodko G.V.* Deficitflation 3.0: Wartime Economy – State Socialism – Crisis Against the Background of the Pandemic // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 10. Pp. 5–26. (In Russ.).

10. *Konstantinov A.* Second quantum revolution // *Expert*. 2021. No. 47. Pp. 70–74. (In Russ.).
11. *Kudiyarov S.* Closed the composite chain // *Expert*. 2021. No. 49. Pp. 22–24. (In Russ.).
12. *Leybin V.* Artificial intelligence: what can and what can not // *Expert*. 2021. No. 49. Pp. 42–47. (In Russ.).
13. *Leybin V., Sysoev T.* Without a consumer society, the scientific and technical backwardness of the USSR was inevitable // *Expert*. 2021. No. 48. Pp. 84–89. (In Russ.).
14. *Maltsev A.A.* Sources and consequences of the “technological stagnation” of the global economy // *Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 5*. 2014. Issue. 3. Pp. 67–85. (In Russ.).
15. *Mises L.* Liberalism in the classical tradition. Moscow: Nachala-Press, 1994. (In Russ.).
16. *Minaev S.* Crash, Britain. *Kommersant*, 2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3409691>. (In Russ.).
17. *Pushkov A.* “Afghan syndrome” // *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. September 21. No. 216. (In Russ.).
18. *Rifkin J.* The third industrial revolution: How horizontal interactions are changing energy, the economy and the world as a whole. M.: Alpina non-fiction, 2014. (In Russ.).
19. *Smirnov A.* Biden: a year of vanished illusions // *Expert*. 2021. No. 45. Pp. 58–61. (In Russ.).
20. *Stepanov A.S.* American experts on the confrontation between the USA and China // *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2021. No. 9. Pp. 89–105. (In Russ.).
21. *Topchy I.* The American fleet is weakening. China gets a historical chance // *Expert*. 2021. No. 47. Pp. 76–80. (In Russ.).
22. *Torkanovskiy E.P.* Avtarkia 2.0: the global environmental agenda, the COVID-19 pandemic and the new normal // *Economic relations*. 2020. No. 3. Pp. 663–682. (In Russ.).
23. *Schwab K.* The fourth industrial revolution. M.: Eksmo, 2016. (In Russ.).
24. *Acemoglu D.* Understanding the New Nationalism. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-nationalism-three-factors-reaction-to-globalization-by-daron-acemoglu-2022-06>.
25. *Balassa B.* The New Protectionism and the International Economy // *Journal of World Trade Law*. 1978. No. 5. Pp. 408–436.
26. *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Homewood: R.D. Irwin, 1961.
27. *Collected Works of Michal Kalecki: Volume I* edited by Osiatynnsky J. New-York: Oxford University press, 1990.
28. *Douglas P., Director A.* The Problem of Unemployment. New York: Macmillan Company, 1931. P. 498.
29. *Fukuyama F.* The End of History? // *The National Interest*. 1989. № 3. Pp. 3–18.
30. *Fukuyama F.* The future of American power // *The Economist*. 2021. 18 August.
31. *Galbraith J. K.* The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth. New York: Free Press, 2014.
32. *Irwin D. A.* Clashing over Commerce: A History of U.S. Trade Policy. Chicago: University of Chicago Press, 2017.
33. *Keynes J. M.* National Self-Sufficiency // *The Yale Review*. 1933. No. 4. Pp. 755–769.
34. *Keynes J.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Palgrave Macmillan, 1936.
35. *Krugman P.* Increasing returns, monopolistic competition // *Journal of Economic Theory*. 1979. No. 9. Pp. 369–479.
36. *Krugman P.* In Praise of Cheap Labor. 1997. http://www.slate.com/articles/business/the_dismal_science/1997/03/in_praise_of_cheap_labor.html.

37. *Linder S.* An Essay on Trade and Transformation. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktrycker, 1961.
38. *List F.* American Political Economy. Philadelphia: Printed by Samuel Parker, 1827.
39. *Maddison A.* The World Economy. Development Centre Studies. Paris: OECD Publishing, 2006.
40. *Melitz M., Ottaviano G.* Market Size, Trade, and Productivity. Review of Economic Studies, 2008. Pp. 295–312.
41. *Perry M.* Animated chart of the day: World's top ten manufacturing nations, 1970 to 2017 // American Enterprise Institute. https://public.flourish.studio/visualisation/467594/?utm_source=showcase&utm_campaign=visualisation/467594.
42. *Pilisuk M., Rountry J.* Who benefits from global violence and war: uncovering a destructive system. Westport: Greenwood Publishing Group, 2008.
43. *Reinert E.* How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. London: Constable & Robinson, 2008.
44. *Reinert E., Reinert S.* Mercantilism and Economic Development: Schumpeterian Dynamics, Institution Building, and International Benchmarking. Oikos, 2011. Vol. 10. No. 1. Pp. 8–37.
45. *Samuelson P.* International Trade and the Equalisation of Factor Prices // The Economic Journal. 1949. No. 7. Pp. 163–184.
46. *Stolper W., Samuelson P.* Protection and Real Wages // The Review of Economic Studies. 1941. No. 9. Pp. 58–73.
47. The Global Risks Report 2021. WEF. https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf.
48. The project for the new American century. About PNAC. <https://web.archive.org/web/20131006055540/http://www.newamericancentury.org/aboutpnac.htm>.
49. The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator>.
50. *Vernon R.* Trade Policy in Crisis. Essays // International Finance. 1958. No. 28.
51. *Widdig B.* Culture and inflation in Weimar Germany. Berkeley: University of California Press, 2001.
52. *Williamson J.* Outline of speech at the Center for Strategic & International Studies Washington, DC. Did the Washington Consensus Fail? <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/did-washington-consensus-fail>.
53. World Trade Report 2013. WTO. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report13_e.pdf.

Дата поступления рукописи: 07.11.2022 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Андрей Александрович – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия
maltsevaa@list.ru

Чичилимов Сергей Валерьевич – аспирант ФГБУН Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия
sergey.chichilimov@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Maltsev Andrey A. – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
maltsevaa@list.ru

Chichilimov Sergey V. – graduate student, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
sergey.chichilimov@gmail.com

TO THE QUESTION OF THE EVOLUTION OF THE OPPOSITION OF FREE TRADE AND PROTECTIONISM IN THE 20TH AND 21TH CENTURY

The 20th century was marked by the emergence and formation of new economic centers of power in the world economy. This is where a combination of factors came into play. Firstly, with the acceleration of economic development and the massification of industry and consumption in the 1920s, the need to find new markets increased. Secondly, fundamental technical, economic and social shifts in society brought to life the first (1870–1913) and second (1950–2010) waves of globalization. Thirdly, the process of decolonization of the world economy, which ended by 1975, formed the demand for a self-sufficient and independent economic policy of the Third World countries. As a result, the Great Modern Stage (GMS, 1920s–2020s) took shape, its main distinguishing feature, according to the authors, being coexistence of free trade and protectionism, which had previously successively replaced each other in the world economic practice.

Keywords: *globalization, international trade, world economy, protectionism, free trade, hidden protectionism, economic thought.*

JEL: F02, F41, F55.

С.С. ВИНОКУРОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры
общей экономической теории и истории экономической мысли
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ «АНОМАЛИИ» И ИЗДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

В статье исследуется возможность обобщения основных результатов поведенческой экономики (влияние статус-кво на выбор, эффект эндаумента, транзакционная полезность, ментальное счетоводство, динамическая несостоятельность и проблема самоконтроля, влияние окружения и соображений о справедливости) на основе допущения небесплатности выбора и возможности отказаться от выбора в пользу статус-кво, используя формализацию концепции рационального невнимания. Показано, что учет издержек обработки информации позволяет объяснить, почему поведенческие искажения сохраняются в логике экономического выбора, даже если индивид стремится к максимизации полезности. Выявляется ряд деталей, имеющих значение для экономической политики.

Ключевые слова: *ограниченная рациональность, поведенческая экономика, nudging, рациональное невнимание.*

УДК: 330.131, 330.16

EDN: GMIPQL

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_40_57

Введение

В последние десятилетия изучение экономического поведения предоставило огромный массив данных, демонстрирующих систематические отклонения от неоклассической модели «экономического человека». Свою эффективность показали воздействия, направленные на изменения контекста принятия решения, – то, что с «легкой руки» Р. Талера и К. Санстейна было обозначено как «подталкивание» («nudge») [21].

Кажется, что это бросает вызов обычному представлению об экономическом выборе как о результате сравнения альтернатив на основе стабильных, полностью и непротиворечиво упорядоченных индивидуальных предпочтений. «Поведенческие» направления экономической науки, напротив, отводят принципиальную роль интуитивным приемам и методам принятия решений, когнитивным иска-

жениям, характеристикам информации, социальному окружению, обучению и т.п.

Ниже рассмотрена возможность объяснить классические «поведенческие аномалии» (влияние статус-кво на выбор, транзакционную полезность и эффект эндаумента, ментальное счетоводство, динамическую несостоятельность и проблемы самоконтроля, влияние окружения и соображений о справедливости) с точки зрения небесплатности выбора и возможности отказаться от него в пользу сохранения исходной позиции. В рамках анализа используется концепция рационального невнимания, введенная К. Симсом [16; 17]. Такое «объяснение» не имеет целью найти универсальное основание поведенческих отклонений, но нацелено на формализацию причин, по которым когнитивные искажения и поведенческие закономерности могут сохраняться в экономических решениях, влияя на их логику, даже если индивид стремится к максимизации получаемой полезности.

Изучение ограниченной рациональности позволило говорить и о новом типе регулирующего воздействия – о так называемом «подталкивании», и о новом типе рыночных несовершенств, требующих государственного вмешательства. Однако небесплатность выбора позволяет подозревать вменение индивиду дополнительных издержек, когда он вынужден пересматривать свое поведение, а также то, что индивид просто отказывается сравнивать свое нынешнее положение с прошлым, пассивно принимая изменения.

Ниже приведен краткий обзор концепции рационального невнимания, показана ее перспективность для объяснения ограниченно рационального поведения, представлен авторский подход к описанию выбора, проиллюстрированный на примере классических «поведенческих аномалий». В заключение рассмотрены нюансы, возникающие при анализе необходимости и результативности государственного вмешательства.

1. Концепция рационального невнимания

Концепция рационального невнимания была сформулирована К. Симсом [16; 17]. Согласно ей, решения индивида определяются поиском баланса между их аккуратностью и издержками обработки информации. Аккуратность решений представляется вероятностью выбора той или иной альтернативы: чем ближе распределение вероятностей к равномерному, тем менее аккуратен выбор. Информация представляется как уменьшение энтропии К. Шеннона в результате изменения распределения вероятностей на множестве альтернатив.

Концепция рационального невнимания используется автором настоящей работы, поскольку позволяет формализовать стоимость осуществления выбора, не вводя каких-либо специфических приемов и методов, связанных с принятием решений в конкретных обстоятельствах. При этом она не выглядит чрезмерно упрощенной. Было показано, что в случае дискретного выбора, максимизация полезности с учетом издержек на обработку информации приводит к логистическому распределению вероятностей на множестве альтернатив, регулярно применяемому в эконометрике для моделирования такого рода выбора [14] и в нейроэкономической модели диффузии дрейфа (driftdiffusionmodel) (см., например: [8]).

К подходу, развиваемому в нашей статье, близки динамические версии рационального невнимания, в которых индивиду разрешается откладывать решение до того момента, как будет накоплено оптимальное количество информации (демонстрируя смещение (bias) в сторону статус-кво или инерцию), и выбирать поступающие сигналы [11; 12; 18] и версии, приближенные к модели диффузии дрейфа, когда предпочтение той или иной альтернативы должно достичь определенной силы, чтобы выбор был сделан [22]. В отличие от этих моделей мы остаемся в рамках сравнительной статики.

В отличие от подхода к моделированию ограниченной рациональности на основе заметности (saliency), где альтернатива должна быть достаточно заметной, для того чтобы быть выбранной, в частности, против статус-кво [4; 5], рациональное невнимание предполагает уточнение выбора в направлении альтернативы, приносящей большую полезность. Впрочем «заметность» (как и прочие поведенческие особенности) может рассматриваться как источник априорных вероятностей, т.е. вероятностей выбрать ту или иную альтернативу до обработки информации. Это позволяет, в частности, отказаться от попыток объяснения поведенческих аномалий с помощью аксиом, касающихся непосредственно предпочтений, как, например, в [9]. Наконец, в данной работе стоимость осуществления выбора рассматривается как самостоятельный существенный фактор поведения. Таким образом, выбранный подход отличается от объяснений «поведенческих аномалий» с помощью моделей двух- (или много-) этапного выбора [1].

2. Издержки принятия решений и «поведенческие аномалии»

Представим основную идею нашего подхода, заключающуюся в том, что небесплатность выбора может лежать в основе ограниченно рационального поведения, в формализованном виде. Затем обсудим ее применимость для классических «поведенческих аномалий»,

описанных в [19; 21], – влияния статус-кво на выбор, транзакционной полезности и эффекта эндаумента, ментального счетоводства, динамической несостоятельности и проблем самоконтроля, влияния окружения и соображений о справедливости.

2.1. Издержки осуществления выбора

Пусть X – множество доступных альтернатив, из которых индивид осуществляет выбор (будем полагать его конечным и дискретным), а $p(x)$, $x \in X$ – вероятность, с которой индивид выбирает альтернативу x из доступного множества $\left(\sum_{x \in X} p(x) = 1\right)$. Мы можем охарактеризовать неопределенность, связанную с выбором альтернативы, как функцию от $p(x)$ и в качестве ее меры использовать энтропию К. Шеннона: $H = -\sum_{x \in X} p(x) \ln p(x)$.

Делая распределение $p(x)$ менее равномерным, индивид уменьшает неопределенность. Мы можем это представить как получение информации по Шеннону (далее – просто информации): $I = -\Delta H$. Таким образом, концентрация выбора на определенной альтернативе означает получение информации и снижение неопределенности, связанной с выбором.

Вторая производная H по $p(x)$ отрицательна. Поэтому для того, чтобы обеспечить рост предельных издержек, связанных с увеличением вероятности выбрать лучшую альтернативу, достаточно допустить постоянные издержки λ , необходимые для получения единицы информации.

Обработка информации позволяет индивиду повысить ожидаемую полезность выбора на величину, равную $\Delta Eu = \sum_{x \in X} (p(x) - p_0(x)) u(x)$, где $p_0(x)$ – априорная вероятность выбрать альтернативу x (т.е. вероятность, с которой индивид выбирает альтернативу до анализа информации, например, в силу каких-то когнитивных или поведенческих искажений, $\sum_{x \in X} p_0(x) = 1$).

Вероятность $p(x)$ определяются задачей максимизации $\Delta Eu - \lambda I$, результатом чего будет такая логистическая функция распределения вероятностей над X [14], что вероятность выбрать альтернативу будет тем больше, чем больше ее ожидаемая полезность по отношению к издержкам обработки информации и чем больше вероятность выбрать ее до обработки информации.

Допустим теперь, что у индивида остается возможность отказаться от выбора вообще. Зафиксируем альтернативу $x_0 \in X$ так, что при отказе от выбора, индивид получит полезность $u(x_0)$, не затратив

никаких издержек, связанных с обработкой информации. Поскольку информация не анализируется, индивид судит о выборе исходя из априорных вероятностей. Тогда ожидаемая полезность от осуществления выбора равна $u_0 = \sum_{x \in X} p_0(x)u(x)$, в то время как связанная с ним неопределенность равна $H_0 = -\sum_{x \in X} p_0(x) \ln p_0(x)$. Несмотря на то что в результате обработки информации (если она окажется вообще целесообразной) индивид уменьшит неопределенность и увеличит ожидаемую полезность выбираемой альтернативы, он не может судить об этом заранее и, следовательно, решается на выбор, только если $u(x_0) < u_0 - \lambda H_0$. Таким образом, мы учитываем не только возможность выбрать худшую альтернативу по ошибке, которая заложена в концепции рационального невнимания, но и возможность того, что индивид вообще откажется рассматривать лучшую альтернативу, желая избежать неопределенности, что, как представляется, лучше отражает поведенческие закономерности.

2.2. Поведенческие «аномалии»

2.2.1. Значение статус-кво

Из рассуждения, приведенного выше, непосредственно вытекает, что поведение зависит от того, какая альтернатива фиксирована «по умолчанию» и будет получена в случае отказа от выбора. Значит, чтобы статус-кво (x_0) мог быть поставлен под вопрос, ожидаемая, исходя из априорных вероятностей выбрать ту или иную альтернативу, полезность выбора (u_0) должна превышать текущую полезность $u(x_0)$ на соответствующую величину: $u_0 - u(x_0) > H_0$ (мы используем строгое неравенство, предполагая предпочтительность статус-кво при прочих равных условиях).

Предположим, что, меняя «архитектуру выбора», мы можем изменить статус-кво, сделав таковым x_1 . Допустим также, что это – все доступные альтернативы, т.е. $X = \{x_0, x_1\}$. Ясно, что если $u(x_1) - u_0 \geq -\lambda H_0$ индивид будет придерживаться нового статус-кво, независимо от того, каковы его действительные предпочтения.

Примечательно то, что при $\min(u(x_0), u(x_1)) \geq u_0 - \lambda H_0$ индивид всегда принимает альтернативу по умолчанию, независимо от истинных предпочтений. Это означает, что наблюдаемое согласие индивида с изменениями не свидетельствует об истинных предпочтениях, которые были бы сформированы, если бы сравнение альтернатив не требовало усилий. Поэтому выглядит сомнительным аргумент сторонников «либерального патернализма» о том, что возможность возврата к прежней альтернативе после смены статус-кво обеспечивает не-ухудшение положения индивида в результате вмешательства.

2.2.2. Транзакционная полезность и эффект эндаумента

Представленная выше интерпретация значения статус-кво позволяет объяснить случаи, когда индивид учитывает такие обстоятельства сделки, какие не должен был бы принимать в расчет, будучи полностью рациональным. Это может быть неожиданная выгода предложения обычно «ненужного» блага, учет уже понесенных расходов, которые невозможно «отыграть», изменение ценности альтернативы, в зависимости от того, находится ли она во владении индивида.

Допустим, что альтернатива выбору – нулевая полезность, а две предлагаемые индивиду на выбор альтернативы x_1, x_2 приносят полезность больше нуля. Индивид соглашается на выбор между ними, когда ожидаемая полезность выбора превышает издержки обработки информации $u_0 > \lambda H_0$. Предположим, что априорная вероятность отказаться и от x_1 и от x_2 , если выбор между ними осуществляется, равна нулю. Мы можем предположить также, что вероятность выбрать x_2 в результате сопоставления больше, чем вероятность выбрать x_1 (при достаточно малом значении λ мы можем допустить даже, что x_2 выбирается почти наверняка). Пусть теперь альтернатива x_1 отдана во владение индивида. Тогда он будет сравнивать ее с x_2 , только если $u_0 > H_0 + u(x_1)$, поскольку теперь x_1 оказывается альтернативой по умолчанию. Следовательно, при $H_0 + u(x_1) \geq u_0 > H_0$ индивид может отдавать предпочтение x_2 , когда он не обладает ни одной альтернативой, но, получив во владение x_1 , не будет обменивать ее на x_2 . Таким образом, возникает эффект эндаумента.

Представим теперь, что исходному состоянию с нулевой полезностью противопоставляется только альтернатива x_1 . До начала обработки информации индивид оценивает вероятность ее выбора как $p_0(x_1)$ (соответственно с вероятностью $1 - p_0(x_1)$ он сохранит начальное состояние с нулевой полезностью). Тогда индивид не будет даже рассматривать возможность получения x_1 , пока $p_0 u(x_1) \leq \lambda H_0$. Пусть теперь, в силу обстоятельств, априорная вероятность выбрать x_1 повышается, так что $p'_0(x_1) > p_0(x_1)$ (заметим, что соответствующая энтропия, связанная с выбором H'_0 , может оказаться как больше, так меньше H_0). Теперь индивид может начать рассматривать альтернативу x_1 (и с какой-то вероятностью выбирать ее), если $p'_0 u(x_1) > \lambda H'_0$. Поскольку полезность x_1 не меняется, мы имеем дело с транзакционной полезностью, которая, однако, имеет вполне реальное содержание – повышение вероятности выбрать x_1 (заметим, что в нашем примере $u(x_1) > 0$, если $\lambda H'_0 > 0$, в противном случае ожидаемая полезность выбора не компенсирует издержек обработки информации) и, возможно, снижение неопределенности.

Важно отметить, что в рассмотренных случаях индивид не несет ущерба в сравнении с исходным состоянием. Таким образом, ни эффект

эндаумента, ни наличие транзакционной полезности не представляют собой угрозу сами по себе. Однако легко представить иную ситуацию.

Допустим, что $u(x_1) < 0$, в то время как $u(x_2) > 0$. Как и прежде, это – все доступные альтернативы, не считая сохранения исходного состояния с нулевой полезностью. При достаточно большом $u(x_2)$ (или сильной привлекательности сделки, выраженной в высокой априорной вероятности выбрать x_2) индивид соглашается на выбор, так как ожидаемая полезность с учетом издержек на обработку информации оказывается больше нуля, при этом он может ошибиться и выбрать x_1 . (Другой сценарий может состоять в том, что x_1 достается индивиду в качестве приза, подарка и т. п.). Индивид может вернуться в исходное состояние с нулевой полезностью (вернуть товар или выбросить вредный подарок), но делает это путем осуществления нового выбора (например, он должен убедиться, что от x_1 точно «не будет толка»). Тогда он будет рассматривать отказ от x_1 только если $\lambda H_0 < (1 - p_0(x_1))u(x_1)$, где H_0 – начальная энтропия, связанная со сравнением x_1 и нуля. Таким образом, индивид может смириться с навязанным или ошибочно приобретенным «антиблагам», если приносимый им ущерб невелик. На деле же это может выглядеть как учет в выборе уже понесенных невозвратных потерь или уже упущенных возможностей, лишь бы не признавать сделку неудачной или приз/подарок бесполезным.

2.2.3. Ментальное счетоводство

Наличие «ментального счетоводства», на первый взгляд, подрывает саму идею рационального выбора, коль скоро индивид не заботится о выравнивании предельных полезностей потребляемых благ на один рубль, а оперирует отдельными «счетами». Более того, он может быть готов скорее занять средства, чем взять их из другого «ментального счета», или «пустить на ветер» случайно высвободившиеся средства, вместо того чтобы перераспределить их на другой счет.

Пусть индивиду доступно K благ, которые он разбивает на M категорий или «ментальных счетов» ($M < K$). Предположительно, такая разбивка должна делать принятие решений более эффективным с учетом издержек обработки информации, однако для демонстрации интересующих нас эффектов не существенно, как именно она произведена. Так, если речь идет о дополнительных суммах или возникших потерях, то решение о том, расходы на какие альтернативы увеличить или сократить, связано с необходимостью обработки информации, и для небольших сумм индивиду было бы выгодно в том или ином виде отказаться от выбора (например, ожидая пока не накопятся существенные неизрасходованные средства или долги, или вовсе избавившись от «лишних» средств).

Более интересный случай – когда возникает «эффект залипания» и средства, высвобождаемые на одних счетах (например, из-за изменения цен), перераспределяются внутри этих же счетов, а не перераспределяются на другие. Пусть дополнительные средства образуются на «счете» $t \in M$. Тогда распределение высвободившихся средств внутри этого «счета» ожидаемо приносит выигрыш $u_0^m - \lambda H_0^m$. Перераспределение между категориями альтернатив требует выбора категории и альтернативы внутри нее и приносит ожидаемый выигрыш $u_0^{M,K} - \lambda H_0^{M,K}$ (мы предполагаем для простоты, что издержки, обработки единицы информации λ одинаковы). Заметим, что неопределенность выбора между «ментальными счетами» больше (если «счетов» хотя бы два), чем внутри данного счета, поскольку этот счет входит в число «ментальных счетов», между которыми происходит перераспределение (таким образом, $H_0^{M,K} > H_0^m$). Тогда выбор внутри «ментального счета» t предпочтителен, пока
$$\frac{u_0^{M,K} - u_0^m}{H_0^{M,K} - H_0^m} \leq \lambda.$$

2.2.4. Гиперболическое дисконтирование и самоконтроль

Рассмотрим распределение бюджета между потреблением двух периодов. В первом случае индивид будет выбирать между соседними периодами – текущим ($t = 0$) и следующим ($t = 1$), а во втором выбор происходит между потреблением в периоды $t = 0$ и $t = 2$. Допустим, что U_0 – полезность, получаемая индивидом за два периода «по умолчанию», одинакова в обоих случаях. Индивид мог бы увеличить получаемую полезность, распределив свой бюджет оптимально между периодами. Пусть U_1, U_2 – максимальные полезности за два периода в первом и втором случае соответственно. Чтобы согласиться на поиск оптимального решения, индивид должен ожидать, что увеличение полезности покроет затраты на обработку информации. Предположим, для упрощения, что индивид выбирает с ненулевой априорной вероятностью только оптимальное распределение или начальное состояние. Тогда $u(c_t) > \left[\frac{1}{p_0(U)} (\lambda H_0 + (1 - p_0(U_0)) U_0) - u(c_0) \right] \beta^{-t}$, где c – потребление соответствующего периода при оптимальном распределении бюджета. Выражение в квадратных скобках складывается из начальной энтропии, связанной с решением, и полезности за два периода, получаемой «по умолчанию», с учетом того, что с априорной вероятностью $p_0(U_0)$ индивид сохранит неизменным распределение бюджета между двумя периодами. С априорной вероятностью $p_0(U)$ индивид выберет оптимальное распределение бюджета, и в этом случае его полезность будет складываться из $u(c_0)$ и $\beta^t u(c_t)$.

Заметим теперь, что если речь идет об U_1 (т.е. о распределении между соседними периодами времени), индивид должен потреблять меньше в период $t = 0$, чем при U_2 (т.е. распределении между текущим периодом и $t = 2$). Это значит, что выражение, приведенное выше в неравенстве в квадратных скобках, оказывается меньше в случае U_2 , а нижняя граница увеличивается менее чем в β^{-1} раз по сравнению с выбором между U_0 и U_1 . Иными словами, при распределении бюджета между текущим периодом и отдаленным будущим индивид готов начать рассматривать более предпочтительное распределение своего бюджета при меньших процентных ставках (если ожидаемые выгоды вообще покрывают затраты на принятие такого решения), чем при распределении бюджета между ближайшими периодами. Так происходит из-за того, что в принципе речь идет о перераспределении во времени меньшего количества потребления. Напротив, в случае, когда перераспределение происходит между соседними периодами, более или менее отстоящими во времени, то в случае более отстоящих во времени периодов речь идет о более низкой сумме полезностей «по умолчанию» (U_0) в этих периодах.

В результате мы получаем эффект, по своей сути аналогичный гиперболическому дисконтированию, а именно – требование меньшей компенсации за отказ от текущего потребления по мере увеличения горизонта планирования. Однако теперь эффект связан не с временной несогласованностью предпочтений, а с пороговыми значениями будущей полезности, которая оправдывает выбор. Поскольку длительная перспектива, при прочих равных, предполагает менее значительное перераспределение полезности, индивид согласен рассматривать более низкую доходность (в расчете на единицу времени). Вместе с тем, при данной доходности, существует горизонт планирования, за которым выигрыш от оптимизации потребления не покрывает издержек на обработку информации.

Проблемы «прокрастинации» и «самоконтроля» возникают естественным образом. При данной доходности удаленные промежутки времени не рассматриваются индивидом, поскольку выходят за горизонт планирования, и индивид «прокрастинирует», поскольку масштабы возможного перераспределения потребления слишком малы, чтобы тратить на него усилия. При сокращении временного промежутка в какой-то момент индивид начинает рассматривать удаленные периоды. Однако по мере дальнейшего приближения будущего во времени, в какой-то момент он может снова перестать рассматривать будущее, поскольку доходность (возможность увеличения будущего потребления за счет текущего) становится недостаточной для покрытия издержек на обработку информации, – и индивид испытывает «проблемы с самоконтролем».

И тот и другой эффект более возможен при большем U_0 , однако большее значение U_0 означает меньший ущерб от них. Иными словами, главной жертвой динамической несостоятельности поведения становятся индивиды, «по умолчанию» распределяющие потребление во времени достаточно, но не слишком «неоптимально».

2.2.5. Влияние окружения и когнитивные искажения

Примеры влияния окружения (будь то социальное окружение или информационное), как кажется, опровергают предпосылку методологического индивидуализма. Хотя индивид может и не заботиться о благосостоянии других, он может учитывать их поведение как источник информации, часто не отдавая себе отчет, насколько этот источник надежен и насколько надежны его наблюдения.

Среда, в которой находится индивид, формирует сигналы, которые задают предрасположенность к выбору той или иной альтернативы, а также могут быть более или менее сложны с точки зрения анализа сопутствующей информации. Таким образом, можно определить сигналы, создаваемые «окружением» s , как набор априорных вероятностей $p_0^s(x)$ и соответствующие им издержки на единицу обрабатываемой информации λ^s .

Представим, что $u(a) > u(b)$, но при этом более частому выбору альтернативы a соответствует «окружение» A , а в «окружении» B индивид чаще выбирает b .

Пусть отказ от выбора приносит нулевую полезность, в обоих «окружениях» ожидаемая полезность выбора больше ожидаемых издержек обработки информации (т.е. индивид всегда выбирает), и статус-кво выбирается с нулевой априорной вероятностью (т.е. его сохранение не рассматривается при осуществлении выбора). В обеих средах выбор происходит в соответствии с логистическими функциями, так что

$$\frac{p^s(a)}{p^s(b)} = \frac{p_0^s(a)e^{u(a)/\lambda^s}}{p_0^s(b)e^{u(b)/\lambda^s}}, \quad s = \{A, B\}.$$

Тогда смена предпочтений при смене окружения происходит вследствие соответствующего изменения отношения априорных вероятностей и недостаточно высоких значений полезностей относительно издержек обработки информации (u/λ^s).

Заметим, что эту логику можно применить как к социальному окружению, так и к «когнитивному». Так, к примеру, индивид может выводить априорные вероятности как из распространенности того или иного выбора в своем социальном окружении, так и из доступности альтернатив для припоминания.

2.2.6. Справедливость

Справедливость можно трактовать как отказ от действий, которые уменьшают полезность другого относительно статус-кво, хотя понимание статус-кво в суждениях о справедливости может отличаться от актуального в пользу некоторого гипотетического состояния или статус-кво, имевшего место в прошлом. Так или иначе, предположим, что два индивида разделяют некоторое представление, согласно которому их полезности должны быть по крайней мере u_0^1 , u_0^2 . Если индивид не совершает действий, уменьшающих полезность другого индивида, относительно этого статус-кво, то другой индивид не противодействует ему, пытаясь восстановить статус-кво, и пассивно принимает изменение (как в 2.2.1.). Если полезность, получаемая другим индивидом, уменьшается в такой мере, что он начинает рассматривать возможность восстановления статус-кво (такое рассмотрение покрывает издержки на обработку информации), то он может с какой-то вероятностью согласиться с изменением или попытаться вернуться в прежнее состояние. Но это означает, что последствия «несправедливых» действий связаны с большей неопределенностью для осуществляющего их индивида (поскольку реакция другого индивида может быть различной), чем последствия справедливых действий (поскольку другой индивид пассивно принимает их результат). Замечательно то, что из-за возрастающей неопределенности индивид может избегать «несправедливых» действий, даже если не ожидает наказания за них.

3. Издержки принятия решений и регулирование

Прогресс в области поведенческой экономики привел к пониманию, что общественное благосостояние может быть улучшено путем изменения условий принятия решений в направлении, облегчающем индивидуальное следование своим истинным предпочтениям. Особенно привлекательно, что это не требует ни дорогостоящего воздействия на стимулы индивидов, ни ограничения их свобод. Двумя программными статьями в этом вопросе стали работы К. Камерера и соавторов и Р. Талера и К. Санстейна, опубликованные в 2003 г. [6; 20]. Впрочем, позитивно настроенные исследователи предлагают использовать достижения поведенческой экономики еще более агрессивно и «атаковать» фундаментальные проблемы, связанные с несовершенствами рынка и ограниченной способностью людей принимать решения – путем информирования, обучения и убеждения [3], а то и модификации налогообложения [7] и антимонопольного регулирования [2]. Скептически настроенные авторы подвергают сомнению «чистоту эксперимента», утверждая, что на поведение людей может влиять сам факт изменения условий принятия решений, воспринятый ими как

сигнал о качестве предлагаемых альтернатив или одобряемом выборе [10], а также высказывая более общие опасения относительно компетентности и добросовестности государства, получающего возможность манипулировать выбором людей через изменение параметров, воздействие которых они могут не осознавать, а также возникающих в связи с этим перераспределительных эффектов [11; 15].

Из проведенного анализа можно заключить, что наличие «поведенческих аномалий» само по себе не позволяет судить о необходимости или вредности регулирования. Действительно, ориентируясь на априорные вероятности (p_0) выбрать ту или иную альтернативу, индивид недооценивает привлекательность выбора, поскольку в процессе выбора он сможет обрабатывать информацию оптимально, максимизируя разницу между ожидаемым выигрышем и издержками ее обработки. Это говорит о том, что индивид упускает небольшие возможности улучшения своего благосостояния, а производители благ, лишь немного лучших, чем присутствующие на рынке, будут игнорироваться невнимательным потребителем. Однако регулирование, направленное на подталкивание индивида к выбору, изменение его окружения или статус-кво, предполагает знание его истинных предпочтений и его издержек обработки информации. Это возможно, когда речь идет о сугубо технических аспектах решений, но кажется нереалистичным в более общем случае. Конечно, речь может идти о достижении иных целей, помимо увеличения полезностей для невнимательных индивидов, например, о сокращении издержек, связанных с производством или работой системы социального обеспечения, но окончательное суждение зависит от выбранной функции благосостояния.

Тем не менее наш анализ поведенческих отклонений с помощью концепции рационального невнимания позволяет ввести в рассмотрение ряд новых деталей.

Во-первых, осуществление выбора влечет за собой издержки на анализ информации, которые могут лечь не на ту сторону, для которой эти издержки минимальны. В этом смысле «архитектура выбора», облегчающая рациональные решения, может как недопроизводиться (когда она не создается, хотя издержки на обработку данного количества информации, понесенные сторонами взаимодействия, уменьшились бы), так и *перепроизводиться* (когда «архитектура выбора» создается, хотя суммарные издержки на обработку данного количества информации растут) стороной, инициировавшей выбор. Представим спрос на благо x (в целях сокращения будем обозначать количество блага этой же буквой) как функцию от цены p и реального благосостояния потребителя M : $x = x(p, M(\bar{p}, \lambda I))$. Реальное благосостояние индивида, в свою очередь, зависит от уровня цен \bar{p} и расходов на обра-

ботку информации (λI), которые понес индивид, решая покупать благо x , и принимая прочие решения. Производитель может уменьшить эти издержки, сделав выбор x выбором «по умолчанию» или создав среду, в которой благо выбирается с пренебрежимо малыми издержками на обработку информации. Однако для этого производитель должен «предугадать» выбор потребителя, обработав соответствующую информацию за него. Пусть благо x «некачественное» ($dx/dM < 0$). В этом случае продавцу блага нет смысла прикладывая усилия для того, чтобы облегчить потребителю выбор (даже напротив). Даже если такие действия продавца не будут связаны с издержками для него, они сами по себе не будут выгодны, поскольку повлекут за собой сокращение спроса. В этом случае «архитектура выбора», способствующая принятию рациональных решений, будет недопроизводиться. Наоборот, допустим, что благо «высококачественное» (dx/dM много больше нуля). При определенных условиях, производитель может предпочесть заменить своими усилиями усилия потребителя по обработке информации, даже если он обрабатывает информацию менее эффективно, чем потребитель. В этом смысле можно сказать, что «архитектура выбора», способствующая принятию рациональных решений, перепроизводится, поскольку тот же объем информации теперь обрабатывается с большими издержками. Важно, что недостаточное создание благоприятной «архитектуры выбора» будет концентрироваться среди благ низкого качества, в то время как избыточное – среди качественных. Также можно заметить, что, облегчая или затрудняя потребителю осуществление рационального выбора, производители качественных и некачественных благ оказывают внешние эффекты друг на друга (через воздействие на благосостояние индивида, зависящее от совокупных усилий по обработке информации), что может вести к дальнейшим потерям эффективности. При этом информационные издержки будут взаимодействовать с уровнем цен, поскольку оба фактора входят в качестве аргумента в $M(\bar{p}, \lambda I)$.

Во-вторых, рациональное невнимание может привести к ограничению конкуренции на рынке. При этом следует ожидать, что под ударом окажутся блага, незначительно отличающиеся по своему качеству от уже присутствующих на рынке. Блага, идентичные потребляемым индивидом, просто воспроизводят статус-кво. Блага, которые обещают значительное увеличение получаемой полезности, оправдывают усилия по обработке информации. Однако искусственная поддержка не слишком больших улучшений не обязательно приведет к желаемым результатам. С одной стороны, повысившееся качество присутствующих на рынке благ сделает улучшения, бывшие прежде существенными, не столь значительными, и теперь невнимание потребителей может блокировать инновации, которые были наиболее продуктивными. С другой стороны, если не все производители могут перестро-

иться на выпуск блага, более ценимого потребителями, может произойти захват рынка производителем, предлагающим улучшения, которые не стоят внимания потребителя. А это позволит производителю в будущем вновь понизить качество. Если производителям сложно повысить полезность предлагаемых благ, а появление существенных улучшений, которые потребители самостоятельно заметят, весьма вероятно, – сохранение на рынке худших благ в течение какого-то времени может оказаться вторым лучшим.

В-третьих, на макроэкономическом уровне рациональное невнимание может быть источником «залипания», когда экономические субъекты не будут реагировать на изменения конъюнктуры или стимулы в определенном диапазоне, и резких изменений, когда изменения и стимулы выходят за этот диапазон. Источником этих колебаний будут в первую очередь те субъекты, для которых издержки обработки информации довольно существенны, однако их текущее благосостояние достаточно велико, чтобы реагировать на малейшую возможность его повысить.

В-четвертых, информационные издержки могут быть источником неравенства: индивиды, для которых обработка информации тяжела, при прочих равных, готовы сохранять менее выгодный статус-кво.

Наконец, объяснение поведенческих отклонений через призму концепции рационального невнимания позволяет взглянуть на проблему изменения или сохранения норм как на выбор между более рациональным общественным устройством и издержками преодоления неопределенности, связанной с изменениями. Существенную роль в принятии или отторжении изменений играют разделяемые индивидами представления о статус-кво, с которым они соотносят свое положение.

Заключение

Мы рассмотрели возможность интерпретировать «поведенческие аномалии» с помощью концепции рационального невнимания. Нашей задачей был поиск экономической логики, которая, как может казаться, регулярно нарушается ограниченно рациональными индивидами. Если принять во внимание издержки осуществления выбора и допустить возможность отказаться от него в пользу статус-кво, отклонения от модели совершенно рационального индивида становятся вполне объяснимы путем сопоставления затрат и выгод.

Конечно, приведенные в статье объяснения классических «поведенческих аномалий» – влияния статус-кво, транзакционной полезности, эффекта эндаумента, ментального счетоводства, проблем самоконтроля и динамической несостоятельности, влияния окружения

и соображений справедливости, следует рассматривать, скорее, как демонстрацию возможностей предложенного подхода и приглашение к развитию более строгих построений, согласующихся с эмпирическими данными. Такое развитие представляется желательным, дабы сделать дальнейший поиск поведенческих факторов и способов работы с ними более направленным.

Возможность подвести экономическую логику под «поведенческие аномалии» привлекательна и потому, что позволяет рассматривать соответствующую политику в более традиционном ключе. «Подталкивание» может привести к улучшениям, когда удешевляет принятие рациональных решений, однако это требует знания индивидуальных предпочтений и издержек обработки информации. В то же время поведенческие факторы привносят свои нюансы в проблемы формирования среды принятия решений, ограничения конкуренции, действенности макроэкономических стимулов, борьбы с бедностью и неравенством и адаптации социальных норм к меняющейся действительности, и поэтому в этой области еще предстоит большой объем исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.И. За пределами классической рациональности: двухэтапная рационализация // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 12–35.
2. Шаститко А. Поведенческий антитраст // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 76–91.
3. Bhargava S., Loewenstein G. Behavioral economics and public policy 102 // Beyond nudging. American Economic Review. 2015. Vol. 105. No. 5. Pp. 396–401. DOI: 10.1257/aer.p20151049.
4. Bordalo P., Gennaioli N., Shleifer A. Salience theory of choice under risk // The Quarterly journal of economics. 2012. Vol. 127. No. 3. Pp. 1243–1285. DOI: 10.1093/qje/qjs018.
5. Bordalo P., Gennaioli N., Shleifer A. Salience in experimental tests of the endowment effect // American Economic Review. 2012. Vol. 102. No. 3. Pp. 47–52. DOI: 10.1257/aer.102.3.47.
6. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetric Paternalism” // University of Pennsylvania law review. 2003. Vol. 151. No. 3. Pp. 1211–1254. DOI: 10.2307/3312889.
7. Farhi E., Gabaix X. Optimal taxation with behavioral agents // American Economic Review. 2020. Vol. 110. No. 1. Pp. 298–336. DOI: 10.1257/aer.20151079.
8. Fehr E., Rangel A. Neuroeconomic Foundations of Economic Choice – Recent Advances // Journal of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25. No. 4. Pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.25.4.3.
9. Gerasimou G. Asymmetric dominance, deferral, and status quo bias in a behavioral model of choice // Theory and Decision. 2016. Vol. 80. No. 2. Pp. 295–312. DOI: 10.1007/s11238-015-9499-7.

10. Gigerenzer G. On the supposed evidence for libertarian paternalism // Review of philosophy and psychology. 2015. Vol. 6. No. 3. Pp. 361–383. DOI:10.1007/s13164-015-0248-1.
11. Hausman D. M., Welch B. Debate: To nudge or not to nudge // Journal of Political Philosophy. 2010. Vol. 18. No. 1. Pp. 123–136. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2009.00351.x.
12. Hébert B., Woodford M. Rational inattention and sequential information sampling. National Bureau of Economic Research. 2017. No. w23787. DOI: 10.3386/w23787.
13. Maćkowiak B., Matějka F., Wiederholt M. Dynamic rational inattention: Analytical results // Journal of Economic Theory. 2018. Vol. 176. Pp. 650–692. DOI: 10.1016/j.jet.2018.05.001.
14. Matějka F., McKay A. Rational inattention to discrete choices: A new foundation for the multinomial logit model // American Economic Review. 2015. Vol. 105. No. 1. Pp. 272–298. DOI: 10.1257/aer.20130047.
15. Mitchell G. Libertarian paternalism is an oxymoron // Northwestern University Law Review. 2004. Vol. 99. No. 3. Pp. 1245–259.
16. Sims C. Implications of rational inattention // Journal of monetary Economics. 2003. Vol. 50. No. 3. Pp. 665–690. DOI: 10.1016/S0304-3932(03)00029-1.
17. Sims C. Rational inattention: Beyond the linear-quadratic case // American Economic Review. 2006. Vol. 96. No. 2. Pp. 158–163. DOI: 10.1257/000282806777212431.
18. Steiner J., Stewart C., Matějka F. Rational Inattention Dynamics: Inertia and Delay in Decision-Making // Econometrica. 2017. Vol. 85. No. 2. Pp. 521–553. DOI: 10.3982/ECTA13636.
19. Thaler R. Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. WW Norton & Company, 2015.
20. Thaler R., Sunstein C. Libertarian paternalism // American economic review. 2003. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179. DOI: 10.1257/000282803321947001.
21. Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. Yale University Press, 2008.
22. Woodford M. Stochastic choice: An optimizing neuroeconomic model // American Economic Review. 2014. Vol. 104. No. 5. Pp. 495–500. DOI: 10.1257/aer.104.5.495.

REFERENCES

1. Danilov V.I. Beyond Classical Rationality: Two-Stage Rationalization // Journal of the New Economic Association. 2015. No. 2. Pp. 12–35. (In Russ.).
2. Shastitko A. Behavioral Antitrust // Economic Policy. 2014. No. 6. Pp. 76–91. (In Russ.).
3. Bhargava S., Loewenstein G. Behavioral economics and public policy 102 // Beyond nudging. American Economic Review. 2015. Vol. 105. No. 5. Pp. 396–401. DOI: 10.1257/aer.p20151049.
4. Bordalo P., Gennaioli N., Shleifer A. Saliency theory of choice under risk // The Quarterly journal of economics. 2012. Vol. 127. No. 3. Pp. 1243–1285. DOI: 10.1093/qje/qjs018.
5. Bordalo P., Gennaioli N., Shleifer A. Saliency in experimental tests of the endowment effect // American Economic Review. 2012. Vol. 102. No. 3. Pp. 47–52. DOI: 10.1257/aer.102.3.47.
6. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetric Paternalism” // University of Pennsylvania law review. 2003. Vol. 151. No. 3. Pp. 1211–1254. DOI: 10.2307/3312889.

7. *Farhi E., Gabaix X.* Optimal taxation with behavioral agents // *American Economic Review*. 2020. Vol. 110. No. 1. Pp. 298–336. DOI: 10.1257/aer.20151079.
8. *Fehr E., Rangel A.* Neuroeconomic Foundations of Economic Choice – Recent Advances // *Journal of Economic Perspectives*. 2011. Vol. 25. No. 4. Pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.25.4.3.
9. *Gerasimou G.* Asymmetric dominance, deferral, and status quo bias in a behavioral model of choice // *Theory and Decision*. 2016. Vol. 80. No. 2. Pp. 295–312. DOI: 10.1007/s11238-015-9499-7.
10. *Gigerenzer G.* On the supposed evidence for libertarian paternalism // *Review of philosophy and psychology*. 2015. Vol. 6. No. 3. Pp. 361–383. DOI 10.1007/s13164-015-0248-1.
11. *Hausman D. M., Welch B.* Debate: To nudge or not to nudge // *Journal of Political Philosophy*. 2010. Vol. 18. No. 1. Pp. 123–136. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2009.00351.x.
12. *Hébert B., Woodford M.* Rational inattention and sequential information sampling. National Bureau of Economic Research. 2017. No. w23787. DOI: 10.3386/w23787.
13. *Maćkowiak B., Matějka F., Wiederholt M.* Dynamic rational inattention: Analytical results // *Journal of Economic Theory*. 2018. Vol. 176. Pp. 650–692. DOI: 10.1016/j.jet.2018.05.001.
14. *Matějka F., McKay A.* Rational inattention to discrete choices: A new foundation for the multinomial logit model // *American Economic Review*. 2015. Vol. 105. No. 1. Pp. 272–298. DOI: 10.1257/aer.20130047.
15. *Mitchell G.* Libertarian paternalism is an oxymoron // *Northwestern University Law Review*. 2004. Vol. 99. No. 3. Pp. 1245–1259.
16. *Sims C.* Implications of rational inattention // *Journal of monetary Economics*. 2003. Vol. 50. No. 3. Pp. 665–690. DOI: 10.1016/S0304-3932(03)00029-1.
17. *Sims C.* Rational inattention: Beyond the linear-quadratic case // *American Economic Review*. 2006. Vol. 96. No. 2. Pp. 158–163. DOI: 10.1257/000282806777212431.
18. *Steiner J., Stewart C., Matějka F.* Rational Inattention Dynamics: Inertia and Delay in Decision-Making // *Econometrica*. 2017. Vol. 85. No. 2. Pp. 521–553. DOI: 10.3982/ECTA13636.
19. *Thaler R.* *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. WW Norton & Company, 2015.
20. *Thaler R., Sunstein C.* Libertarian paternalism // *American economic review*. 2003. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179. DOI: 10.1257/000282803321947001.
21. *Thaler R., Sunstein C.* *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press, 2008.
22. *Woodford M.* Stochastic choice: An optimizing neuroeconomic model // *American Economic Review*. 2014. Vol. 104. No. 5. Pp. 495–500. DOI: 10.1257/aer.104.5.495.

Дата поступления рукописи: 05.12.2022 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Винокуров Степан Степанович – кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия
stepan_vinokurov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vinokurov Stepan S. – Cand. Sci. (Econ.), associate professor, Department of general economics and history of economic thought, Saint Petersburg State University of Economics (UNECON), Saint Petersburg, Russia
stepan_vinokurov@mail.ru

BEHAVIORAL “ANOMALIES” AND THE COST OF DECISION-MAKING

The author explores the possibility of generalizing the main results of behavioral economics (importance of the status-quo and notions of justice for decision-making, endowment effect, transactional utility, mental accounting, dynamic inconsistency and the lack of self-control, social preferences) based on the assumption of costly choices and the ability to refuse choice and maintain the status-quo, using the formalization of the rational inattention concept. The author shows that costly choices may explain why behavioral biases remain within economic logic, even in the case of a utility-maximizing individual. Some remarks on economic policy are made as a result.

Keywords: *bounded rationality, behavioral economics, nudging, rational inattention.*

JEL: D01, D11, D83, D9.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

И.А. НИКОЛАЕВ

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ДРАЙВЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПОДСАНКЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

В статье анализируется возможность использования традиционных драйверов экономического роста, таких как потребительский спрос, инвестиции и экспорт, в качестве основных факторов противодействия беспрецедентному санкционному давлению на экономику России. Рассмотрены состояние и перспективы каждого из основных факторов. Обосновывается вывод о том, что в подсанкционной экономике России рассчитывать на то, что традиционные драйверы экономического роста позволят быстро преодолеть тяжелые последствия санкционного давления и перейти к экономическому росту, не следует. Исходя из этого, требуется проводить реалистичную экономическую политику, рационально используя имеющиеся ресурсы и минимизируя негативные социальные последствия.

Ключевые слова: экономические санкции, потребительский спрос, инвестиции, экспорт, драйверы экономического роста.

УДК: 330.354

EDN: KQYSCP

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74

С весны 2022 г., после резкого обострения геополитической ситуации, российская экономика столкнулась с беспрецедентными санкционными ограничениями.

Первые прогнозы по динамике российского ВВП в 2022 г., учитывающие новые реалии, стали появляться в марте 2022 г. Все они предполагали значительное падение ВВП на фоне шокового воздействия санкций. Так, международное рейтинговое агентство S&P прогнозировало, что ВВП России снизится в 2022 г. на 8,5%¹. Предстоящая глубо-

¹ S&P Global forecasts 8.5% contraction in Russia's economy in 2022. March 28, 2022. <https://www.reuters.com/article/ukraine-crisis-russia-s-p-idUSKCN2LP21T>.

кая рецессия обосновывалась воздействием жестких санкций и разрывом налаженных международных торговых связей. Основные негативные последствия виделись агентству в сокращении объемов торговли, ухудшении финансовых условий, в снижении доверия инвесторов и потребителей, росте цен на энергоресурсы. Чуть более оптимистичными в марте 2022 г. были оценки других международных рейтинговых агентств – Moody's (–7%)² и Fitch (–8%)³. В апреле 2022 г. был обнаружен прогноз Банка России. Он оказался даже более пессимистичным, чем прогнозные оценки зарубежных рейтинговых агентств: возможное падение ВВП в 2022 г. оценивалось в 8–10%⁴. Таким образом, по весенним прогнозам развития российской экономики в 2022 г. ожидалось ее сильное падение – в районе 8% ВВП. Таков был общий вывод.

Однако с середины 2022 г. прогнозы стали становиться более оптимистичными. Так, в июле 2022 г. Банк России в Докладе о денежно-кредитной политике зафиксировал свои ожидания по возможному падению ВВП в 2022 г. уже на уровне 4–6%⁵. Для этого были серьезные основания. Российская экономика выдержала шок первых кризисных недель: курс рубля удалось не только стабилизировать, но и развернуть в сторону укрепления; инфляционный всплеск в марте 2022 г., когда инфляция подскочила до 20% в годовом выражении, также удалось погасить; обрушение критического импорта не произошло; началось перенаправление экспортных поставок российских углеводородов на другие рынки и т.п.

В конце лета начали формироваться позитивные ожидания будущего российской экономики, закономерным итогом чего стал пересмотр разработанных весной прогнозов. Самым значимым документом в этом направлении стал Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 гг.⁶ (Минэкономразвития России, сентябрь 2022 г.). Исходя из параметров именно этого документа, был принят закон «О федераль-

² Russian economy to contract by 7% in 2022, to continue to decline in 2023, ruble weakening to accelerate inflation. Moody's. 2022. March 6. <https://interfax.com/newsroom/top-stories/75755/>.

³ Fitch expects Russian economy to shrink 8%, consumer prices to soar 18% in 2022. March 28, 2022. <https://interfax.com/newsroom/top-stories/77151/>.

⁴ Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 29 апреля 2022 г. http://www.cbr.ru/collection/collection/file/40964/forecast_220429.pdf.

⁵ Доклад о денежно-кредитной политике. Банк России, июль 2022 г. http://www.cbr.ru/about_br/publ/ddkp/longread_3_39/.

⁶ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf.

ном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»⁷. В Прогнозе были зафиксированы ожидания по динамике ВВП в 2022 г. (его снижение оценивалось на уровне 2,9%) и даны ее оценки на 2023 г. (-0,8%), а также на 2024–2025 гг. (прирост на 2,6% ежегодно). Таким образом, концептуально Прогноз исходит из того, что к вводимым санкциям можно адаптироваться, «переварить» их и перейти к устойчивому экономическому росту. Именно такому представлению о возможностях адаптации экономики к санкциям способствовало и то, что после введения первых санкций еще в 2014 г. падение ВВП в тот период было зафиксировано только в 2015 г. (-2%), а затем экономика перешла к росту, несмотря на введенные санкционные ограничения.

Однако нынешняя ситуация радикальным образом отличается от 2014 г., и недаром уже введенные и вводимые новые санкционные ограничения называют беспрецедентными. Это означает, что стандартное представление ситуации в парадигме «санкции–адаптация–экономический рост» требуют своего критического переосмысления. Необходимо дополнительное изучение вопроса о том, возможен ли экономический рост большой экономики, какой является экономика России, находящаяся под сильным санкционным воздействием. Или существует предел для развития такой экономики, находящейся в аналогичных условиях, которое скорее может быть определено как выживание. В данном случае экономическую политику необходимо вести чрезвычайно рационально, экономя ресурсы, обеспечивая по возможности неснижение или не сильное снижение уровня жизни людей и не претендуя особо на экономический рост.

Представленные в Прогнозе, по сути, альтернативные прогнозные пути развития российской экономики нуждаются в научном доказательном осмыслении. Конечно, только будущая реальность покажет правоту того или иного представления о перспективах развития российской экономики. Тем не менее попытка научного анализа никогда не является лишней.

Драйверы экономического роста

Исходная предпосылка нынешних прогнозных представлений о быстром экономическом восстановлении состоит в том, что после периода адаптации – приспособления к беспрецедентным внешним ограничениям – будут задействованы драйверы экономического роста, которые и обеспечат нужную экономическую динамику. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г.

⁷ Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». <http://kremlin.ru/acts/bank/48642/page/1>.

и на плановый период 2024 и 2025 гг. основным драйвером восстановления и последующего роста экономики называет потребительский спрос⁸. Обосновывается это тем, что показатели розничной торговли, платных услуг, доходов населения, реальных заработных плат превысят к 2025 г. уровень 2021 г. на 3–6%⁹.

Действительно, активизация потребительского спроса по праву является общепризнанным драйвером экономического восстановления. Наряду с потребительским спросом традиционными драйверами экономического восстановления и роста являются инвестиции (или инвестиционный спрос) и экспорт. Эти драйверы специально не выделяются в качестве таковых в упомянутом Прогнозе. Для этого есть, по-видимому, весомые основания, обусловленные самой сутью беспрецедентных внешних ограничений (особенно это касается экспорта).

Важно также учитывать специфику нынешней экономической ситуации, когда речь идет не о том, что может ускорить экономический рост, а о том, что может вывести экономику, находящуюся под серьезными санкциями, из состояния кризиса, придав ей явное ускорение. Такие требования к драйверам экономического роста сужают их круг и позволяют выделить действительно самые значимые из них – потребительский спрос, инвестиции, экспорт. На эти же драйверы экономического роста в качестве главных указывают и другие исследователи [8; 5].

Что касается экспорта, то его взаимосвязь с экономическим ростом через повышение производительности труда изучали не только отдельные ученые [13; 12]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) провела специальное исследование, посвященное этой проблеме [11]. На примере компаний стран Прибалтики (Латвии и Эстонии) авторы пришли к заключению, что выход на экспортный рынок значительно повышает производительность труда и экономический рост.

В научной литературе представлено множество точек зрения по поводу того, что еще может являться драйвером экономического роста. Среди таких драйверов называются: кредитование малого и среднего бизнеса [6], политика поддержки конкуренции [7; 10], монетизация экономики [9], государственно-частное партнерство [1], регионализация и стандартизация [3], низкоуглеродное развитие [4] и даже неравенство [2], а также многое другое (отдельные отрасли, разнообразные институты, инфраструктура, мегапроекты, инновации и пр.).

⁸ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd-3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf.

⁹ Там же.

Такое разнообразие драйверов экономического роста не представляется удивительным. Развитие экономики – это сложный, многоаспектный процесс, влияние на который оказывает множество факторов, часть из которых вполне может быть драйверами ее роста. Однако даже признавая тот факт, что драйверов экономического роста может быть множество, важно выделить те из них, которые можно назвать основными, традиционными, – это потребительский спрос, инвестиции, экспорт.

Потребительский спрос

Потребительский спрос по праву считается одним из ключевых ускорителей экономического роста. Чтобы реализовывался данный драйвер, необходимо, во-первых, чтобы у людей были в достаточном объеме средства, которые они могли бы потратить на приобретение товаров и услуг. Во-вторых, должно быть желание осуществлять траты. В-третьих, должны быть возможности тратить деньги (наличие товаров и услуг, необходимая инфраструктура). То есть одного наличия средств недостаточно – требуется, чтобы они были потрачены. Только в этом случае можно говорить о реализованном потребительском спросе.

Когда мы говорим о потребительском спросе как о драйвере ускорения экономики, показатели, свидетельствующие об этом, должны демонстрировать устойчивую положительную динамику. Трансмиссионный механизм от потребительского спроса к росту экономики заключается в том, что потребители, предъявляя повышенный спрос на товары и услуги, приобретая их, транслируют этот спрос производителям. Последние реагируют на повышенный спрос, увеличивая производство, повышая, в свою очередь, потребление сырья и продукции, необходимых для собственного производства. Экономика в результате получает мощный импульс для своего развития.

О том, что происходит с потребительским спросом, можно судить по целому ряду показателей. Во-первых, важно то, что происходит с реальными располагаемыми доходами населения, с динамикой зарплат, пенсий и т.д. Во-вторых, важнейшими индикаторами состояния потребительского спроса являются показатели оборота розничной торговли и объема платных услуг населению. В-третьих, важны и показатели, характеризующие динамику накоплений населения и динамику потребительского кредитования.

Начиная с весны 2022 г. реальные располагаемые доходы населения демонстрировали не очень хорошую динамику. В целом по итогам 2022 г. реальные располагаемые денежные доходы населения снизи-

лись, по оценке Росстата, на 1%¹⁰. Чтобы более объективно оценивать фиксируемое снижение доходов, необходимо принять во внимание ряд важных обстоятельств. Большое значение имеет то, на каком фоне, на какой базе происходило отмеченное снижение реальных располагаемых денежных доходов населения. Хотя, по данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения по итогам 2021 г. выросли на 3,1%, в целом, начиная с 2014 г. они снизились суммарным накопленным итогом более чем на 6%¹¹. Это означает, что к 2022 г. был сформирован в этом плане достаточно негативный фон. Падение доходов населения в 2022 г. происходило на фоне не высокой, а низкой базы.

Требуется принять во внимание следующее обстоятельство: негативная динамика по доходам населения в 2022 г. оказалась сформированной, несмотря на то что в течение года предпринимались серьезные меры в целях увеличения государством материальной поддержки населения. Так, по заявлению министра финансов РФ Антона Силуанова, на поддержку семей с детьми в 2022 г. было выделено 1,066 трлн руб., а расходы, связанные с дополнительной индексацией пенсий на 10% с 1 июня 2022 г., страховых пенсий и МРОТ, составили 371 млрд руб. и 5,6 млрд руб. соответственно. Дополнительное повышение пенсий по государственному пенсионному обеспечению потребовало в 2022 г. еще 32,4 млрд руб.¹² Получается, что, несмотря на столь масштабную социальную поддержку, реальные располагаемые денежные доходы населения все равно падали. Это не могло не отразиться на показателях, прямо свидетельствующих о проблемах с потребительским спросом в стране.

Оборот розничной торговли в 2022 г. снизился, по данным Росстата, на 6,7%¹³. Этот показатель мог бы быть значительно хуже, если бы не благополучный для него I кв. 2022 г. (фактически до начала известных форс-мажорных событий, включая и ажиотажный спрос первых недель после их наступления), по итогам которого в годовом выражении он даже показывал рост – на 3,5%¹⁴. В последующие месяцы 2022 г. ежемесячные показатели Росстата по обороту розничной торговли были на уровне 8–10% ниже соответствующих значений в годовом выражении.

¹⁰ Доклад «Социально-экономическое положение России». 2022. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.

¹¹ Расчеты автора по данным Росстата.

¹² Силуанов разъясняет: почему вырос дефицит бюджета-2022. 27 декабря 2022 г. <http://www.finmarket.ru/main/article/5869356>.

¹³ Доклад «Социально-экономическое положение России». 2022. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.

¹⁴ Там же.

При анализе состояния потребительского спроса обращает на себя внимание тот факт, что начиная с сентября 2022 г. стал заметно снижаться в годовом выражении оборот по группе товаров «Пищевые продукты, включая напитки, и табачные изделия». До этого в течение нескольких месяцев фиксировались соответствующие показатели по снижению товарооборота на 1–2% в годовом выражении. С сентября по декабрь 2022 г. снижение оборота по группе товаров «Пищевые продукты, включая напитки, и табачные изделия» составляло, по данным Росстата, уже от 3,4 до 4,5% ежемесячно в годовом выражении¹⁵.

Показательность отмеченной динамики предопределяется тем, что во время кризиса потребители естественным образом в последнюю очередь сокращают свои расходы на продукты питания. Если фиксируется сокращение таких расходов, это значит, что люди действительно вынуждены экономить, – потребительский спрос явно снижается.

Что касается динамики объема платных услуг населению, то по итогам 2022 г. был зафиксирован, по данным Росстата, рост этого показателя на 3,2%¹⁶. Тем не менее данный факт вряд ли может поставить под сомнение вывод о проблемах потребительского спроса в 2022 г. Требуется обратить внимание, что отдельные виды платных услуг продемонстрировали очень значительный рост объема услуг за 2022 г.: туристские услуги – на 24%, культуры – на 19,2%, физической культуры и спорта – на 15,6%¹⁷. Это в существенной мере предопределило рост общего показателя по всем видам услуг. Причина столь высоких показателей по отдельным видам платных услуг населению в 2022 г. – эффект базы, ставшей следствием крайне ограниченных возможностей по данным видам деятельности в период пандемии COVID-19 (2021 г., особенно его вторая половина, был в этом отношении крайне неблагоприятным). Проблемы с потребительским спросом в 2022 г. в сфере услуг оказались на таком фоне не столь очевидны по сравнению с тем, что демонстрировала розничная торговля.

Также весомым фактором, объясняющим рост платных услуг населению, является рост объема коммунальных услуг, платежи за которые являются обязательными, тарифы практически всегда индексируются в сторону повышения, а удельный вес этих услуг в общем объеме платных услуг населению является самым большим.

Целый ряд других показателей также подтверждает рост количества проблем с потребительским спросом в 2022 г. Так, симптоматичным является тот факт, что россияне в III кв. 2022 г., как выяснило РИА Новости по данным Банка России, перевели на депозиты

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

за рубежом 1,47 трлн руб. Для сравнения: в I и II кв. 2022 г. за рубеж было переведено 543,4 млрд руб. и 550,7 млрд руб. соответственно¹⁸. Отмеченный колоссальный рост выводимых россиянами за рубеж денежных средств серьезно сказывается на потребительском спросе внутри России.

Конечно, не факт, что все эти переведенные за рубеж средства, если бы они остались в России, были бы потрачены внутри страны. Однако в любом случае эти деньги как минимум усилили бы потенциальный потребительский спрос, что, в свою очередь, положительно отразилось бы и на реальном покупательском спросе.

Что касается динамики роста объема переводимых россиянами за рубеж денежных средств, то сравнение данных за III кв. с данными за I и II кв. 2022 г. весьма показательно, учитывая, что в I полугодии 2022 г. – до 24 февраля 2022 г. – еще не было никакого форс-мажора, а после этой даты действовали наиболее жесткие ограничения по переводу средств за рубеж.

Аргументом в пользу того, что не все так плохо с потребительским спросом, может стать тот факт, что во второй половине 2022 г. немного вырос объем кредитов, предоставленных банковским сектором физическим лицам. Однако, во-первых, рост этого показателя пока крайне незначителен: если по состоянию на 1 марта 2022 г. объем кредитов, депозитов и прочих средств, предоставленных банковским сектором физическим лицам, составлял 25,7 трлн руб., то по состоянию на 1 октября 2022 г. этот показатель составил 26,5 трлн руб.¹⁹ А во-вторых, получается, что при сильном падении оборота розничной торговли даже рост кредитования не может переломить этот тренд.

Таким образом, потребительский спрос в России с весны 2022 г. находится явно под давлением, что предопределяется целым рядом внешних и внутренних факторов. При этом с такой динамикой показателей, характеризующих потребительский спрос, он не способен стать драйвером экономического роста.

Инвестиции

Инвестиционный спрос является одним из главных драйверов экономического роста. Это общепризнано и не оспаривается. Вопрос применительно к сегодняшней экономической ситуации в России

¹⁸ Россияне установили рекорд в III квартале по переводам за рубеж. 30 декабря 2022 г. <https://ria.ru/20221230/perevody-1842446011.html>.

¹⁹ Статистический бюллетень Банка России. 2022. № 11 (354). С. 85. <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43525/Bbs2211r.pdf>.

в другом: способны ли инвестиции, несмотря на беспрецедентные санкционные ограничения, стать одним из катализаторов быстрого экономического восстановления? Чтобы ответить на данный вопрос, требуется оценить текущую ситуацию с инвестициями и попытаться спрогнозировать перспективы будущей инвестиционной активности.

По итогам января-сентября 2022 г. инвестиции в основной капитал выросли, по данным Росстата, на 5,9% в сравнении с соответствующим периодом 2021 г.²⁰ Такой рост был достаточно неожиданным, доказательством чему является тот факт, что Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг., обнародованный в сентябре 2022 г., предусматривал снижение инвестиций в 2022 г. на 2%²¹.

Объяснение столь, казалось бы, аномальной динамики инвестиций в основной капитал в условиях резкого усиления санкционных ограничений состоит в следующем: многие предприятия в таких условиях приняли решения завершить начатые проекты, чтобы уже вложенные инвестиции не оказались бы фактически замороженными. Особенно явно это получилось в строительстве, объем работ в котором в 2022 г. вырос, по данным Росстата, на 5,2%²². Кроме того, хорошие показатели по динамике инвестиций в 2022 г. стали следствием резкого ограничения импорта инвестиционного оборудования. Это поставило перед российскими компаниями задачу импортозамещения, срочное решение которой потребовало дополнительных инвестиций. Особенно актуально это стало для отраслей оборонно-промышленного комплекса.

Тем не менее, несмотря на такие, казалось бы, обнадеживающие данные по статистике инвестиций в основной капитал, в целом российский ВВП по итогам 2022 г. снизился. То есть существенный рост инвестиций в основной капитал в 2022 г. не привел к положительным темпам роста ВВП.

Что касается перспектив 2023 г. и последующих годов, то, с большой долей вероятности, будет инвестиционный спад. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. предусматривает снижение инвестиций

²⁰ Доклад «Социально-экономическое положение России». 2022. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.

²¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf.

²² Доклад «Социально-экономическое положение России». 2022. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.

в основной капитал в 2023 г. на 1%²³. В Прогнозе справедливо упоминается о негативном влиянии «узких мест» в предложении оборудования и комплектующих, а также о том, что постепенно будут сворачиваться крупные экспортноориентированные проекты²⁴. Однако далеко не только этим могут объясняться не самые оптимистичные ожидания по динамике инвестиций в основной капитал.

Прежде всего важно понять, какова может быть финансовая база для будущих инвестиций в основной капитал. Очень значимым показателем в этом отношении является сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций. Этот показатель (не учитываются данные субъектов малого предпринимательства, кредитных организаций, государственных (муниципальных) организаций, некредитных финансовых организаций) демонстрирует серьезное снижение, свидетельствующее о нарастании финансовых ограничений для будущих инвестиций. Если в январе 2022 г. он был в 2,1 раза больше в годовом выражении, то по итогам I кв. 2022 г. сальдированный финансовый результат нарастающим итогом был больше уже только на 31,8%²⁵, а по итогам января–ноября 2022 г. оказался, по данным Росстата, и вовсе на 11,6% меньше по сравнению с соответствующим периодом 2021 г.²⁶ О финансовых возможностях для будущих инвестиций свидетельствует и показатель Банка России «Объем привлеченных кредитными организациями средств юридических лиц». Этот показатель, по состоянию на 1 апреля 2022 г., превышал 32,2 трлн руб., а по состоянию на 1 ноября 2022 г. он равнялся 29,8 трлн руб.²⁷, то есть снизился на 7,5%.

Наконец, важнейшие показатели, позволяющие судить о перспективах инвестиционной активности в России, содержатся в законе «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». Особенно показательны в этом смысле данные по расходам по разделу «Национальная экономика»²⁸. Именно по данному разделу проходят такие инвестиционно емкие расходы, как стимулирование инвестиционной деятельности в АПК, реализация мероприя-

²³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd-3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognnoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf.

²⁴ Там же.

²⁵ О финансовых результатах деятельности организаций в январе–ноябре 2022 г. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/15_08-02-2023.html.

²⁶ Доклад «Социально-экономическое положение России». 2022. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.

²⁷ Статистический бюллетень Банка России. № 12 (355). 2022. С. 72. <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43652/Bbs2212r.pdf>.

²⁸ Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». <http://kremlin.ru/acts/bank/48642/page/1>.

тий по развитию электронной и радиоэлектронной промышленности, закупка железнодорожной техники и т.д. Если в 2022 г. по отношению к объему ВВП доля расходов по разделу «Национальная экономика» составила 3%, то планируется, что в 2023 г. она уже опустится до 2,3%, в 2024 г. – до 2,2%, в 2025 г. – до 2,1%. В номинальном выражении расходы по разделу «Национальная экономика» в 2023 г. должны составить 3,5 трлн руб. Для сравнения: в 2022 г. они составили 4,3 трлн руб. Это – очень большое снижение, свидетельствующее о том, что федеральный бюджет в 2023–2025 гг. не рассматривается в качестве увеличивающегося источника финансирования инвестиционной деятельности.

Данные статистики и утвержденные бюджетные показатели хорошо дополняются результатами социологических исследований. Так, РСПП, который рассчитывает свой Индекс социальной и инвестиционной активности, зафиксировал, что в декабре 2022 г. 14,5% организаций сократили объемы инвестиционных вложений, в то время как увеличить инвестиционные бюджеты смогли только 3,2% компаний²⁹.

Таким образом, несмотря на временный всплеск инвестиционной активности в 2022 г., дальнейшие ее перспективы не представляются обнадеживающими. Финансовые возможности и компаний, и федерального бюджета не свидетельствуют о существовании хороших перспектив в наращивании инвестиций, что могло бы способствовать переходу к быстрому экономическому росту, особенно при серьезных санкционных ограничениях. В этих условиях инвестиции в основной капитал не способны стать драйвером быстрого экономического роста.

Экспорт

Экспортный спрос (экспорт) является мощным драйвером ускорения экономического роста. Опыт многих стран, которым удавалось нарастить экспортную составляющую своих экономик, однозначно свидетельствует о том, что ее значение для экономического развития государства действительно трудно переоценить. Особенно показательным является пример Китая, ВВП которого в период с 1992 г. по 2022 г. включительно вырос более чем в 14,5 раз³⁰. В значительной мере это стало возможным благодаря тому, что Китаю удалось за эти годы построить экспортоориентированную экономику. Причем несомненным успехом стало завоевание им больших ниш в экспортных поставках в самые развитые страны мира, включая США.

²⁹ РСПП рассчитал индекс социальной и инвестиционной активности в декабре 2022 г. 27 декабря 2022 г. <https://rspp.ru/events/news/rspp-rasschital-indeks-sotsialnoy-i-investitsionnoy-aktivnosti-v-dekabre-2022-goda-63aaf8bfb0a3c/>.

³⁰ Расчеты автора по данным Всемирного банка.

Что же касается перспектив экспорта в качестве драйвера ускоренного экономического восстановления России, то даже на официальном уровне фактически признается, хотя и далеко не в полной мере, что в этой области следует ожидать значительных проблем. Так, в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. указывается, что чистый экспорт, наряду с инвестиционным спросом, будет вносить основной вклад в ухудшение динамики ВВП в краткосрочной перспективе³¹. Между тем как раз в краткосрочной перспективе такое негативное влияние было не столь выраженным, потому что рост мировых цен на основные товары российского энергетического экспорта позволил снизить глубину падения ВВП России в 2022 г.

В результате доля чистого экспорта в структуре компонентов использования ВВП, согласно Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг., даже выросла в 2022 г. до 13,1% (с 9,5% в 2021 г.). В 2023 г. этот показатель должен резко снизиться до 9,2%, в 2024 г. – до 8%, в 2025 г. – до 7,4%³². Однако значения даже этих показателей, однозначно свидетельствующих, что экспорт в обозримой перспективе не станет драйвером быстрого экономического восстановления России, в реальности могут оказаться еще ниже. Согласно Прогнозу, экспорт в 2023 г. должен снизиться до 529 млрд долл. США (с 578,6 млрд долл. США в 2022 г.), то есть на 8,6%. Такое снижение экспорта представляется излишне оптимистичной оценкой³³.

Российская экономика к 2022 г. оставалась экономикой сырьевого типа. Ее бюджет по-прежнему критично зависит от экспортных поставок энергоресурсов. В условиях, когда беспрецедентные санкции как раз и были направлены на ограничение экспорта, чтобы лишить российскую экономику доходов, вряд ли стоит ожидать, что динамика объемов экспорта будет незначительна, а их падение не скажется негативно на экономике России. Таким образом, учитывая сложившиеся на сегодняшний день условия, ясно, что экспорт в качестве драйвера экономического роста российской экономики в обозримом будущем вряд ли имеет перспективы.

Начиная с весны 2022 г. практически вся внешнеторговая статистика оказалась вне публичного доступа (официально это было сделано в целях противодействия санкционному давлению), поэтому судить

³¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce-38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf.

³² Там же.

³³ Там же.

о происходящем в этой сфере достаточно сложно. Тем не менее, учитывая суть вводимых ограничений, а также отдельные отрывочные, но достаточно показательные сведения, можно вполне обоснованно оценить перспективы российского экспорта.

Самые серьезные санкционные ограничения против российского экспорта, если не считать диверсии на газопроводах «Северный поток-1» и «Северный поток-2», стали реализовываться только с конца 2022 г. С 5 декабря 2022 г. было введено эмбарго на поставки российской нефти в страны ЕС морским транспортом. К тому же было принято решение о введении ценового потолка на экспортируемую российскую нефть в размере 60 долл. США за баррель. С 5 февраля 2023 г. вступило в силу решение по эмбарго на поставки в страны ЕС российских нефтепродуктов, а также по введению ценовых потолков на нефтепродукты из России на уровне 100 долл. США за баррель на бензин и дизельное топливо и 45 долл. США за баррель на продукцию с низкой добавленной стоимостью.

Однако негативное давление на российский энергосырьевой экспорт только этими ограничениями не исчерпывается. Уже со второй половины 2022 г. начался обвал экспорта российского газа – второго по значимости (после нефти) для поставок на внешние рынки российского товара. Так, если падение добычи природного газа в 2022 г. по сравнению с 2021 г. составило около 20%, то падение экспорта – 45,5%. Достигнутый уровень экспорта природного газа в дальнее зарубежье – 100,9 млрд куб. м стал минимальным для «Газпрома» в XXI в.³⁴ И это при том что компания старалась наращивать поставки газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири», устанавливая в конце 2022 г. – начале 2023 г. все новые и новые рекорды суточного экспорта газа. Ясно, что существуют жесткие инфраструктурные ограничения для поставок газа в восточном направлении. Так, если в 2021 г. «Газпром» направил по «Силе Сибири» в КНР 10,4 млрд куб. м, то в 2023 г. поставки должны составить 22 млрд куб. м³⁵. Для сравнения: в 2021 г. в ЕС было поставлено 130 млрд куб. м.

В оценке перспектив российского энергосырьевого экспорта с учетом его переориентации на Восток (прежде всего в Китай) следует учесть и то, что рост китайской экономики в последнее время начал серьезно замедляться, что повлечет за собой снижение спроса на энергоресурсы. Уровень в 3–4% годового прироста ВВП (по итогам 2022 г. – 3%) сегодня для Китая будет уже успехом – былые 10–15% ежегодного прироста ВВП остались в прошлом. Кроме того, Китай старается

³⁴ Миллер сообщил о падении добычи «Газпрома» в 2022 г. на 20%. 02 января 2023. <https://tass.ru/ekonomika/16733325>.

³⁵ «Газпром» отметил рост поставок в Китай свыше контрактных обязательств. 04 января 2023. <https://www.interfax.ru/world/879623>.

нарастить собственную добычу газа. Так, по итогам 2022 г., добыча на крупнейшем в Китае месторождении сланцевого газа Фулин достигла рекорда – 7,2 млрд куб. м³⁶.

Экспорт в существующих условиях в России является наименее значимым фактором среди тех, которые могли бы рассматриваться в качестве драйверов быстрого экономического восстановления. Это объяснимо: экспорт, в отличие от потребительского спроса и инвестиций, находится прямо «под прицелом» вводимых санкционных ограничений. Учитывая масштаб этих ограничений, а также уязвимость российской внешнеторговой деятельности из-за ее структурных диспропорций, экспорт России в сложившихся на сегодняшний день условиях не будет драйвером ее экономического роста.

* * *

Традиционные драйверы экономического роста – потребительский спрос, инвестиции, экспорт – не имеют в настоящее время перспектив ускорить экономическое восстановление экономики России, находящейся под сильнейшим санкционным давлением.

Потребительский спрос снижается, перспективы изменения ситуации с ним в лучшую сторону не просматриваются. Даже значительная социальная поддержка со стороны государства существенно положение дел не меняет – потребительский спрос остается слабым.

Определенная инвестиционная активность, казалось бы, дает основания надеяться на то, что инвестиции в качестве драйвера экономического роста выполняют свое предназначение. Однако с большой долей вероятности, такая активность является временной, так как усилия бизнеса в значительной мере были направлены на завершение уже начатых инвестиционных проектов. Инвестиции в отраслях оборонно-промышленного комплекса имеют, как показывает практика, ограниченное влияние на запуск экономического роста ввиду специфики производимой продукции.

Возможности экспорта в качестве драйвера экономического роста ограничены самой сутью беспрецедентного санкционного давления, которое представляет собой, прежде всего, мощные ограничения, касающиеся внешнеторговой деятельности. Эти ограничения можно смягчить, реализуя соответствующие меры экономической политики, сделать их менее болезненными для экономики. Однако транспортно-логистические барьеры, являющиеся следствием санкций против российского экспорта, отказ от импорта многих российских товаров, затруднение платежных трансакций не позволяют компенсировать

³⁶ В 2022 г. объем добычи на крупнейшем месторождении сланцевого газа в Китае достиг рекорда. 3 января 2023. <http://www.finmarket.ru/database/news/5872784>.

в полной мере появляющиеся издержки, а ценовые всплески способны лишь временно снизить цену санкций.

В данном случае требуется определиться с тем, стоит ли тратить ограниченные возможности экономики на решение задач по ее ускоренному росту. Если выполнение такой задачи не представляется реальным в условиях беспрецедентного внешнего санкционного давления, то более правильным, с точки зрения стратегии, будет решение тактических задач по сохранению устойчивого состояния экономики, а не ее ускоренного развития. Соответствующим образом должны представляться и приоритеты экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божаренко О.Ю. Государственно-частное партнерство как драйвер экономического роста // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 1. Ч. 2. С. 26–29.
2. Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства) // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 9. С. 1119–1144.
3. Крутиков В.К., Дорожкина Т.В., Ерохин А.М. Регионализация и стандартизация как драйверы экономического роста // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 24 (351). С. 2–8.
4. Луговой О.В., Лайтнер Д., Поташников В.Ю. Низкоуглеродное развитие как драйвер экономического роста // Российское предпринимательство. 2015. № 16 (23). С. 4221–4228.
5. Николаев И.А., Марченко Т.Е., Точилкина О.С. Инвестиции как источник экономического роста // Общество и экономика. 2019. № 5. С. 5–27.
6. Орловский К.А. Кредитование малого и среднего бизнеса как драйвер экономического роста России в современных условиях. // Таврический научный обозреватель. 2016. № 11. С. 169–173.
7. Розанова Н.М., Комарницкая А.Н. Политика поддержки конкуренции как драйвер экономического роста // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7. № 1. С. 19–33.
8. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67.
9. Черемисинова Д.В. Монетизация экономики как драйвер экономического роста // ECONOMICUS. 2015. № 6 (7). С. 33–38.
10. Щербинина М.Ю., Стефанова Н.А. Конкуренция как драйвер экономического роста // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6. <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69360> (дата обращения: 16.01.2023).
11. Benkovskis K., Masso J., Tkacevs O., Vahter P., Yashiro N. Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia. OECD Economics Department Working Papers № 1448. OECD Publishing Paris, 2017. <https://doi.org/10.1787/cd5710c4-en> (date of the application 03.02.2023).

12. *Schwarzer J.* The Effects of Exporting on Labour Productivity: Evidence from German Firms. Working Papers 1702, Council on Economic Policies, 2017. <https://ideas.repec.org/p/ceq/wpaper/1702.html> (date of the application 03.02.2023).
13. *Steinwender C.* The roles of import competition and export opportunities for technical change. CEP discussion paper dp 1334. Centre for Economic Performance. LSE. London. UK, 2015. <https://ideas.repec.org/p/cep/cepdp/dp1334.html> (date of the application 03.02.2023).

REFERENCES

1. *Bozharenko O.Y.* Public-private partnership as a driver of economic growth // TERRA ECONOMICUS. 2012. Vol. 10. No. 1. P. 2. Pp. 26–29. (In Russ.).
2. *Kosmin A.D., Kosmina E.A.* On the virtual driver of economic growth (or on the harmonization of inequality) // Russian Journal of Entrepreneurship. 2016. Vol. 17. No. 9. Pp. 1119–1144. (In Russ.).
3. *Krutikov V.K., Dorozhkina T.V., Erokhin A.M.* Regionalization and standardization as drivers of economic growth // Regional economy: theory and practice. 2014. No. 24 (351). Pp. 2–8. (In Russ.).
4. *Lugovoi O.V., Lightner D., Potashnikov V.Y.* Low-carbon development as a driver of economic growth // Russian Journal of Entrepreneurship. 2015. No. 16(23). Pp. 4221–4228. (In Russ.).
5. *Nikolaev I.A., Marchenko T.E., Tochkilina O.S.* Investments as a source of economic growth // Society and Economics. 2019. No. 5. Pp. 5–27. (In Russ.).
6. *Orlovsky K.A.* Lending to small and medium-sized businesses as a driver of Russia's economic growth in modern conditions. // Tauride scientific observer. 2016. No. 11. Pp.169–173. (In Russ.).
7. *Rožanova N.M., Komarnitskaya A.N.* Competition support policy as a driver of economic growth // Issues of economic regulation. 2016. Vol. 7. No. 1. Pp.19–33.
8. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia under sanctions: limits of adaptation // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. Pp. 52–67. (In Russ.).
9. *Cheremisimova D.V.* Monetization of the economy as a driver of economic growth // ECONOMICS. 2015. No. 6 (7). Pp. 33–38. (In Russ.).
10. *Shcherbinina M.Y., Stefanova N.A.* Competition as a driver of economic growth // Modern scientific research and innovation. 2016. No. 6. <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69360> (date of access: 01/16/2023). (In Russ.).
11. *Benkovskis K., Masso J., Tkacevs O., Vahter P., Yashiro N.* Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia. OECD Economics Department Working Papers № 1448. OECD Publishing Paris. 2017. <https://doi.org/10.1787/cd5710c4-en> (date of the application 03.02.2023).
12. *Schwarzer J.* The Effects of Exporting on Labour Productivity: Evidence from German Firms. Working Papers 1702, Council on Economic Policies. 2017. <https://ideas.repec.org/p/ceq/wpaper/1702.html> (date of the application 03.02.2023).
13. *Steinwender C.* The roles of import competition and export opportunities for technical change. CEP discussion paper dp 1334. Centre for Economic Performance. LSE. London. UK. 2015. <https://ideas.repec.org/p/cep/cepdp/dp1334.html> (date of the application 03.02.2023).

Дата поступления рукописи: 18.01.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаев Игорь Алексеевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
Nikolaev1806@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolaev Igor A. – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Nikolaev1806@mail.ru

DRIVERS OF ECONOMIC GROWTH: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS IN THE SUB-SANCTIONED ECONOMY OF RUSSIA

The article analyzes the possibility of using traditional drivers of economic growth, such as consumer demand, investment and export, as the main factors to counteract the unprecedented sanctions pressure on the Russian economy. The state and prospects of each of the main factors are considered. It is argued that in the sub-sanctioned economy of Russia, one should not count on traditional drivers of economic growth helping quickly overcome the severe consequences of sanctions pressure and switch to economic growth. Based on this, it is required to pursue a realistic economic policy, using the available resources rationally and minimizing negative social consequences.

Keywords: *economic sanctions, consumer demand, investments, exports, economic growth drivers.*

JEL: E21, E22, E65, F51.

О.С. СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА НОВОЙ МОДЕЛИ ЕЕ РОСТА

В статье раскрыто содержание понятия «технологический дуализм». Дана трактовка эффекта технологического дуализма для российской экономики. Установлен его особый характер, когда выбытие труда из капиталоемких секторов экономики происходит не в силу ввода трудосберегающих технологий, а по иным причинам, при этом существенный рост технологичности капиталоемких видов деятельности не отмечается. Предложены меры по повышению уровня технологичности по видам производств и типам предприятий, а также установлены базовые отличия в технологическом развитии экономических секторов, что позволяет конкретизировать мероприятия структурной политики. Методологию исследования составляет структурный и сравнительный анализ, таксономический подход, элементы эмпирического и регрессионного анализа данных.

Ключевые слова: технологии, секторы экономики, структурная политика, технологический дуализм, уровень технологичности, виды производства, типы предприятий.

УДК: 330.131, 330.16

EDN: MWFRIX

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_75_89

Введение

В основе технологического обновления лежит эффект технологического замещения или дополнения [7–9; 12–13; 16]. Именно посредством анализа используемых в разных секторах экономики технологий, которые вытесняют либо дополняют друг друга, формируя технологическую цепочку, раскрывается логика технологического развития [1–4; 7; 10; 12–16]. Эти процессы сказываются и на модели экономического роста страны.

Хрестоматийное представление о технологическом дуализме сводится к сосуществованию капиталоемких¹ и трудоинтенсивных² секторов (технологий), когда последние принимают рабочую силу, вытесняемую из капиталоемких секторов при их развитии (вводе трудосберегающих технологий) [6, с. 488]. В итоге демпфируется технологическая безработица, особенно в ситуации структурной модернизации экономики.

Эффектом этого совместного развития разных типов секторов и соответствующих технологий выступает высвобождение одного фактора производства – труда – при вводе другого – основного капитала. Возникающий излишек труда распределяется по иным видам деятельности – по секторам, где требуется труд. Следовательно, перемещение труда в данном случае вызывается именно технологическим обновлением. Эффект технологического дуализма порождает также некое равновесие между указанными типами секторов и технологий, что может выступать фактором торможения на каком-то этапе технологического обновления.

Следует отметить, что перемещение труда может происходить несоразмерно повышению уровня технологичности капиталоемких секторов. Текущие структурные изменения в мировой экономике, связанные со снижением доли занятости в обрабатывающих отраслях, в сельском хозяйстве и строительстве, приводят к росту капиталоемкости сектора услуг. Тем самым капиталоемкие технологии внедряются и в сервисной экономике. При этом на перемещение труда и замещение капитала (труда) влияют многочисленные факторы, включая соотношение заработных плат, условий труда и инвестирования, а также режим технологических воздействий [17]. В этих случаях эффект технологического дуализма приобретает специфическое содержание. Также нужно учитывать, что разработка и внедрение новых технологий, позволяющих экономить ресурсы и, в частности, понижать энергоемкость [11], оказываются все более капиталоемкими, а отдельные виды технологий требуют значительных энергетических затрат.

Эффект технологического дуализма формируется под воздействием множества обстоятельств и факторов, что в некотором смысле его размывает. Имеются и проблемы измерительного характера, вызванные трудностями учета технологий, их классификации, связности технологий различных классов и возрастов (старые и новые) [8]. Однако изучение данного эффекта представляется полезным, пре-

¹ Секторы (технологии), базирующиеся на использовании нового основного капитала.

² Секторы (технологии), использующие рабочую силу, заменяющую капитал, в том числе по причине ее дешевизны.

жде всего с точки зрения обоснования и разработки мер экономической и научно-технической политики. Применительно к российской экономике актуальной исследовательской задачей является выявление специфики эффекта технологического дуализма, то есть установление его отличия от классического варианта, и на этой основе определение содержания структурной политики, которая требуется для формирования качественно иной модели экономического роста, предполагающей технологическое обновление и независимость развития России.

Эффект технологического дуализма: российская специфика

Дуализм как явление, характерное для сложных систем, довольно часто встречается в экономической жизни, например, когда разные элементы (объекты) экономической системы действуют противоположным образом. Если учесть, что экономика состоит из отдельных видов деятельности и секторов, обладающих технологической спецификой, то в каждом из них возможно наличие или отсутствие технологического дуализма, то есть некое сочетание капиталоемких и трудоемких технологий. Труд перемещается внутри вида деятельности или сектора в область применения трудоемкой технологии. Анализ указанного эффекта более значим, конечно, не в масштабе отдельно взятого сектора, а для экономики, представленной агрегированными капиталоемкими и трудоемкими секторами.

Представим авторский алгоритм выявления технологического дуализма. Он включает следующие шаги: выделение видов экономической деятельности (секторов) с преобладанием капиталоемких и трудоемких технологий, получение технологической карты³ и количественную оценку этих видов экономической деятельности (секторов) по тому или иному критерию технологического уровня; анализ перемещения труда из капиталоемких в трудоемкие виды деятельности (сектора) и изменения основного капитала; оценку вида и характеристик эффекта технологического дуализма, которые могут отличаться от классических.

Для упрощения анализа будем рассматривать два агрегированных сектора российской экономики – обрабатывающий и транзакционно-

³ Под технологической картой понимается результат распределения различных технологий (в идеале всего набора имеющихся технологий, по крайней мере передовых) по видам деятельности. Если весь набор технологий N , то близость к этой величине будет означать относительно высокий технологический уровень, что говорит о значительной насыщенности данного вида деятельности передовыми технологиями.

сырьевой⁴. Отметим, что в последнем сырьевая часть является довольно капиталоемкой. Но, учитывая, что сервисная экономика вносит основной вклад в формирование валовой добавленной стоимости в России, а технологические инновации осуществляются в основном в обрабатывающем секторе, данную композицию вполне можно применить для оценки технологического дуализма. Также отметим, что при идентификации рассматриваемого эффекта важно понимать причину перемещения ресурсов, ее связь именно с вводом капиталоемких технологий, которые в разном составе и масштабах вводятся сразу и в капиталоемких, и в трудоемких секторах.

При проведении политики научно-технологического развития часто не принимается во внимание наличие технологического замещения, которое может проявляться в различных формах. Не учитывается также то, что высвобождение труда, происходящее на фоне ввода капиталоемких технологий, может предоставлять излишнюю рабочую силу не только для трудоемких секторов, но и для капиталоемких, где усложняются задачи разработки и внедрения новых технологий. Недостаточно внимания обычно уделяется и процессу создания технологий, что видно по проектам и программам экономического развития.

Технологии способствуют повышению производительности капитала и снижению социальных издержек. Но их внедрение связано с уровнем развития и институциональными условиями конкретной национальной экономики и с возможностями уже имеющихся технологических цепочек. Кроме того, макроэкономическая политика влияет на темп технологического обновления. В частности, относительно высокая стоимость кредитных ресурсов тормозит обновление капитала и, следовательно, поощряет применение трудоемких технологий.

⁴ В состав обрабатывающего сектора в соответствии с ОКВЭД включены обрабатывающие производства и строительство, а в состав транзакционно-сырьевого сектора – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/.

При сложившейся структуре экономики те виды деятельности, где больший вес имеют капиталоемкие технологии, оказываются относительно низкодоходными и высокорискованными в сравнении с видами деятельности, где преобладают трудоемкие технологии. Это создает разницу в заработной плате, доходности инвестиций, способствуя распределению всех видов ресурсов в пользу секторов с относительно высокой доходностью и низким риском, а также становится тормозом технологического обновления. Именно указанные условия определяют специфику эффекта технологического дуализма в России. Труд покидает капиталоемкие сектора, прежде всего обрабатывающие производства, не по причине масштабного ввода новых технологий, а под воздействием факторов макроэкономического и структурного характера. Свою роль играют и институциональные факторы, влияющие на процесс технологического обновления. К ним можно отнести различные интеграционные формы взаимодействия в технологической сфере, методы внедрения новой техники, ее эксплуатации, а также подготовку кадров для внедряемой техники и технологий, информационные трудности обеспечения внутренних агентов рынка технико-технологическими данными, условия патентования и защиты прав.

На рис. 1 и 2 показано изменение доли притока и оттока труда (по численности занятых) и основных фондов в выделенных агрегированных секторах. Как видим, транзакционно-сырьевой сектор, в отличие от обрабатывающего, за рассматриваемый период в основном получал рабочую силу (за исключением 2017 г. и 2019–2020 гг.). Следовательно, вновь подготавливаемые кадры находили работу прежде всего именно в этом агрегированном секторе. При этом по притоку основных фондов транзакционно-сырьевой сектор существенно выиграл у обрабатывающего.

Источник: рассчитано автором по: данные Росстата о трудовых ресурсах и занятости. https://rosstat.gov.ru/labour_force.

Рис. 1. Доля притока/оттока занятых в обрабатывающем и транзакционно-сырьевом секторах в общей численности занятых в России, %, 2006–2020 гг.

Источник: рассчитано автором по: данные Росстата о наличии основных фондов по полной учетной стоимости на конец отчетного года по видам экономической деятельности. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/osnfond/nal_ved2.htm.

Рис. 2. Доля притока/оттока основных фондов обрабатывающего и транзакционно-сырьевого секторов в общей величине фондов в России, %, 2006–2020 гг.

Динамика ввода принципиально новых передовых технологий за рассматриваемый период была весьма скромной [7; 8; 9]. Это позволяет считать, что ввод капиталоемких технологий не является генеральной причиной высвобождения труда из обрабатывающего сектора. Градиент перемещения ресурсов труда между секторами, скорее всего, обусловлен тем, что процессы в обрабатывающем секторе относительно более рискованны и менее рентабельны, чем в транзакционно-сырьевом секторе.

Нужно заметить, что высвобождаемый труд, при научно обоснованной макроэкономической и структурной политике, должен распределяться так, чтобы работать и на создание новых технологий, формируя тем самым особый технологический сектор⁵. Иными словами, высвобождение труда идет не только в сторону трудоинтенсивных технологий, но и на создание самих капиталоемких технологий. Данный аспект проблемы обычно не принимается во внимание, но именно он становится определяющим при проектировании мероприятий структурной политики.

Далее рассмотрим необходимую структурную политику, которая позволит проводить технологическое обновление российской экономики и создать за счет этого базу для новой модели экономического роста.

⁵ Термин «технологический сектор» близок к ранее широко используемому термину – сектор «средств производства». Однако разработка технологий представляет собой все-таки несколько иной вид труда, предполагающий в том числе и создание фондов техники, устройств, инструмента и др.

Структурная политика для новой модели экономического роста России

Структурная политика, с нашей точки зрения, представляет собой набор мероприятий, влияющих на сложившиеся в экономике пропорции с целью их изменения. Эти мероприятия могут быть направлены как на создание новых секторов и видов деятельности, так и на совершенствование функционирования существующих. Важнейшее направление структурной политики – обновление и повышение эффективности технологической структуры. Именно технологическая структура и ее изменение в ходе обновления техники и технологий задают основной вектор структурной модернизации экономики. Оказывается ли этот вектор сильнее вектора институциональных модификаций, идущих от правительства? Для ответа на этот вопрос требуются дополнительные изыскания. Но ясно одно – оба они обладают значительной силой и детерминируют друг друга. Полагаю, что все-таки условия для технологического обновления могут создаваться институциональными коррекциями правительства, но факт появления новых технологий заставляет изменяться институты, так как любая технология вводит свой набор новых правил в пространство действующих норм и установок.

Неоклассическая логика анализа пренебрегает как наличием изменяющихся структур в экономике, так и структурной политикой, используя стандартный набор инструментов макроэкономической политики роста. Согласно ряду исследований, причины этого состоят в том, что изменения структуры являются сложными и слабо предсказуемыми [16]. Можно также добавить, что теория роста большее внимание обращает на научно-технический прогресс.

Не вызывает сомнений, что анализ структур должен быть включен в современную теорию экономического роста и экономической политики. Например, ставя цель для российской экономики обязательно увеличить норму накопления до 25–30% как чуть ли не основное условие стабильного роста высокими темпами, обычно не рассматривают вопросы распределения инвестиций и их источников, позволяющих осуществить подобное наращивание. Не учитывается, что именно структура инвестиций сильно влияет на результат роста, так как инвестируются и новые, и старые технологии.

Технологичность российской экономики, если измерять ее по выпуску инновационных товаров, отнесенному к величине неинновационных продуктов, в 2010–2020 гг. ощутимо не выросла [7–9]. При этом увеличивалась зависимость от импорта технологий. И нужно отметить, что отдельные аналитические материалы, появляющиеся сегодня, когда происходит усиление санкционного давления на Рос-

сию, работают на фиксацию этой зависимости. Речь идет, в частности, о Бюллетене Департамента исследований и прогнозов ЦБ РФ «О чем говорят тренды» (апрель 2022 г.)⁶. В этом документе утверждается, что российская экономика в режиме санкций адаптируется к возникшим новым условиям (рост ремонтных работ, посредников, челночного бизнеса) и при этом наблюдается «обратная индустриализация» – ввод менее передовых технологий и структурная перестройка в виде локальных прорывов в области технологий при сохраняющемся технологическом регрессе.

Подобные документы во многом идейно повторяют доклады о структурной политике, в которых она сводилась к институциональным изменениям, и обнажают непонимание последовательной смены этапов технологического развития. Не принимается во внимание, что если кто-то решает сделать рывок за счет импорта технологий, то автоматически обрекает действующие технологические цепочки на разрушение и деградацию, привязывая развитие исключительно к импорту. Локальные прорывы проявлялись именно в режиме такой привязки при непреодоленных разрывах в области технологических цепочек внутри российской экономики. Таким образом, если происходит блокирование импорта технологий в связи с санкциями, то реально существующую ситуацию, из-за отсутствия должного статистического учета, выдают за будущую ситуацию. Это ангажированная политика формирования зависимой структуры, реализация которой позволяет конкурировать только в ограниченном диапазоне возможностей. Санкции сразу нейтрализуют эти возможности, высвечивая слабость проводимой ранее политики технологического обновления.

Структурная политика для России, на наш взгляд, должна исходить из того, какая модель технологического развития сложилась на данный момент, как именно распределены инвестиции между секторами и технологиями нового класса и уже используемыми (новые и старые технологии⁷), каковы возможности технологического обновления и чувствительность технологичности как агрегированного параметра хотя бы к двум видам указанных инвестиций. При проведении данной политики важно также учитывать, насколько отток кадров из обрабатывающих производств тормозит технологическое

⁶ Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования ЦБ РФ. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. 2022, апрель. № 2 (54). https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40953/bulletin_22-02.pdf.

⁷ В учетном смысле новую технологию, используемую нормативно установленный период (3 года), можно признавать старой. Инвестиции в новые технологии можно определять в виде затрат на технологические инновации, в старые – как разницу между инвестициями в основной капитал и затратами на технологические инновации.

обновление и инвестиции в новые технологии, как идет создание отечественных новых технологий, их внедрение, в том числе в связи с импортом технологий (обычно это не самые передовые технологии) и в какой мере ввод новых технологий приводит к росту выпуска инновационной продукции. Именно эти позиции создают каркас подлинного содержания структурной политики для России в технологическом измерении.

Оценку структурной политики можно дать по данным о динамике инвестиций в технологическое обновление, в промышленность и по чувствительности общей технологичности к типам инвестиций (в старые и новые технологии). Если общие инвестиции, включая инвестиции в старые и новые технологии, растут, то эту модель можно обозначить как «технологическая индустриализация». Если при увеличении общего размера инвестиций растут вложения в новые технологии, а в старые – снижаются, то такая модель может быть обозначена как «активизм», поскольку идет обновление технологий, но если соотношение обратное, то как «консервация» технологической базы. Модель, когда общая величина инвестиций не растет, но идет их увеличение в новые технологии, можно обозначить как «усеченное созидательное разрушение», приводящее к сдержанному и стабилизирующемуся технологическому развитию. Если наблюдается обратное, то эта модель «латания дыр» за счет поддержки старых технологий, что усиливает технологическое отставание. При неизменности размеров инвестиций и сохранении их структуры реализуется модель технологической стагнации. Конечно, такая классификация во многом условна. Однако она показывает возможные варианты инвестиционной политики при реализации конкретных проектов, с учетом того, какая модель технологического развития сложилась на текущий момент.

Инвестиции в новые технологии могут быть связаны с повышенным уровнем риска. При этом, учитывая, что объем инвестиций в старые технологии может быть больше, чем в новые, возникает ситуация, при которой инвестору выгоднее вкладывать в поддержку уже применяемых технологий, нежели создавать и внедрять новые. Темп роста экономики также может проявлять различную зависимость от инвестиций в новые и старые технологии. Потеря кадров в одних секторах хозяйства и избыточное их размещение в других представляет проблему структурного развития хозяйственной системы, причем затрудняющую, в силу специфики технологического дуализма, технологическое обновление.

Технологическая структура имеет свои особенности для каждого из рассмотренных выше агрегированных секторов. Они сказываются и на технологическом развитии этих секторов, поскольку опреде-

ляют его главные характеристики. Речь идет о скорости реакции на воздействия различного типа и об отвлекающих факторах развития. Так, обрабатывающий сектор характеризуется низкой скоростью реакции (обратная инерционность), что проявляется, например, в сопротивлении инновациям и строгой последовательности технологического развития. Для транзакционно-сырьевого сектора свойственна высокая приспособляемость к меняющимся условиям и быстрый переход на эффективные модели развития. Что касается отвлекающих факторов, то в обрабатывающем секторе среди них в первую очередь можно выделить низкий уровень согласованности и стратегического планирования, деградацию научно-исследовательской инфраструктуры и прикладной науки. В транзакционно-сырьевом секторе такими факторами являются, в частности, зависимость от импорта оборудования (в основном в сырьевых отраслях) и конъюнктуры валютного рынка.

При выборе технических мер структурной политики, которые обеспечат достижение определенного технологического уровня, необходимо учитывать тип предприятия конкретного вида деятельности и вид производства (массовое и крупносерийное, единичное и мелкосерийное) (см. табл.). Так, для предприятий полного цикла характерно изготовление изделий от материала (ресурса) до конечного продукта, включая все стадии разработки. При неполном цикле производственный процесс идет от частичного изготовления узлов и деталей машин до сборки конечного продукта. Инжиниринговые фирмы в основном занимаются только сборкой из покупных узлов и деталей, из которых составляют конечный продукт. При этом инженерная разработка, как правило, является их собственной, хотя может быть также частично или полностью куплена (отверточные виды производств).

Объединяющим звеном для всех типов предприятий и видов производств выступает конструкционно-элементная база. Именно она создает основу для технологического развития. Поэтому воссоздание таких производств выступает главной задачей современной структурной политики в России. Это неперемнное условие снижения зависимости от импорта, включая иностранные технологии и разработки. Освобождение от такой зависимости потребует кардинальных институциональных коррекций и применения особого вида научно-технической политики для внутреннего рынка, реализуемой в ситуации высочайших угроз национальной безопасности России, когда воспроизведение чужого результата требует обязательного изменения и наращивания, чтобы общий итог был не похож на тот, что послужил ориентиром для его получения.

**Технические меры, определяющие технологический уровень,
по типам предприятий и видам производства**

Вид производства	Тип предприятия		
	полного цикла	неполного цикла	сборочные и инжиниринговые фирмы
Массовое и крупносерийное	<ul style="list-style-type: none"> – автоматизация и роботизация; – конвейерное и поточное производство; – специальное технологическое оборудование и устройства для прогрессивного формообразования; – испытательные стенды и контроль качества; – передовая конструктивно-элементная база 	<ul style="list-style-type: none"> – механизация производства; – обрабатывающие центры и станки с программным управлением; – специальная технология; – современная конструктивно-элементная база; – логистика 	<ul style="list-style-type: none"> – программное обеспечение и системы автоматизированного проектирования; – информационные технологии; – автоматизация сборки; – прогрессивная конструктивно-элементная база; – маркетинг и логистика
Единичное и мелкосерийное (включая опытные образцы)	<ul style="list-style-type: none"> – станки с числовым программным управлением; – универсальное оборудование – специальный инструмент и приспособления, оснастка; – специальное технологическое оборудование; – конструктивно-элементная база 	<ul style="list-style-type: none"> – универсальное обрабатывающее оборудование; – серийное специальное технологическое оборудование и приспособления; – конструктивно-элементная база; – логистика 	<ul style="list-style-type: none"> – разработка конструкторской и технической документации; – универсальные сборочные приспособления и инструмент; – маркетинг, логистика; – конструктивно-элементная база

Источник: составлено автором.

Заключение

Структурная политика, нейтрализующая эффект технологического дуализма, – это центральное направление технологического обновления в России, необходимое для организации принципиально новой модели экономического роста. Иные решения, при низкой координации усилий, что наблюдается и сегодня в условиях растущего санкционного давления, вряд ли обеспечат успешный во всех отношениях результат. Необходима программа развертывания недостающих производств с выделением ресурсов на них, организационное формирование механизма ввода отечественных технологий по приоритетным

направлениям развития хозяйственной системы. При этом нужно учитывать, что технологическое замещение состоится тогда, когда владелец производства будет иметь мотив и возможность, включая желание это осуществить, то есть когда ввод новой технологии даст значимую экономию в ближайшей перспективе или получение более высокого дохода. Но даже в этом случае бизнес будет оценивать риски возможной потери дохода, поскольку часто технологические изменения носят кардинальный характер, что чревато потерей конкурентных преимуществ.

Потребность в новой технологии определяется многими условиями, и это не только способность сэкономить на труде. Известно, что в России труд относительно дешевый, и это «работает» на замедление технологического обновления. Однако именно потому, что труд дешевый, и происходил отток кадров из наукоемких секторов и обрабатывающих производств в иные сферы деятельности, где люди могут получать более высокую заработную плату. Поэтому, если не происходит наращивания ввода капиталоемких технологий, важной задачей структурной политики становится ограничение оттока кадров, занятых на предприятиях данных видов деятельности.

Чтобы снять или снизить влияние факторов, ограничивающих технологическое развитие, должна быть обеспечена реализация следующих мероприятий:

- оценка потребности в финансовых ресурсах на научные исследования и прикладные разработки, направленные на создание новых технологий, и выделение этих ресурсов;
- разработка и осуществление плана восстановления инженерных школ, прикладных исследовательских организаций (НИИ и КБ) с опытными заводами по отраслевому принципу (план должен быть долгосрочным и должен быть разбит на этапы – по три, пять, десять лет);
- организация системы переобучения и повышения квалификации работников, включая научно-преподавательские кадры, необходимых для решения задач технологического обновления;
- стимулирование формирования спроса на отечественные технические разработки и технологическую базу, организация замкнутых цепочек производства на внутреннем рынке как условия достижения технологического суверенитета;
- введение механизмов поддержки (налоговые льготы, административные стимулы, государственный заказ, субсидии, страхование инвестиций, регрессионный налог на инвестиции) для инновационных предприятий различных типов и видов производства в зависимости от вложений в создание новых фондов и именно отечественных технологий.

Тем самым в статье предложен алгоритм оценки технологического дуализма, позволяющий идентифицировать сложившуюся модель технологического развития (классический или иной вариант технологического дуализма), выделить режимы технологического развития экономики, а также на этой основе уточнены задачи и содержание структурной политики для российской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С.Ю. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. академика РАН С.Ю. Глазьева и профессора В.В. Харитонова. М.: «Тривант», 2009.
2. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.
3. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.
4. Мениш Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М.: Экономика, 2001.
5. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Изд. дом «ДЕЛО», 2011.
6. Словарь современной экономической теории Макмиллана / Под общей редакцией Д.У. Пирса. М.: Инфра-М, 1997.
7. Сухарев О.С. Экономика технологического развития. М.: Финансы и статистика, 2008.
8. Сухарев О.С. Экономическая теория эволюции институтов и технологий. М.: Ленанд, 2019.
9. Сухарев О.С. Экономика промышленности, технологий и интеллектуальных фирм. М.: Ленанд, 2022.
10. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
11. Cheng M., Yang S., Wen Z. The effect of technological factors on industrial energy intensity in China: New evidence from the technological diversification // Sustainable Production and Consumption, Volume 28. 2021. Pp. 775–785.
12. Dosi G. Technical Change and Industrial Transformation: The Patterns of Industrial Dynamics. In: Technical Change and Industrial Transformation. Palgrave Macmillan, London, 1984.
13. Freeman C. Technology policy and economic performance: lessons from Japan. London: Pinter Publishers, 1987.
14. Freeman C. The Economics of hope: essays on technical change, economic growth, and the environment. Pinter Publishers, 1992.
15. Freeman C., Louçã F. As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution. Oxford. Oxford University Press, 2002.
16. Gabardo F.A., Pereira J.B., Einloft P. The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *Economía*. 2017. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 392–410.
17. Wadley D. Technology, capital substitution and labor dynamics: global workforce disruption in the 21st century? // *Futures*. 2021. Vol. 132. 102802.

REFERENCES

1. *Glazyev S.Yu.* Nanotechnology as a key factor of a new technological way of life in the economy / Ed. Academician of the Russian Academy of Sciences S.Yu. Glazyev and Professor V.V. Kharitonov. M.: "Trovant", 2009. (In Russ.).
2. *Glazyev S.Yu.* Theory of long-term technical and economic development. M.: Vldar, 1993. (In Russ.).
3. *Lvov D.S., Glazyev S.Yu.* Theoretical and applied aspects of NTP management // Economics and mathematical methods. 1986. № . 5. Pp. 793–804. (In Russ.).
4. *Mensh G.* Technological path: innovations overcome depression. M.: Economics, 2001. (In Russ.).
5. *Peres K.* Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity. M.: Publishing House "DELO", 2011. (In Russ.).
6. Dictionary of modern economic theory of Macmillan/ general edition of D.W. Pierce. M.: Infra-M, 1997. (In Russ.).
7. *Sukharev O.S.* Economics of technological development. M.: Finance and Statistics, 2008. (In Russ.).
8. *Sukharev O.S.* Economic theory of the evolution of institutions and technologies – Moscow: Lenand, 2019. (In Russ.).
9. *Sukharev O.S.* Economics of Industry, Technology and Intellectual Firms. M.: Lenand, 2022. (In Russ.).
10. *Schumpeter J.A.* Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. M.: Eksmo, 2007. (In Russ.).
11. *Cheng M., Yang S., Wen Z.* The effect of technological factors on industrial energy intensity in China: New evidence from the technological diversification // Sustainable Production and Consumption. 2021. Vol. 28. Pp. 775–785.
12. *Dosi G.* Technical Change and Industrial Transformation: The Patterns of Industrial Dynamics. In: Technical Change and Industrial Transformation. Palgrave Macmillan. London, 1984.
13. *Freeman C.* Technology policy and economic performance: lessons from Japan. London: Pinter Publishers, 1987.
14. *Freeman C.* The Economics of hope: essays on technical change, economic growth, and the environment. Pinter Publishers, 1992.
15. *Freeman C., Louçã F.* As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution. Oxford. Oxford University Press, 2002.
16. *Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P.* The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *EconomiA*. Vol. 18. Iss. 3, 2017. Pp. 392–410.
17. *Wadley D.* Technology, capital substitution and labor dynamics: global workforce disruption in the 21st century? // *Futures*. 2021. Vol. 132. 102802.

Дата поступления рукописи: 04.10.2022 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухарев Олег Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
o_sukharev@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sukharev Oleg S. – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru

TECHNOLOGICAL DUALISM OF THE RUSSIAN ECONOMY
AND THE STRUCTURAL POLICY OF ITS NEW GROWTH MODEL

The author explores the concept of "technological dualism". The purpose of the study is to obtain an interpretation of the effect of technological dualism for the Russian economy. The author succeeded in establishing its special nature, when the retirement of labor from capital-intensive sectors of the economy occurs not due to the introduction of labor-saving technologies, but for other reasons, and there is no significant increase in the manufacturability of capital-intensive types of activities. Technical measures for increasing the level of manufacturability by types of production and types of enterprises are proposed, and basic differences in the technological development of economic sectors are established, which makes it possible to specify the measures of structural and industrial policy. The research methodology includes structural and comparative analysis, taxonomic approach, elements of empirical and regression data analysis.

Keywords: *technologies, sectors of the economy, structural policy, "technological dualism", level of manufacturability, types of production, types of enterprises.*

JEL: O14, O33, O25.

С.В. КОЗЛОВА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН

П.С. ЗВЯГИНЦЕВ

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «УПРАВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ИМУЩЕСТВОМ»

В статье представлены результаты содержательного анализа Государственной программы «Управление федеральным имуществом», рассматриваемой авторами в качестве составной части институциональной среды управления государственным имуществом, а также этапы и направления ее трансформации и полученные в их итоге результаты. Исследование проводилось на методологической основе институционального подхода. При этом современный формат институциональной среды рассматривался как совокупность официальных законов, постановлений правительства и других нормативных актов и их сопряженности между собой. Сделаны выводы о недостаточной эффективности полученных ранее результатов. Новые вызовы и реалии требуют структурной перестройки экономики, роста вовлечения госимущества в решение важных задач современности, в связи с чем возникает необходимость в новых методологических подходах к управлению госимуществом, к продолжению формирования и адаптации институтов, сопряженных со стратегическим планированием.

Ключевые слова: *управление государственным имуществом, институциональная среда, трансформация институциональной среды, эффективность государственного управления.*

УДК: 338.22

EDN: PCLKGJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_90_105

Введение

Современные вызовы и новые экономические и геополитические реалии требуют от государства выполнения актуальнейших задач, ранее не входивших в круг архиважных. Для их выполнения любое государство всегда нуждается в материальных и финансовых ресурсах. В современных условиях турбулентности роль государства возрас-

тает, и соответственно растут запросы на мобилизацию этих ресурсов с целью их быстрого перераспределения для структурной перестройки всей экономики, для решения как текущих, так и долгосрочных задач. От эффективности института управления государственным имуществом во многом зависит эффективность выполнения государством возложенных на него функций.

С точки зрения теоретических и методологических подходов к институту управления госимуществом мы используем как теоретические базовые категории (институты, институциональная среда и ее трансформация), так и юридические (имущество). К категории «институт» мы применяем общеизвестное определение Д. Норта о формальных правилах и неформальных ограничениях. Что касается категории «имущество», то здесь мы солидарны с учеными-юристами в том, что «...в литературе, а нередко и в законодательстве, понятие «имущество» зачастую отождествляется с понятием собственности. Исключая путаницу в терминологии, сразу обозначим разницу: собственность с юридической точки зрения представляет собой комплекс прав, которыми может обладать субъект права в отношении своего имущества. А имущество является объектом права собственности, что, в свою очередь, вытекает из ст. 209 ГК РФ...» [1].

Государственное имущество состоит из федерального имущества и имущества субъектов РФ. В рамках нашего исследования мы рассматриваем в основном инструменты управления федеральным имуществом, но так как методические и концептуальные подходы к управлению федеральным имуществом и имуществом субъектов РФ одинаковые, мы их объединили, используя термин «госимущество». Структура госимущества такова: имущество, принадлежащее на праве оперативного управления или хозяйственного ведения государственным предприятиям и организациям, – так называемое *распределенное имущество*; имущество, составляющее казну (*нераспределенное имущество*); в составе имущественной казны выделяются *акции и доли компаний с государственным участием (КГУ)*. Именно поэтому государство участвует как собственник в корпоративном управлении КГУ, являясь актором хозяйственной деятельности. Институциональная среда – это совокупность официальных норм и правил, относящихся в нашем случае к управлению государственным имуществом.

Период с начала 1990-х годов и до 2013 г. мы не рассматриваем в данной статье, поскольку он являлся объектом специальных многочисленных исследований, в том числе и в совокупности с так называемыми перестроечными процессами. Однако есть несколько положений и выводов, на которые хотелось бы обратить внимание в контексте проблем управления госимуществом. Проведенные ранее исследование позволяют нам присоединиться к точке зрения о так называемом

мой «ловушке института приватизации¹», которая сформировалась в 1990-е годы. Как мы писали ранее, «...исследование осуществляемого в России в течение либеральных реформ процесса формирования системы управления государственным имуществом в условиях рынка показало, что основным институтом управления стал институт приватизации, который сам по себе действительно несет в себе большие потенциальные возможности развития рыночной экономики и является его необходимым фактором, особенно на первых этапах реформ. В то же время политика приватизации, продолжающаяся без должной эволюции данного института в контексте изменения экономической среды, развития корпоративных отношений, без учета современных вызовов и реалий, выглядит попыткой убежать от целого ряда проблем, назревших в управлении государственным имуществом, вместо того, чтобы их решать...» [3, с. 22–23].

В рамках нашего исследования важным является то, что воздействие данного неэффективного института продолжало действовать и в последующие периоды в части управления государственным имуществом, несмотря на введение новых инструментов государственного управления имуществом (например, той же государственной программы в области управления федеральным имуществом). Парадигма приватизации (или, как считают некоторые исследователи, в последующие годы – это уже стала «псевдоприватизация») была заложена в индикаторы новых инструментов, что снижало качество госуправления и мешало решению насущных задач.

Начиная с 2013 г., года ее принятия, базовой единицей в институциональной среде управления государственным имуществом и основным государственным инструментом являлась Государственная программа «Управление федеральным имуществом» (далее – ГП)². Если данный документ рассматривать как самостоятельную программу, то за семь с лишним лет ее функционирования (2013–2020 гг.) было внесено множество дополнений и изменений в ее цели, задачи и показатели, поэтому мы считаем целесообразным выделить несколько этапов трансформации этого инструмента и рассмотреть их подробнее³.

¹ В терминах неинституциональной теории «институциональная ловушка – это неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающийся характер» [2, с. 8].

² Государственная программа «Управление федеральным имуществом»; принята Распоряжением Правительства РФ от 16 февраля 2013 г. № 191-р.

³ Мы вынесли в Приложение к статье таблицу, в которой сгруппировали основные цели, задачи, индикаторы госпрограммы, в зависимости от вносимых в нее изменений за период с 2013 г. по 2019 г. включительно. В определенные периоды они совпадали в основной своей массе, поэтому мы их объединили. Таблица наглядно

Государственная программа «Управление федеральным имуществом»: трансформация целей, задач, индикаторов

2013–2014 гг. Первоначальные цели принятой в 2013 г. Государственной программы были определены в контексте Концепции управления государственным имуществом⁴, а именно: «Создание условий для эффективного управления федеральным имуществом, необходимым для выполнения государственных функций органами власти Российской Федерации, и отчуждение федерального имущества, востребованного в коммерческом обороте».

Результатами реализации Госпрограммы должны были стать:

- оптимизация состава и структуры федерального имущества в интересах обеспечения устойчивых предпосылок для экономического роста, а также формирование экономической основы деятельности публично-правовых образований (с точки зрения обеспечения осуществления задач и интересов Российской Федерации);
- повышение эффективности управления федеральным имуществом, включая развитие конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности компаний с государственным участием.

Планировалось решить, в частности, следующие задачи: определить цели управления объектами федерального имущества; оптимизировать состав федеральных организаций, действующих в конкурентных отраслях экономики; повысить эффективность модели управления компаниями с госучастием; обеспечить контроль за управлением федеральным имуществом.

Однако в такой редакции ГП просуществовала недолго, около года, по существу так и не заработав полноценно. В начале 2014 г. был принят другой документ относительно ГП, он и стал базовым на многие годы.

2014–2019 гг. В апреле 2014 г. правительство РФ утвердило новый вариант ГП⁵, в которой часть задач остались прежними, но, в то же время появился целый ряд новых задач, прежде всего: определение целей управления объектами федерального имущества; достижение

иллюстрирует некоторую методологическую непоследовательность в управлении государственным имуществом посредством госпрограммы, поэтому интересна сама по себе, вне описания ее в тексте данной статьи. Период 2020–2022 не указан в таблице ввиду качественных изменений в концепции рассматриваемой госпрограммы.

⁴ Постановление Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 29.11.2000 № 903)».

⁵ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 327 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом».

оптимального состава и структуры федерального имущества путем сокращения доли государства в экономике; обеспечение учета и мониторинга федерального имущества путем создания единой системы учета и управления федеральным имуществом, обеспечивающих механизмы сбора, консолидации и представления информации для принятия и анализа эффективности управленческих решений в отношении объектов федерального имущества (см. табл. в Приложении).

Целевые индикаторы и показатели ГП версии 2014 г. стали четко нацелены на сокращение государственных организаций и казны: средние темпы сокращения количества организаций с государственным участием; средние темпы сокращения имущества государственной казны Российской Федерации; динамика технологического развития процессов управления федеральным имуществом. ГП должна была быть выполнена в 2018 г.

В 2017 г. снова были внесены изменения в ГП, но они не носили принципиального характера. Ожидаемые результаты реализации ГП в новой редакции заключались в завершении к 2019 г. реформирования системы продажи федерального имущества и в увеличении динамики сокращения имущества государственной казны РФ с 3% в 2013 г. до 24% в 2019 г.

Показатели госпрограммы по сокращению государственных организаций были выполнены только в течение трех лет – 2016–2018 гг. Фактические показатели сокращения имущества государственной казны РФ были перевыполнены по всем годам. Наибольшее перевыполнение плановых показателей госпрограммы по сокращению имущества казны пришлось на 2019 и 2020 г. Средние фактические темпы сокращения имущества государственной казны РФ в 2019 г. превышали плановые в 1,34 раза, а в 2020 г. – в 1,92 раза. Сокращение имущества государственной казны РФ в 2021 г. планировалось довести до 34,5%. Анализ количественных индикаторов государственной программы подробно приведен в более ранних работах (см., например: [4]), здесь же отметим основные.

В течение рассматриваемого периода основные критерии трансформации были направлены не столько на изменение целей и задач, сколько на поиск соответствующих им индикаторов ГП (что видно из табл. в Приложении к статье). Основной упор был сделан на количественные показатели (индикаторы), отражающие темпы сокращения государственного имущества всех категорий без качественной оценки происходящих в результате управления ГП процессов. Вероятно именно такой подход явился основой для формирования провалов и неудач в управлении государственным имуществом. Обозначим основные из них.

Во-первых, мы также, как и прочие российские исследователи, отмечаем, что указанные в ГП темпы уменьшения числа АО с госуча-

стием и ФГУПов не были обоснованы ни одной официальной методикой, которая бы доказывала, что именно такое количество госпредприятий надо оставить для реализации государственных функций и адекватного исполнения государством своей роли в экономике. Как указывают специалисты, «...не учитывалось то, что оптимизация состава и структуры государственных активов, находящая свое воплощение в уменьшении их количества, не тождественна приватизации» [5]. Во-вторых, переход к оценке эффективности приватизации исключительно через финансовые индикаторы вынуждает исполнителей ГП «вытаскивать» госактивы на рынок любой ценой, в том числе неликвидные и неподготовленные к продаже, что снижает как доходность от их продажи, так и результативность их дальнейшего использования. В-третьих, анализ трансформации ГП показал, что инструментарий для решения различных задач в разных редакциях госпрограммы практически полностью совпадает с исходной редакцией, что указывает на недостаточную обоснованность методологической базы формирования ГП.

Привело ли управление государственным имуществом посредством данной ГП к эффективным результатам? На этот вопрос ответ скорее отрицательный, несмотря на определенные положительные результаты, и в основе ответа лежит анализ результатов проверок Счетной палаты РФ. Отметим, в частности, следующее [6]:

1) Одна из проблем – отсутствие достоверной информации о количестве АО и ФГУП, подконтрольных государству: сведения не совпадают с аналогичными данными других информационных ресурсов (Росстат и ФНС России).

2) Нет полноценной информации и о результатах финансовой деятельности организаций с госучастием. В результате более 90% АО находятся в «серой зоне» и их деятельность никак не анализируется. При этом выборочный анализ материалов по этим АО показал, что многие из них нестабильны или имеют отрицательную динамику.

3) Проверки Счетной палаты РФ показали, что большую часть поступлений дивидендов (97% совокупного размера) обеспечивают только двадцать наиболее крупных АО (примерно 2% от их общего количества). В то же время свыше 500 компаний в 2017–2019 гг. вообще не перечисляли дивиденды в доход бюджета.

4) АО недостаточно вовлечены в достижение стратегических целей, а документы средне- и долгосрочного планирования их деятельности носят во многом формальный характер.

5) Что касается приватизационной деятельности, то, согласно отчету Счетной Палаты РФ от 2021 г., «Прогнозные планы (программы) приватизации федерального имущества, которые регулярно утверждает правительство Российской Федерации, перестали выпол-

нять роль основного инструмента отчуждения государственных активов и на практике не выполняются» [7].

Все это указывает на то, что к 2020 г. накопились серьезнейшие проблемы в области управления государственным имуществом, и возникла необходимость в качественно ином подходе к ГП.

2020 г. – по н. вр. В 2020 г. произошли кардинальные изменения в части управления данной госпрограммой – она потеряла самостоятельность и стала в итоге подпрограммой ГП «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков». Это происходило в два этапа. Сначала Постановлением Правительства РФ № 376 от 31 марта 2020 года госпрограмма «Управление федеральным имуществом» была утверждена в составе государственной программы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» в виде новой подпрограммы Ж «Управление федеральным имуществом». Срок реализации подпрограммы составлял 01.01.2020–31.12.2024 гг. Затем правительство принимает Постановление №2386 от 30 декабря 2020 года «О внесении изменений в государственную программу РФ «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», в которую включает подпрограмма 6 «Управление федеральным имуществом». Сроки реализации подпрограммы: 01.01.2021–31.12.2024 гг.⁶

Практически одновременно с этим процессом в институциональном поле управления госимуществом появляется новый документ – Распоряжение Правительства РФ от 12 октября 2020 г. № 2645-р «Об утверждении методики определения критериев оптимальности состава государственного и муниципального имущества и показателей эффективности управления и распоряжения им» (далее – методика), которая должна была стать основой для управления отдельными объектами имущества со стороны государства.

Выделим основные новации официального методологического подхода по отношению к управлению государственным имуществом на конец 2020 г.⁷ «Первый и очень важный аспект нового методологического подхода заключается в том, что эффективность использования различных видов государственного имущества предлагается оценивать по разным критериям, что коррелирует с результатами многих научных изысканий в данной области... Вторым важным

⁶ Таким образом, подпрограмма Ж «Управление федеральным имуществом» с 2021 г. из госпрограммы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» переходит в госпрограмму РФ «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» как подпрограмма 6 «Управление федеральным имуществом».

⁷ Подробный анализ новаций представлен в работе [8].

аспектом является то, что среди выделенных категорий имущества государство определило для себя стратегически важную их часть... Общий же принцип управления всеми категориями государственного и муниципального имущества состоит в следующем: каждый используемый объект государственного имущества должен в процессе своей деятельности достичь определенного результата (отраженного в показателях), который оценивается в баллах. Если набранные баллы меньше установленного порогового значения, то необходимо принимать определенные меры по отношению к данному объекту госуправления (забирать имущество, передавать в частные руки и т. п.)» [8, с. 39, 40].

Анализ документов (ГП и методики) указывает на то, что часть задач из ГП перенесена именно в данную методику, на основании которой государство будет осуществлять управление разными категориями имущества. А через включение в методику индикаторов, связанных с достижением и выполнением национальных целей, была сделана попытка связать данное управление воедино через систему стратегического планирования. На конец 2020 г. это стало новым поворотом в управлении госимуществом.

При этом оставшиеся задачи по управлению госимуществом утверждены в 6-й подпрограмме к государственной программе «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», основная цель которой – «Обеспечение к 2030 году роста доходов от дивидендных выплат хозяйственных обществ, права акционера (участника) в которых осуществляет Росимущество, не менее чем в 2,5 раза (к уровню 2021 года)»⁸.

Ожидаемыми результатами к 2030 г. являются:

1) увеличение доходов от дивидендных выплат хозяйственных обществ, права акционера (участника) в которых осуществляет Росимущество, не менее чем в 2,5 раза (к уровню 2021 года);

2) создание цифрового профиля федерального имущества...;

3) формирование цифровой системы на базе искусственного интеллекта...;

4) обеспечение отчуждения из федеральной собственности имущества, не используемого органами государственной власти Российской Федерации для выполнения государственных функций...;

5) обеспечение вовлечения в хозяйственный оборот в целях сельскохозяйственного использования не менее 60 процентов общего количе-

⁸ Согласно ныне действующему Постановлению от 15 апреля 2014 г. № 320 (в ред. от 25 сентября 2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков».

ства земельных участков сельскохозяйственного назначения, находящихся в федеральной собственности;

б) увеличение до 65% доли объектов имущества государственной казны Российской Федерации, вовлеченных в хозяйственный оборот, от общего количества объектов имущества государственной казны Российской Федерации на конец отчетного года».

Таким образом, в течение анализируемого периода цели и задачи ГП «Управление федеральным имуществом» неоднократно менялись, индикаторы трансформировались в сторону отражения динамики сокращения государственных активов. В итоге (в версии 2021 г.) эффективность управления государственным имуществом стала интерпретироваться как бюджетная доходность от использования госимущества. Перевод программы из самостоятельной в подпрограмму в рамках ГП «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» является логическим завершением трансформации ГП «Управление федеральным имуществом».

Выводы

Следует признать, что поставленные в программно-целевом документе цели и задачи, несмотря на их постоянную трансформацию, не были выполнены полностью ни на одном этапе их изменений. Имелись место провалы в результатах, как с точки зрения бюджетной эффективности управления компаниями с государственным участием (получение дивидендов), так и с точки зрения отсутствия четкого учета госимущества (с точки зрения создания единой информационной базы для всех сопряженных в системе управления организационных институтов). Строгий учет очень важен для принятия эффективных решений, поскольку именно правильный учет формирует достоверность данных, на основе которых и принимаются управленческие решения. При этом следует учесть, что время на принятие управленческих решений в период турбулентности сокращается в разы, а цена ошибки растет.

В основе данных управленческих провалов не последнюю роль играют неэффективные институты управления госимуществом, которые только в процессе их эволюционного развития и совершенствования смогут отражать современные потребности и быть эффективными (в противном случае они должны быть исключены из системы управления). Поэтому представляется важным пересмотреть подходы к управлению государственным имуществом с позиций собственности и отказаться от жесткой альтернативы – либо государственное, либо частное. Важна не форма собственности, а эффективность использования имущества, особенно когда критерием эффективности использо-

вания госимущества выступают не только бюджетные, но и социальные (общественные) эффекты.

Назрела необходимость провести аудит нормативно-правовых актов, связанных с управлением государственным имуществом, т. е. аудит институциональной среды, и если какой-то механизм уже не работает, то приостановить его действие, хотя бы на время. Это относится в первую очередь к механизмам управления КГУ.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости не просто дальнейшей трансформации институциональной среды (т. е. на практике – пула законодательно-нормативных актов) управления государственным имуществом, а в сопряженности с документами стратегического планирования. На наш взгляд, именно такой подход отвечает современным реалиям и современным вызовам.

Цели, задачи, индикаторы ГП "Управление федеральным имуществом" за период 2013–2019 гг.

	В редакции от 2013 г. (Распоряжение Правительства РФ от 16 февраля 2013 г. № 191-р)	В редакции от 2014 г. (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 327 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2017 г. (Постановление Правительства РФ от 31.03.17 г. № 381-12 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2018 г. (Постановление Правительства РФ от 30.03.2018 г. № 367-14 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2019 г. (Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 352-20 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)
Цели	I. Создание условий для эффективного управления федеральным имуществом, необходимым для выполнения государственных функций органами власти Российской Федерации, и отчуждения федерального имущества, востребованного в коммерческом обороте.	<ul style="list-style-type: none"> – оптимизация состава и структуры федерального имущества; – повышение результативности управления федеральным имуществом; – обеспечение эффективного контроля, учета и мониторинга использования федерального имущества 			
Задачи	<ol style="list-style-type: none"> 1) определение целей управления объектами федерального имущества; 2) достижение оптимального состава и структуры федерального имущества путем сокращения доли государства в экономике, а также оптимизация состава федеральных организаций, действующих в конкурентных отраслях экономики; 	<ul style="list-style-type: none"> – формирование действенной системы управления федеральным имуществом, предусматривающей достижение определенных целей управления путем реализации «дорожных карт»; – формирование действенной системы определения структурного состава федерального имущества как бизнес-единицы («бизнес, а не здание») и последовательности разгосударствления объектов федерального имущества; переход от продажи отдельного имущества к продаже бизнес-единиц; – повышение эффективности продажи акций крупных хозяйственных обществ, акции (доли) в уставных капиталах которых находятся в федеральной собственности, с целью создания условий для привлечения инвестиций, стимулирования развития фондового рынка, а также модернизации и технологического развития экономики; совершенствование мер вовлечения объектов федерального имущества в коммерческий оборот, инструментов приватизации, а также методов контроля за ее реализацией; 			определение оптимального состава и структуры федерального имущества; повышение эффективности продажи федерального имущества и совершенствование мер вовлечения объектов федерального имущества в коммерческий оборот, в том числе инструментов приватизации; повышение эффективности и качества управления компаниями

Продолжение табл.

	В редакции от 2013 г. (Распоряжение Правительства РФ от 16 февраля 2013 г. № 191-р)	В редакции от 2014 г. (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 327 Об утверждении госу- дарственной программы Российской Федерации «Управление федераль- ным имуществом»)	В редакции 2017 г. (Постановление Прави- тельства РФ от 31.03.17 г. № 381-12 «О внесении изменений в государ- ственную программу РФ «Управление федераль- ным имуществом»)	В редакции 2018 г. (Постановление Прави- тельства РФ от 30.03.2018 г. № 367-14 «О внесении изменений в государ- ственную программу Российской Федерации «Управление федераль- ным имуществом»)	В редакции 2019 г. (Постановление Прави- тельства РФ от 29.03.2019 г. № 352-20 «О внесении изменений в государ- ственную программу Российской Федерации «Управление федераль- ным имуществом»)
Задачи	<p>3) повышение эффективности модели управления компаниями с государственным участием, действенное управление объектами федерального имущества, закрепленными за федеральными организациями, находящимися в федеральной собственности земельными участками, а также федеральным имуществом, составляющим государственную казну Российской Федерации;</p> <p>4) обеспечение контроля за управлением федеральным имуществом, обеспечение снижения вероятности недостижения поставленных целей и задач, а также минимизации возможных потерь, вызванных реализацией неблагоприятных событий и обстоятельств;</p>	<ul style="list-style-type: none"> – совершенствование нормативно-правового регулирования подготовки и продажи государственного имущества; – поэтапное сокращение количества федеральных государственных унитарных предприятий, а также оптимизация состава иных федеральных организаций; – повышение эффективности управления компаниями с государственным участием; – повышение качества корпоративного управления компаниями с государственным участием; – повышение эффективности деятельности вертикально интегрированных структур; – совершенствование механизмов реализации прав Российской Федерацией как акционера в отношении открытых акционерных обществ; обеспечение эффективного управления, целевого использования и сохранности объектов федерального имущества федеральных организаций; – минимизация количества объектов, составляющих государственную казну Российской Федерации (временное состояние нахождения федерального имущества); – обеспечение имущественной основы деятельности федеральных органов государственной власти, а также иных организаций в случаях, установленных нормативными правовыми актами; -обеспечение рационального, эффективного использования находящихся в федеральной собственности земельных участков и максимизации доходности; повышение ответственности лиц в федеральном государственном органе, которым предоставлены полномочия по управлению федеральным имуществом, в федеральных организациях и компаниях с государственным участием (субъектов управления) за нарушение порядка управления федеральным имуществом, представление отчетности, а также достижение установленных показателей деятельности путем совершенствования порядка и форм представления отчетности об управлении федеральным имуществом и достижения установленных показателей деятельности компаний с государственным участием; 	<p>с государственным участием, объектами федерального имущества, в том числе земельными участками, находящимися в федеральной собственности; расширение форм контроля и усиление персональной ответственности за управление и использование федерального имущества;</p> <p>повышение эффективности системы учета и мониторинга использования федерального имущества</p>		

	В редакции от 2013 г. (Распоряжение Правительства РФ от 16 февраля 2013 г. № 191-р)	В редакции от 2014 г. (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 327 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2017 г. (Постановление Правительства РФ от 31.03.17 г. № 381-12 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2018 г. (Постановление Правительства РФ от 30.03.2018 г. № 367-14 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2019 г. (Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 352-20 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)
Задачи	5) обеспечение учета и мониторинга федерального имущества путем создания единой системы учета и управления федеральным имуществом, обеспечение таких механизмы сбора, консолидации и представления информации для принятия и анализа эффективности управленческих решений в отношении объектов федерального имущества.	– формирование и развитие целостной системы мотивации и ответственности всех участников процесса управления федеральным имуществом; – усиление мониторинга и расширение форм контроля за управлением и использованием федерального имущества, достижением установленных показателей деятельности; повышение эффективности учета федерального имущества через определение его состава и уровня детализации объектов учета; формирование и развертывание системы учета и управления федеральным имуществом; формирование системы управления и хранения документов (библиотеки управленческих решений) путем перевода существующего бумажного архива документов в сфере управления федеральным имуществом в электронный вид, а также перехода к взаимодействию субъектов управления в электронной форме; формирование новых каналов взаимодействия субъектов управления федеральным имуществом, потенциальных инвесторов и общественности			
Целевые индикаторы и показатели подпрограммы	– доля федеральных государственных показатели унитарных предприятий, для которых определена целевая функция; – доля хозяйственных обществ, акции (доли) которых находятся в федеральной собственности, для которых определена целевая функция; – доля объектов государственной казны Российской Федерации, для которых определена целевая функция; – доля федеральных государственных учреждений, для которых определена целевая функция; – продажи крупных инвестиционно привлекательных объектов через публичное предложение акций (из числа таких объектов, предусмотренных к продаже решениями Президента Российской Федерации и (или) Правительства Российской Федерации в текущем году) (биржевые сделки и стратегические продажи); – процент выполнения плана по доходам федерального бюджета от управления и распоряжения федеральным имуществом, за исключением доходов от приватизации (итого); – процент ежегодного сокращения количества акционерных обществ с государственным участием по отношению к предыдущему году (процентов, не менее);				

	В редакции от 2013 г. (Распоряжение Правительства РФ от 16 февраля 2013 г. № 191-р)	В редакции от 2014 г. (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 327 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2017 г. (Постановление Правительства РФ от 31.03.17 г. № 381-12 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2018 г. (Постановление Правительства РФ от 30.03.2018 г. № 367-14 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)	В редакции 2019 г. (Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 352-20 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»)
Целевые индикаторы и показатели по программе	<ul style="list-style-type: none"> – процент ежегодного сокращения количества федеральных государственных унитарных предприятий по отношению к предыдущему году (процентов, не менее); – доля государственных служащих в органах управления и контроля акционерных обществ с государственным участием (%); – процент сокращения площади земельных участков государственной казны Российской Федерации, не вовлеченных в хозяйственный оборот, по отношению к площади земельных участков государственной казны Российской Федерации в 2012 году (за исключением земельных участков, изъятых из оборота и ограниченных в обороте) (%); – доля объектов имущества государственной казны Российской Федерации, вовлеченных в хозяйственный оборот, в общем количестве объектов имущества государственной казны Российской Федерации на конец отчетного года (без учета земельных участков, акций, долей (вкладов) в уставных (складочных) капиталах хозяйственных обществ и товариществ, особо ценного движимого имущества, первоначальная стоимость единицы которого меньше 500/200 тыс. рублей, и оборотных активов (независимо от их стоимости), учитываемых как единые объекты) (%); доля объектов федерального имущества, учтенных в реестре федерального имущества, в общем числе выявленных и подлежащих учету объектов (в рамках текущего года) (%); – доля государственных услуг, оказание которых переведено в электронный вид, в общем числе услуг, оказываемых Федеральным агентством по управлению государственным имуществом (%); 				
	<ul style="list-style-type: none"> – доля денежных средств, поступивших в федеральный бюджет в отчетном году от продажи акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ, в планируемом объеме поступлений в федеральный бюджет соответствующих денежных средств в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации об утверждении прогнозного плана (программы) приватизации на соответствующий год (за исключением поступлений от продажи акций крупнейших акционерных обществ) (%); – процент обеспечения поступлений в федеральный бюджет доходов в виде прибыли, приходящейся на доли в уставных (складочных) капиталах хозяйственных товариществ и обществ, или дивидендов по акциям, находящимся в федеральной собственности, от запланированного уровня на отчетный год; – доля акционерных обществ (включенных в перечни, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2003 г. № 91-р, а также иных акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности Российской Федерации), в долгосрочные программы которых включены показатели, характеризующие повышение производительности труда, создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест (%); соотношение стоимости реализованного имущества, обращенного в собственность государства, и оценочной стоимости указанного имущества, определенной для целей реализации (%). 				

ЛИТЕРАТУРА

1. *Снеткова Д.Н.* Понятие и состав федерального имущества в массиве объектов государственной собственности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. №2-2. С. 185–193.
2. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.
3. *Козлова С.В., Братченко С.А., Звягинцев П.С.* Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2019.
4. *Звягинцев П.С.* Эффективность реализации государственной программы «Управление федеральным имуществом» за 2013–2020 годы // Экономические науки. 2021. № 205. С. 147–151.
5. *Мальгинов Г., Радыгин А.* Государственная программа «Управление федеральным имуществом»: некоторые итоги и перспективы реализации // Развитие России. 2017. Т. 24. №12. С. 51–67.
6. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия Счетной палаты РФ «Анализ выполнения Прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества и основных направлений приватизации федерального имущества на 2017–2019 годы, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2017 г. № 227-р» (Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 30 марта 2021 года).
7. Бюллетень Счетной Палаты РФ. 2020. № 8.
8. *Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М.* Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 31–56.

REFERENCES

1. *Snetkova D.N.* The concept and composition of federal property in the array of state property objects // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. No. 2-2. Pp. 185–193. (In Russ.).
2. *Polterovich V.M.* Institutional traps and economic reforms // Economics and mathematical methods. 1999. Vol. 35. No. 2. Pp. 3–20. (In Russ.).
3. *Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Zvyagintsev P.S.* State Property Management in Modern Russia: Evolution of Concepts, Tools, Mechanisms: Report. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2019. (In Russ.).
4. *Zvyagintsev P.S.* Effectiveness of the implementation of the state program “Federal property management” for 2013–2020 // Economic sciences. 2021. No. 205. Pp. 147–151. (In Russ.).
5. *Malginov G., Radygin A.* State program “Federal property management”: some results and prospects of implementation // Development of Russia. 2017. Vol. 24. No. 12. Pp. 51–67. (In Russ.).
6. Report on the results of the expert-analytical event of the Accounts Chamber of the Russian Federation “Analysis of the implementation of the Forecast plan (program) of the privatization of federal property and the main directions of the privatization of federal property for 2017–2019, approved by the Decree of the Government of the

- Russian Federation dated February 8, 2017. No. 227-р" (Approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation on March 30, 2021). (In Russ.).
7. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. 2020. No. 8. (In Russ.).
 8. *Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.* Efficiency and quality of state property management in the context of national goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 5. Pp. 31–56. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 20.01.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козлова Светлана Вячеславовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором институтов и механизмов государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
svk1020@mail.ru

Звягинцев Петр Семенович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
petrz@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Kozlova Svetlana V. – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of the Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
svk1020@mail.ru

Zvyagintsev Petr S. – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
petrz@bk.ru

TRANSFORMATION OF THE STATE PROGRAM "FEDERAL PROPERTY ADMINISTRATION"

The article presents results of a meaningful analysis of the state program "Federal Property Administration", its transformation and the results of the program implementation. The program is considered as an integral part of the institutional environment of state property administration. The study is based on the methodological basis of the institutional approach, while the modern format of the institutional environment is considered as an aggregate of official laws, government resolutions and other regulations and their interconnection with each other. Conclusions are drawn about the insufficient effectiveness of the previously obtained results are drawn. New challenges and realities require structural adjustment of the economy, increased involvement of state property in solving urgent tasks. As a consequence, there is a need for new methodological approaches to state property administration, to continue the formation and adaptation of institutions associated with strategic planning.

Keywords: *state property administration, institutional environment, transformation of the institutional environment, efficiency of state administration.*

JEL: E65, L51, N14, O20, P21, P27.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Е.В. КРАСОВА

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета

Р.И. ГРИВАНОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой международных отношений и права Владивостокского государственного университета

РОССИЯ И РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Республикой Корея – актуальное направление исследований в области внешнеэкономических связей России. Высокая значимость Республики Корея как международного экономического партнера для восточных субъектов Российской Федерации, таких как Приморский край, на фоне неустойчивых тенденций двусторонних торговых отношений и низкого уровня инвестиционной активности требует пристального внимания к проблемам двустороннего взаимодействия на региональном уровне. Цель исследования – опираясь на анализ статистических данных, раскрыть базовые проблемы торгово-экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея через призму региональных экономических отношений. В статье представлены тенденции сотрудничества Приморского края с Республикой Корея с 2010-х годов, определена его основная проблематика. В качестве базовых проблем обозначены политизированность международных отношений и заниженные ожидания корейской стороны от инвестиций вследствие сравнительно низкого уровня развития экономики края.

Ключевые слова: *торгово-экономическое сотрудничество, российско-корейское сотрудничество, приморско-корейское сотрудничество, внешнеэкономические связи России, внешнеэкономические связи Приморского края, внешняя торговля России, внешняя торговля Приморского края, экономика Приморского края.*

УДК: 339.9, 327.8

EDN: RQNBEN

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_106_129

Введение

Поворот России на Восток, ее стремление интегрироваться в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона на принципах стратегического партнерства определяют огромный интерес российской общественности к вопросам экономического взаимодействия с азиатскими странами, в том числе с Республикой Корея. Во-первых, географическая близость азиатских стран заставляет внимательно следить за политическими и социально-экономическими процессами, происходящими в них; во-вторых, достаточно высокий уровень развития и вовлеченность в мировую экономику этих стран формирует потенциал для их активных деловых контактов с Россией. Республика Корея – яркая звезда в мировом политическом, экономическом и технологическом пространстве, обладающая высоким производственным, инвестиционным и экспортным потенциалом. Более чем 30-летний период с момента установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея¹ характеризуется динамичными и неоднородными тенденциями: ростом и падением двустороннего товарооборота, реализацией и сворачиванием бизнес-проектов, расширением и сужением туристических потоков, разноплановыми обменов в научно-образовательной и гуманитарной сферах. Республика Корея традиционно рассматривает Россию как поставщика ресурсов и емкий рынок сбыта своей продукции; Россия, в свою очередь, рассчитывает на торговое и инвестиционное сотрудничество с этой страной в важнейших отраслях народного хозяйства.

На сегодняшний день можно констатировать очередной спад и некоторую консервацию российско-корейских отношений, вызванную наложением рядом фундаментальных и конъюнктурных факторов, формирующих современную проблематику двустороннего взаимодействия. В объектив исследований проблем российско-корейского взаимодействия наиболее часто попадают вопросы политики, дипломатии, различные аспекты взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества. С одной стороны, это вполне оправдано, так как внешнеполитическая риторика определяет характер развития двусторонних отношений. С другой стороны, глобальная проблематика часто заслоняет собой частные вопросы межстранового взаимодействия, проявляющиеся в тех или иных аспектах регионального, локального,

¹ Дипломатические отношения между Россией и Республикой Корея были установлены 30 сентября 1990 г. в рамках внешнеполитической стратегии «Новое мышление» президента СССР Михаила Горбачева и «Северной политики» корейского президента Ро Дэ У. Установление дипломатических отношений послужило импульсом развития экономических взаимоотношений между нашими странами в последующие годы.

межкорпоративного сотрудничества, но имеющих большую значимость для восточных субъектов Российской Федерации, экономика которых во многом зависит от торгового и инвестиционного обмена с азиатскими странами.

Одним из таких субъектов РФ является Приморский край, географическое положение и ресурсный потенциал которого обуславливают специфику страновой и товарной структур его внешней торговли. По итогу 2021 г. Республика Корея заняла 2-е место во внешнеторговом обороте края, в то время как в российском обороте – 8-е место. Доля Приморья в общем объеме внешней торговли России составила 1,36%, а в общем объеме российско-корейской торговли – 7,6%². В городах Приморского края функционируют подразделения известных южнокорейских компаний (например, Лотте Отель Владивосток³, Лотте Интернешнл Михайловка⁴), во Владивостоке действует Генеральное консульство Республики Корея, существует Ассоциация корейских организаций Приморского края. Между Приморским краем и южнокорейскими провинциями Кёнсан и Кангвон действуют Соглашения о дружбе и сотрудничестве (с 1995 и 1998 г. соответственно). С провинцией Кёнги в 2013 г. подписан Протокол о намерениях по развитию сотрудничества, а с провинцией Северная Кёнсан с 2018 г. действует Соглашение об осуществлении международных и внешнеэкономических связей в торгово-экономической, научно-технической и культурно-гуманитарной сферах⁵. До мая 2022 г. единственным технологическим партнером новейшей российской судостроительной верфи ССК «Звезда» (г. Большой Камень) выступала южнокорейская компания Hyundai Heavy Industries Co. Ltd., поставлявшая модули крупнотоннажного судового оборудования⁶. Также до недавнего времени обсуждались возможности реализации ряда других знаковых бизнес-проектов с участием южнокорейских инвесторов: строительство инфраструктуры игровой зоны «Приморье» в бухте Муравьиная (г. Владивосток), производство диагностиче-

² Внешняя торговля субъектов Российской Федерации / ФТС: <https://customs.gov.ru/folder/526>. Таможенная статистика. Приморский край. ДВТУ. <https://dvtu.customsv.folder/147033>.

³ Lotte Отель Владивосток. <https://www.lottehotel.com/vladivostok-hotel/ru.html>.

⁴ ООО «Лотте Интернешнл Михайловка». РБК Компании. <https://companies.rbc.ru/id/1112511005452-ooo-lotte-interneshnl-mihajlovka/>.

⁵ Соглашения о сотрудничестве. Правительство Приморского края. <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/agreements.php>.

⁶ В России научились строить крупнотоннажные суда, но делается это в полной зависимости от Южной Кореи / Korabel. 30.01.2023. https://www.korabel.ru/news/comments/v_rossii_nauchilis_stroit_krupnotonnazhnye_suda_no_delaetsya_eto_v_polnoy_zavisimosti_ot_yuzhnoy_korei_-_ekspert.html.

ских тестов по выявлению туберкулеза, создание интеллектуальной парковки, а также разработка самого крупного на Дальнем Востоке России проекта «умный город» на территории промышленного парка «Большой Камень» [1]. Важный геополитический статус края – «ворота» России в Азию – определяет актуальность и значимость региональных исследований торгово-экономического сотрудничества между Россией и азиатскими странами, в особенности с Республикой Корея.

Россия и Республика Корея сегодня: обзор литературы

Проблемы и перспективы российско-корейского торгово-экономического сотрудничества широко исследуются в ряде научных, образовательных, общественных организаций, в рамках общения деловых кругов и т. д. Ученые и практики солидарны в том, что активное сотрудничество с Республикой Корея могло бы принести значительные выгоды с явным мультипликационным эффектом для каждой из сторон, однако градус оптимизма по этому вопросу различается. Так, в публикациях с 2019 г. до 2022 г.⁷ одни специалисты, основываясь на положительной в целом динамике отношений на протяжении 2010-х годов, обосновывали обоюдную заинтересованность России и Республики Корея в развитии двусторонних торговых связей [2], говоря о ключевом значении инвестиционного взаимодействия для экономического развития обоих государств [3, с. 1], о ключевой роли Дальнего Востока России в стратегической экономической политике Республики Корея [4, с. 36], приоритетности партнерства с Республикой Корея в АТР, несмотря на падение товарооборота в 2018–2019 гг. [5, с. 113–114]. Другие ученые, напротив, указывали на отсутствие качественного роста и нереализованность потенциала двустороннего сотрудничества [6; 7; 8], на негативные ожидания в динамике объемов южнокорейских инвестиций в Россию [9], сужение интересов Республики Корея в сотрудничестве с Россией до чисто сырьевых и энергетических проектов [10]. В статьях, опубликованных начиная с 2022 г., риторика разочарования усиливается: ученые констатируют сжатие политических отношений и сокращение торгового и инвестиционного взаимодействия с Республикой Корея [11, с. 5], отсутствие позитивных ожиданий в двустороннем экономическом партнерстве [12, с. 48], спад в отношениях между нашими странами, который, вероятно, продлится и в 2023 г. [13, с. 635]. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода – 2019–2022 гг. – активно

⁷ До начала масштабных санкций западных стран против России и отражения их последствий в исследованиях.

обсуждаются причины текущего упадка в двусторонних отношениях: одни исследователи их видят главным образом в административных, таможенных, инфраструктурных проблемах, характерных для российской стороны и отталкивающих южнокорейских предпринимателей [4; 14]; другие связывают их с санкционной политикой, с зависимостью Республики Корея от США, ее внутренними проблемами [7; 12; 13; 15], а также со структурными факторами [6; 10; 16]. Третьи указывают на объективно сложившийся комплекс факторов (пандемия COVID-19, антироссийские санкции, сложности инвестирования в Россию, конъюнктурные факторы и т. д.), каждый из которых усугубляет действие других [8].

Вопросы российско-корейского торгово-экономического взаимодействия на региональном уровне активно обсуждались в конце 1990-х и начале 2010-х годов – в период интенсивного налаживания дипломатических контактов, роста двустороннего товарооборота, реализации ряда совместных инвестиционных проектов в восточных субъектах РФ, прежде всего в Приморском и Хабаровском краях, Сахалинской и Иркутской областях. Данный период отличался высоким уровнем оптимизма и надежд на расширение и диверсификацию делового сотрудничества с Республикой Корея в контексте развития дальневосточных территорий. Ученые, особенно дальневосточные, говорили о том, что «в сложном комплексе отношений России со странами АТР... перспективы со странами Корейского полуострова кажутся наиболее оптимистичными» [17, с. 190], отмечали «особую значимость межрегионального сотрудничества в развитии взаимоотношений двух стран», основываясь на «уникальной роли Дальнего Востока России» [18, с. 180]. Роль Республики Корея определялась как «источник крупных капиталовложений, поставщик современных технологий и перспективного рынка сбыта сырья и полуфабрикатов» [19, с. 3], как «основной партнер по промышленной модернизации Дальнего Востока» [20, с. 25]. Фиксировалась сильная заинтересованность Приморского края в развитии устойчивых связей с Республикой Корея на фоне превращения Владивостока в центр международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии [21] и необходимость устранения всех инфраструктурных ограничений для привлечения южнокорейских инвестиций на Дальний Восток [22]. Укреплялось мнение о «взаимодополняющем характере экономик двух стран», о том, что «Россия может реально получить необходимые ей передовые ноу-хау, а также масштабные прямые инвестиции южнокорейских компаний» [23, с. 3–4]. Высказывались и более критичные взгляды на перспективы российско-корейского экономического взаимодействия, в частности говорилось о «явно завышенной ставке на развитие всесторонних отношений с Республикой Корея», о тщет-

ности «ожиданий, что именно Южная Корея станет той страной, с помощью которой Россия сможет решить задачу своего экономического подъема на Дальнем Востоке» [24, с. 61], о нерешительности и пассивности южнокорейских компаний на высокорискованном российском рынке [25].

В дальнейшем 2010-е годы действительно показали нереалистичность подобных ожиданий, в том числе той роли, которая отводилась южнокорейским капиталу и технологиям в освоении Дальнего Востока. Со второй половины 2010-х годов интерес Республики Корея к российским дальневосточным регионам, в частности, к Приморскому краю, постепенно снижается: значимость сотрудничества с Кореей, столь высокая для Приморья, не эквивалентна значимости края для корейской стороны. Это охлаждает и чисто научный энтузиазм: комплексные и регулярные исследования по развитию российско-корейского экономического взаимодействия на региональном уровне не ведутся ни одной из сторон, хотя некоторые направления – туризм, образование, гуманитарная сфера и т. п. – остаются вполне актуальными.

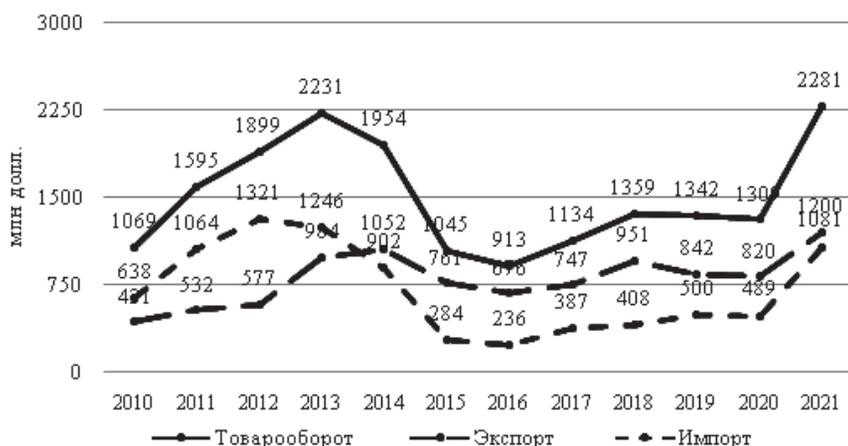
Тенденции торгово-экономического сотрудничества: до 2021 г. и с 2022 г.

С момента начала формирования в России рыночной экономики Приморский край, будучи северным соседом Республики Корея, всегда был заинтересован в развитии разнопланового сотрудничества с этой страной. С 1990 г. по 2010 г. внешнеторговый оборот края с Южной Кореей увеличился более чем в 5 раз, при этом за 2000–2010 гг. он возрос в 3,8 раза⁸. За период 2010–2021 гг.⁹ товарооборот Приморского края и Республики Корея увеличился на 1212 млн долл., или в 2,1 раза, однако претерпел ряд взлетов и падений, связанных с введением санкций против России в 2014 г. (см. рис. 1).

Динамика товарооборота между Приморским краем и Республикой Корея, в целом, коррелирует с динамикой общего российско-корейского оборота. Однако можно отметить, что доля Приморского края во внешней торговле между Россией и Республикой Корея снизилась с 20,9% в 2000 г. до 5,3% в 2010 г., а затем немного выросла – до 7,6% в 2021 г., отражая усиление позиций других субъектов Федерации в налаживании двусторонней торговли (см. табл. 1).

⁸ Таможенная статистика. Приморский край. ДВТУ. <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147033>.

⁹ Официальная таможенная статистика России, начиная с февраля 2022 г. и до настоящего времени не публикуется.

Источник: составлено авторами по: Таможенная статистика. Приморский край / ДВТУ. <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147033>.

Рис. 1. Динамика внешней торговли между Приморским краем и Республикой Корея за 2010–2021 гг., млн долл.

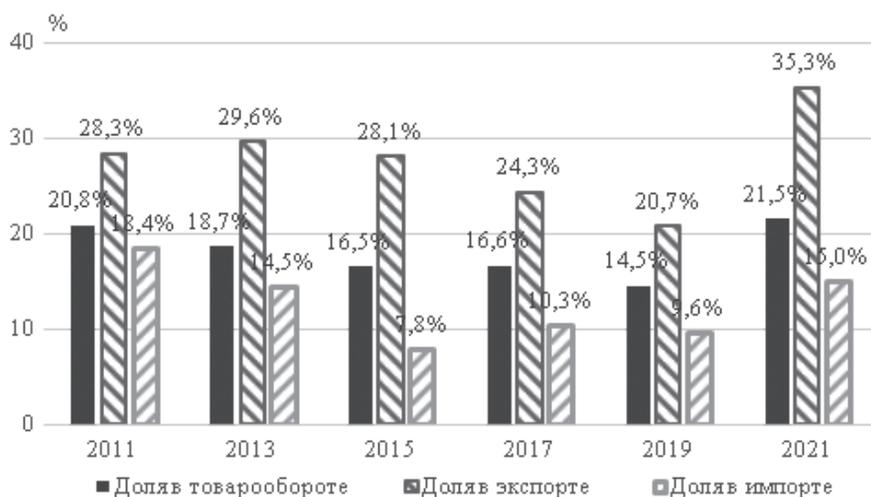
Таблица 1

Субъекты РФ с наибольшим объемом внешнеторгового оборота (ВТО) с Республикой Корея (РК), 2021 г.

Субъекты РФ	Объем ВТО с РК, млн долл.	Доля РК в общем объеме ВТО субъекта РФ, %	Доля субъекта РФ в общероссийском объеме ВТО с РК, %	Основные товарные позиции
Сахалинская область	6 529,3	54,9	21,9	Нефте-, газопродукты, рыба (экспорт)
г. Москва	5 720,7	1,7	19,1	Нефте- и газопродукты (экспорт)
Калининградская область	2 419,3	21,7	8,1	Автомобили, оборудование для их производства (импорт)
г. Санкт-Петербург	2 351,3	4,2	7,9	Различные средства транспорта, оборудование (импорт)
Приморский край	2 281,4	21,5	7,6	Рыба, металлолом (экспорт)
Кемеровская область	1 392,4	8,6	4,7	Каменный уголь, топливо, металлы (экспорт)

Источник: составлено авторами по: Внешняя торговля субъектов Российской Федерации / ФТС: <https://customs.gov.ru/folder/526>.

За 2010–2021 гг. удельный вес Республики Корея в российском внешнеторговом обороте постепенно увеличивался с 2,8 до 3,8%, отражая ее возрастающую значимость как международного торгового партнера. Для самой Республики Корея Россия также входит в десятку ведущих контрагентов: в 2021 г. на Россию пришлось около 3% корейского импорта и 1,5% экспорта. В обороте Приморского края Республика Корея заняла 21,5% и более чем на треть обеспечила поступление в край экспортной выручки, опередив в этом плане все остальные страны (см. рис. 2).

Источник: составлено авторами по: Таможенная статистика. Приморский край / ДВТУ: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147033>.

Рис. 2. Доля Республики Корея в торговом обороте Приморского края за 2011–2021 гг.

За 2021 г. объем двусторонней торговли России с Республикой Корея стал рекордным, достигнув почти 30 млрд долл., в том числе в Приморье – 2,3 млрд долл.

В январе – феврале 2022 г. рост продолжился и составил 27,6% по сравнению с соответствующим периодом 2021 г., однако с марта 2022 г. началось падение поставок южнокорейских товаров в Россию в связи с санкциями. По данным Корейской ассоциации международной торговли, внешнеторговый оборот двух стран за 2022 г. сократился на 22,7%, в том числе объем южнокорейского экспорта в Россию – на 36,6%, импорта из России – на 14,4%¹⁰. Корейской стороной были свернуты инвестиционные проекты, в частности, прекращено сотрудничество Hyundai Heavy Industries Co. Ltd с ССК «Звезда» в Приморском

¹⁰ K-Statistics / The Korea International Trade Association (KITA). http://kita.org/kStat/byCount_SpeCount.do.

крае, компании Kia и Hyundai Motor Group остановили производство автомобилей в Санкт-Петербурге и Калининграде, перманентно возникают вопросы с поставками ряда корейских товаров в Россию. Непредсказуемость дальнейших шагов южнокорейских партнеров (вернутся ли они в Россию или нет; если вернутся, то когда и каким образом) будоражит рынок и ставит на паузу двустороннее инвестиционное сотрудничество.

Следует отметить, что отношениям Приморского края с Республикой Корея всегда была присуща некоторая инертность в реализации инвестиционных проектов: так, за 30 лет число фактически реализованных в крае значимых (т. е. способных выступить точкой мультипликативного экономического роста) совместных инвестиционных проектов неоправданно мало, а многие из обсуждаемых потенциально успешных проектов долгое время находятся в стадии проектирования¹¹.

В целом сотрудничество Приморского края с Республикой Корея за прошедший период рыночных реформ можно охарактеризовать как конструктивное, но фрагментарное: ему не хватило комплексности, планомерности и масштабности. Что касается более локальных (межрегиональных, приграничных) связей, то, по мнению корейских ученых, высказанному на Конференции по сотрудничеству между Приморским краем и южнокорейской провинцией Северная Чолла в ноябре 2022 г.¹², экономическое взаимодействие наших регионов находится на начальном этапе, что можно расценить как поражение межрегионального сотрудничества на фоне многолетних усилий по выстраиванию диалога между Россией и Республикой Корея.

Основные проблемы торгово-экономического сотрудничества России и Республики Корея в современных условиях: региональный аспект

Мы выделяем две основные причины, сдерживающие развитие торгово-экономического взаимодействия между Россией и Республикой Корея на региональном уровне.

Первая причина – политизированность международных отношений, «съедающая» потенциал как общего, так и приграничного сотрудничества. Как отмечалось выше, динамика российско-корейского товарооборота в целом, а также и приграничного, за период 2010–2021 гг.

¹¹ Подробнее о потенциальных проектах см. в [1].

¹² Приморье укрепляет сотрудничество с провинцией Северная Чолла Республики Корея. 24.11.2022. Правительство Приморского края. <https://primorsky.ru/news/275310/>.

не отличалась устойчивым ростом. В большей степени она зависела от мировой конъюнктуры, от курса доллара и антироссийских санкций, нежели от имеющихся перспектив сотрудничества.

Политическая и экономическая зависимость Республики Корея от США постепенно вытесняет Россию из поля стратегических интересов южнокорейского правительства, а дипломатия руководства Республики Корея умело камуфлирует расширяющуюся политическую и экономическую дистанцию между нашими странами. Так, ни совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества, пописанный президентом Но Му Хёном, ни концепция «трех новых шелковых путей» президента Ли Мен Бака, ни Евразийская инициатива президента Пак Кын Хе, ни политика «Девяти мостов» президента Мун Чжэ Ина не оправдали надежд российской стороны на развитие доверительного сотрудничества.

Президент России Владимир Путин отметил «дефицит суверенитета» Республики Корея при принятии ею решений по реализации совместных с Россией проектов, что отнюдь не способствует росту «того самого доверия» между нашими странами, которое «так необходимо для решения кардинальных проблем»¹³. Высокая чувствительность экономического взаимодействия к внешней политике на фоне бесконечной антироссийской риторики Запада едва ли способствует стратегическому партнерству, на которое ориентировались обе страны в течение долгого времени. Однако и врагами наши страны не являются, учитывая тот факт, что Республика Корея пока отказывается от прямых поставок оружия Украине¹⁴.

В условиях «худого мира» приобретает особую актуальность территориально-отраслевой фактор взаимодействия, т. е. опора на отдельные зоны (сферы) ключевых взаимных интересов, которые могут быть реализованы на локальном уровне даже в сложной внешнеполитической обстановке. Повседневные реалии в предпринимательской среде Приморского края показывают, что потенциал российско-корейского товарообмена сохраняется: малый бизнес Республики Корея заинтересован продолжать деловые контакты с востоком России, учитывая ту экономическую выгоду, которую дает географическая близость России и ее емкий внутренний рынок. В частности, этот интерес выражается в сохранении значительных объемов корейских закупок из Приморья, прежде всего свежемороженой рыбы. Так, губернатор Приморского края Олег Кожемяко, по итогам I полугодия 2022 г., сообщил об акти-

¹³ Путин подвел итоги первой встречи с Ким Чен Ыном. 25.04.2019 // Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/04/25/800182-putin-rasskazal>.

¹⁴ Южная Корея подтвердила свое обязательство не поставлять летальное оружие Украине. 11.11.2022. Интерфакс. <https://www.interfax.ru/world/871984>.

визации работы региональных экспортеров на корейском рынке, что привело к увеличению объемов краевого экспорта в Корею на 42% и росте доли Республики Корея в торговом обороте Приморского края с 21,5 до 26% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.¹⁵

Республика Корея выразила большой интерес к работе VII Восточного экономического форума в сентябре 2022 г.¹⁶, южнокорейские граждане продолжают посещать игорную зону «Приморье»¹⁷, обсуждается новый проект по развитию инфраструктуры данной игорной зоны с участием уже действующего резидента – южнокорейской компании АО «Хэчжунг Дивелоперс»¹⁸. Некоторые представители деловых кругов Республики Корея демонстрируют явное стремление наладить двустороннее взаимодействие в промышленной, торговой и логистической сферах. Об этом говорят встречи, конференции, семинары, организуемые при посредничестве Генерального консульства Республики Корея и представительства Корейского агентства по развитию торговли и инвестиций (KOTRA) во Владивостоке¹⁹.

Особенность текущего момента состоит в том, что в процессе взаимодействия южнокорейские торговые партнеры соблюдают осторожность из-за страха подпасть под санкции своего правительства и отдают предпочтение завуалированным, опосредованным контактам с российской стороной, в том числе скрытому и параллельному импорту. Корейские научные и деловые круги, рассчитывающие на продолжение торгово-экономического взаимодействия с Россией через ее восточные регионы, понимают ограничения, которые накладывает на них политический фактор, и вслед за своим министром иностранных дел Пак Чингом не устают повторять: «Мы надеемся, что украинский кризис будет вскоре урегулирован и мир будет восстановлен, а отношения Южной Кореи и России придут в норму... Будут установлены взаимовыгодные отношения, где обе страны смогут внести вклад в развитие экономик друг

¹⁵ Товарооборот Приморья на фоне санкций вырос на 87%. 06.09.2022. ТАСС. https://tass.ru/ekonomika/15659441?utm_source=alta.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=alta.ru&utm_referrer=alta.ru.

¹⁶ Итоги VII Восточного экономического форума. 09.09.2022. ВЭФ. <https://forumvostok.ru/news/itogi-vii-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma/>.

¹⁷ Почти на 20% выросла посещаемость развлекательного курорта «Приморье». 12.01.2023. Правительство Приморского края. https://primorsky.ru/news/277777/?sphrase_id=6263937.

¹⁸ Новый резидент может появиться в игорной зоне «Приморье». 31.12.2022. Правительство Приморского края. https://primorsky.ru/news/277644/?sphrase_id=6263937.

¹⁹ Семинар «Korean Company Workshop & Corporate Support Seminar». 25.08.2022. Торгово-промышленная палата РФ. <https://mkas.tpprf.ru/ru/otdeleniya/vladivostok/news/ceminar-korean-company-workshop-corporate-support-seminar-i467951/>.

друга»²⁰. Осторожное взаимодействие с российской стороной вкупе с осторожной риторикой – доминирующая модель поведения южнокорейских партнеров сегодня, в чем авторы могли лично убедиться при общении с корейскими коллегами и предпринимателями.

Вторая причина сдерживания сотрудничества на региональном уровне – отсутствие глубокой коммерческой заинтересованности в нем с корейской стороны, ее заведомо заниженные ожидания от инвестиционной деятельности. Дефицит инвестиционного интереса уходит корнями в существенную разницу экономического развития.

Распространенный тезис о «взаимодополняемости» экономик Приморского края и Республики Корея (как в целом, так и в лице ее отдельных провинций) является не совсем верным: он был бы верным, если наши страны производили бы совместный продукт на основе равноправного обмена ресурсами (капиталом, технологиями, рабочей силой и т. д.) либо осуществляли бы взаимную торговлю посредством обмена равноценными по уровню готовности товарами, дефицитными для партнера. Фактически сегодня Приморский край может предложить на внешний рынок те же товары, что и Республика Корея: сельскохозяйственное сырье и продукты питания (мясная, рыбная продукция, кондитерские изделия, рис, соевые продукты), продукты деревообработки, услуги судостроения и судоремонта и т. д.

Похожие климатические условия, близкое географическое местоположение во многом определяют сходство базового отраслевого состава промышленности и сельского хозяйства, поэтому продукция, производимая реальным сектором края и соседними южнокорейскими провинциями, представлена в большей степени конкурирующими товарами, нежели взаимодополняющими. Если рассматривать в качестве базовой модели двусторонней торговли обмен российских (приморских) сырьевых продуктов на высокотехнологичные южнокорейские товары, то также нет оснований говорить о взаимодополняемости экономик из-за принципиально различного уровня готовности продукции – скорее, здесь речь идет о дифференциации уровня развития экономик и неравноценном обмене между ними. Взаимодополняемыми являются экономики, равные по уровню и разные по структуре производства. Однако в случае с Приморским краем и Республикой Корея можно констатировать разный уровень и схожую структуру экономик. В табл. 2 представлена структура двусторонней торговли за 2021 г., подтверждающая сырьевую направленность экспорта Приморского края, а также продуктовую и технологическую ориентированность импорта.

²⁰ Южная Корея надеется на развитие отношений с Россией. 27.07.2022. РИА Новости. <https://ria.ru/20220727/koreya-1805255755.html>.

Таблица 2

Структура внешней торговли Приморского края с Республикой Корея по товарным группам, 2021 г.

Товарные группы	Экспорт		Импорт	
	тыс. долл.	доля в общем объеме экспорта, %	тыс. долл.	доля в общем объеме импорта, %
Свежая и свежемороженая рыба и морепродукты	885 568	73,78	95	0,01
Сельскохозяйственное сырье и продукты питания	64 227	5,35	68 846	6,37
Руда, минеральное топливо, продукты химической промышленности	43 148	3,59	172 586	15,96
Пластмассы, кожа, древесина	15 449	1,29	79 063	7,31
Различный текстиль и одежда	25	0,00	6 213	0,57
Металлы	188 688	15,72	134 857	12,47
Машины, оборудование (включая транспорт), инструменты	2 822	0,24	609 572	56,39
Прочие товары	425	0,04	9 824	0,91
Всего	1 200 353	100,00	1 081 055	100,00

Источник: составлено авторами по: Таможенная статистика. Приморский край / ДВТУ: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147033>.

По данным Правительства Приморского края, в 2022 г. товарная структура экспорта сохранилась²¹. Желание российских экспортеров монетизировать добычу стратегического сырья путем такого неравноценного внешнеторгового обмена отнюдь не увеличивает заинтересованность корейского бизнеса в развитии международной бизнес-инфраструктуры на российском Дальнем Востоке, что ограничивает приток южнокорейских инвестиций в регион.

Многие специалисты считают, что основной причиной слабой инвестиционной привлекательности края и низкой конкурентоспособности приморской продукции являются административные, законодательные барьеры, инфраструктурные риски и т. д. [4; 14]. Однако мы отмечаем существенные улучшения в нормативно-правовой

²¹ Названы ключевые направления экспорта Приморья в 2022 г. 30.01.2023 / Правительство Приморского края: <https://primorsky.ru/news/278333/>.

и инфраструктурной среде Приморья за последние годы²², которые тем не менее не привели к значительному росту корейских инвестиций: прирост инвестиций в основной капитал края достигается главным образом за счет внутренних источников²³.

Прагматичный взгляд корейских инвесторов нацелен на устойчивые, структурно диверсифицированные, технологически развивающиеся экономики, в рамках которых рынки сравнительно спокойно реагируют на усиливающуюся амплитуду колебаний мирового спроса и могут устоять в кризисных ситуациях. Таковыми для корейцев являются рынки США, Китая и ряда других азиатских стран и Аравийского полуострова, но, к сожалению, не российские региональные рынки.

Инвестиционные ограничения проявляются не только в области реализации совместных проектов, но и в торговом сотрудничестве. В Республике Корея сегодня отсутствуют какие-либо преференции на ввоз товаров для приморских производителей-экспортеров. Так, приморские предприниматели отмечают инертность Республики Корея в поддержке региональной портовой инфраструктуры и создании холодовых цепей для хранения свежей рыбы и морепродуктов, поставляемой через Приморский край. Учитывая, что более половины всего российского экспорта рыбы идет в Республику Корея, и туда же планируется отправлять значительную часть вылавливаемых крабов, приморский бизнес считает серьезной проблемой недостатка холодильных комплексов в корейских портах, особенно в Пусане, где российские суда могут простаивать по два месяца в ожидании разгрузки. На подобную обеспокоенность, высказанную на упомянутой выше конференции по развитию сотрудничества между Приморским краем и южнокорейской провинцией Северная Чолла, корейский специалист лишь посоветовал замораживать крабов прямо на судах, ведь «тогда и потребительские свойства крабов будут лучше»²⁴.

Таким образом, на Дальнем Востоке активно формируются олигопсонические рынки российских природных ресурсов, для которых характерна зависимость отечественных экспортеров от южнокорейских и китайских покупателей, как в целом по объему товарооборота, так и по отдельным товарным позициям (см. рис. 3, табл. 3).

²² Подробнее о совершенствовании инвестиционной инфраструктуры Приморского края см. в [1].

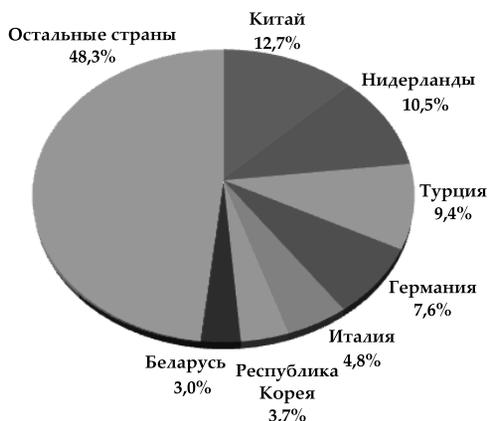
²³ Итоги социально-экономического развития (по годам) / Правительство Приморского края: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/results/>.

²⁴ Приморье укрепляет сотрудничество с провинцией Северная Чолла Республики Корея. 24.11.2022 / Правительство Приморского края: <https://primorsky.ru/news/275310/>.

Приморский край

Россия

Источники: составлено авторами по: Таможенная статистика. Приморский край / ДВТУ: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147033>; Внешняя торговля Российской Федерации / ФТС: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg>.

Рис. 3. Страновая структура экспорта Приморского края и России в целом, 2021 г.

Представленные данные показывают, что в 2021 г. 83,3% всей экспортной выручки в Приморском крае сформировалось за счет торговли с тремя странами Северо-Восточной Азии – Китаем, Республикой Корея и Японией. При этом, несмотря на расширение географии экспорта с 54 до 84 стран-партнеров, Приморский край и в 2022 г. по-прежнему более чем на 80% ориентирован на страны Северо-Восточной Азии²⁵. На отдельных рынках, указанных в табл. 2, доля этих стран в экспорте достигает почти до 100%. На все страны АТР прихо-

²⁵ Названы ключевые направления экспорта Приморья в 2022 г. 30.01.2023 / Правительство Приморского края. <https://primorsky.ru/news/278333/>.

Таблица 3

Доля Республики Корея и других азиатских стран в экспорте ряда продуктов Приморского края, 2021 г.

Код ТН ВЭД	Товарная группа	Общая стоимость экспорта в товарной группе, тыс. долл.	Стоимость экспорта в РК, тыс. долл.	Доля РК в общем экспорте товаров данной группы, %	Основные конкуренты-импортеры, %
0303	Рыба свежемороженая	794 847	388 279	48,8	Китай (28,0), Япония (19,1)
0304	Филе и фарш рыбные	128 820	53 678	41,7	Германия (23,7), Нидерланды (8,4), Франция (8,0), Китай (7,3), Япония (3,4)
0306	Ракообразные	766 317	435 157	56,8	Китай (39,0), Япония (3,8)
0307	Моллюски	44 755	7 812	17,5	Китай (73,3), Япония (9,1)
1005	Кукуруза	44 814	9 710	21,7	Китай (40,4), Япония (37,9)
12	Бобовые (семена, плоды)	170 933	9 076	5,3	Китай (93,7), Япония (0,8)
15	Жиры и масла пищевые	10 560	1 361	12,9	Китай (84,4)
23	Рыбная мука	63 391	42 626	67,2	Китай (32,7)
26	Руды, шлак и зола	50 055	15 558	31,1	Япония (22,4), Нидерланды (21,8), Китай (10,7)
27	Топливо минеральное, нефтепродукты	136 802	11 871	8,7	Китай (33,2), Япония (15,4)
28	Продукты неорганической химии	33 045	15 328	46,4	Китай (26,6), Япония (18,8)
4407	Лесоматериалы распиленные или расколотые	125 100	13 050	10,4	Китай (82,7), Япония (3,9)
7204	Лом черных металлов	185 565	182 122	98,1	Вьетнам (0,6)

Источник: составлено авторами по: Таможенная статистика. Приморский край. ДВТУ. <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147033>.

дится 88% краевого товарооборота, в то время как для России их доля составляет 33%, что говорит о сохранении слабой страновой диверсификации внешней торговли Приморского края.

В 2022 г. в условиях антиросийских санкций западных стран эта зависимость еще более возросла и, вероятно, сохранится в дальнейшем. Чем ниже уровень развития региональной промышленности и уровень передела продукции, тем более низкой будет конкурентоспособность отечественных товаров, и тем сильнее будет становиться доминирующее положение южнокорейских и китайских импортеров, которым вовсе не нужно вкладываться в развитие инфраструктуры края, чтобы получить дешевый российский продукт на своих условиях.

Отметим, что сырьевая направленность экспорта характерна не только для Приморья и не только для российско-корейской торговли. Однако именно в Приморском крае – приграничном, богатом первичными ресурсами регионе – проблема экспортно-импортной структуры, разбалансированной с точки зрения уровня готовности и конкурентоспособности продукции, приобретает особую значимость. Экпортируемый продукт большей частью добывается, а не производится на предприятиях реального сектора экономики, поэтому выручка от его реализации не реинвестируется в промышленное производство. Южнокорейские импортеры также не видят целесообразности инвестиций в дальневосточные территориально-промышленные комплексы и проекты, а предпочитают перерабатывать российское сырье у себя на родине, создавая добавленную стоимость и генерируя доход от ее реализации.

Проблема разбалансированной структуры внешней торговли Приморского края выражается в ряде явлений, парадоксальных с точки зрения устойчивого развития территории. Так, масштабный экспорт свежей рыбы осуществляется при недостатке и значительном износе собственных рыбоперерабатывающих производств, а также при большой доле теневого рыбооборота. Как результат – снижение удельной экспортной выручки за счет больших объемов предложения и одновременное повышение цен на рыбную продукцию на внутреннем рынке, что определяет низкое потребление рыбы и морепродуктов в самом «рыбном» регионе страны²⁶.

Ремонт российских промысловых судов на верфях Республики Корея и других стран при хронической недозагрузке предприятий отечественного судостроения и судоремонта, экспорт необработанной дешевой древесины при подорожавших в несколько раз строительных материалах, импортируемых из Китая и Кореи, – другие примеры нерационального хозяйствования на Дальнем Востоке. Это дает основание говорить о недостаточной реализации имеющегося потенциала

²⁶ Подробнее о проблемах дальневосточной рыбной отрасли см.: *Saltykov M.A., Krasova E.V. Trends in development of Russian Far East's fishing industry in context of strategic regional growth // Amazonia Investiga. 2021. Т. 10. № 47. С. 93–106.*

развития южных дальневосточных территорий, об уязвимости базовых промышленных отраслей региона.

Преодоление указанных противоречий и формирование сбалансированной внешнеторговой структуры Приморского края возможно лишь за счет развития региональной промышленности и импортозамещения, а также повышения уровня готовности продукции. Активизация реального сектора экономики на основе переработки собственного сырья является более длительным и затратным процессом, чем примитивная, с точки зрения создания стоимости, монетизация сырьевого экспорта. Однако именно такой путь позволит региону:

- насытить внутренние рынки собственной продукцией, обеспечить здоровую конкуренцию отечественных и импортных товаров;
- диверсифицировать экспорт, повысить качественный уровень вывозимой на внешний рынок товарной массы и соответственно увеличить ее конкурентоспособность;
- снизить зависимость российских производителей от покупателей-импортеров, что выразится, прежде всего, в росте цен на вывозимую продукцию, в страновой диверсификации экспорта и улучшении условий поставок.

На заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам в декабре 2022 г. президент России Владимир Путин выделил ключевые задачи развития национальной экономики, в том числе: опережающий рост обрабатывающей промышленности, наращивание инвестиционной активности и активное развитие деловой инфраструктуры²⁷. Функционирование экономики Приморского края, направленное на решение задач импортозамещения и ведение структурно сбалансированной внешней торговли со своими главными контрагентами, одним из которых является Республика Корея, соответствует стратегическим приоритетам и принципам устойчивого развития страны и региона. Так, по данным руководства края, ожидаемый индекс сельскохозяйственного производства в 2023 г. составит 115%, производства пищевых продуктов – 104,5%²⁸. Также в Приморье предполагается усилить комплексную поддержку строительства, АПК, судостроения, переработки рыбы и древесины и других базовых отраслей региона.

Затрагивая такую комплексную проблему, как импортозамещение в регионах, можно предположить, что продвижение Приморского края

²⁷ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. 15.12.2022 / Сайт Президента России. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70086>.

²⁸ Экономика Приморья в 2022 году показала устойчивость и развитие. 31.01.2023 / Правительство Приморского края. <https://primorsky.ru/news/278349/>.

в развитии указанных отраслей вряд ли будет быстрым в силу имеющейся инерционности структурных процессов в отечественной и региональной экономиках. Соответственно и диверсификация экспорта, и снижение зависимости от зарубежных партнеров – процессы сложные, поступательные, ориентированные на долгосрочную перспективу.

Выводы

Проведенное исследование на основе анализа статистических данных за период 2010–2021 гг., и выборочного анализа на основе имеющихся статистических данных за 2022 г., позволило сделать следующие выводы.

1. Торговое сотрудничество между Приморским краем и Республикой Корея за тридцать лет продемонстрировало положительную динамику. Однако период 2010–2021 гг. показал неустойчивость товарооборота Приморского края и Республики Корея из-за влияния политического фактора на готовность южнокорейской стороны продолжать взаимную торговлю. По итогам 2021 г. Приморье заняло 5-е место среди субъектов РФ по объему товарооборота с Республикой Корея, однако для самого края Корея стала вторым по значимости торговым партнером (после Китая), заняв 21,5% краевого внешнеторгового оборота.

2. В современных условиях ужесточения антироссийских санкций наблюдается спад в торгово-экономических отношениях между Россией и Республикой Корея. Приморский край в силу своего географического положения и особенностей страновой структуры внешней торговли является одним из тех субъектов РФ, которые наиболее сильно заинтересованы в сохранении экономического взаимодействия с Республикой Корея.

3. Инвестиционное сотрудничество – важная составляющая экономического взаимодействия, испытывающая на себе две противоположные тенденции, – наличие в Приморье целого ряда перспективных проектов и присутствие ряда факторов, тормозящих поток южнокорейских инвестиций. Инвестиционное сотрудничество Приморского края и Республики Корея можно охарактеризовать как конструктивное, но фрагментарное, что выражается в медленном характере реализации проектов.

4. В качестве основных причин, сдерживающих развитие торгово-экономического взаимодействия между Приморским краем и Республикой Корея, можно выделить политизированность международных отношений и заниженные ожидания корейской стороны от инвестиционной деятельности. Первая причина является объективным фактором, проблемой, к решению которой применим лишь адаптивный

подход: в сложной для обеих стран внешнеполитической обстановке развитие двусторонних отношений на региональном и локальном уровнях – хорошая возможность для продолжения и диверсификации дальнейшего сотрудничества. Вторая причина уходит корнями в слабое развитие региональной промышленности и требует переориентации на повышение уровня готовности продукции за счет развития в крае импортозамещающего производства. Такой стратегический подход позволит краю повысить качественный уровень и конкурентоспособность экспортируемых товаров, сбалансировать товарную структуру внешней торговли, диверсифицировав экспорт, повысить экономический интерес южнокорейских инвесторов к региональным проектам, одновременно снизить зависимость отечественных экспортеров от азиатских покупателей.

Следует отметить, что беспрецедентная совокупность факторов, как внешнеполитических, так и внутриэкономических, ставят сегодня Приморский край в уязвимое положение перед восточными странами, куда большей частью устремились интересы российских экспортеров и импортеров. Однако именно такой переломный момент заставляет край «действовать на опережение», добиваясь создания своего «игрового поля» в Корее» [24, с. 65], на которое Приморский край вправе рассчитывать, и может явиться началом нового этапа торгово-экономического сотрудничества Приморья с Республикой Корея, основанного на действительно доверительном и равноправном стратегическом партнерстве, при условии взаимного уважения и добрососедства в мировой политической среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гриванов Р.И., Красова Е.В., Врублевский В.В.* Региональная политика по развитию международных инвестиционных проектов в Приморском крае: условия, перспективы, инструменты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1 (60). С. 120–133.
2. *Гладков И.С., Паскарь А.* Внешняя торговля России и Республики Корея: взаимная заинтересованность // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2019. № 8. С. 30–37.
3. *Ким С.* Состояние инвестиционного сотрудничества между Южной Кореей и Россией и возможности для корейского бизнеса на Дальнем Востоке // Международные отношения. 2019. № 1. С. 149–156.
4. *Ким Х.С., Салтыков М.А.* Торговые отношения России и Республики Корея на этапе подписания соглашения о свободной торговле: проблемы корейских предпринимателей // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 24–38.
5. *Карпович О.Г., Смагина Л.А.* Россия – Республика Корея: итоги и перспективы (30 лет установления дипломатических отношений) // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 2. С. 111–120.

6. *Кукла М.П.* Поворот России на восток: к проблеме переосмысления российско-южнокорейских экономических отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 71–83.
7. *Лукин А.Л.* Инициатива «Девяти мостов» президента Мун Чжэ Ина: предварительные итоги для российско-южнокорейских экономических отношений // Известия Восточного института. 2020. № 4 (48). С. 61–75.
8. *Самсонова В.Г.* Россия – Республика Корея: проблемы и перспективы экономического сотрудничества на современном этапе // В сборнике: Доклады ИДВ РАН 2020-2021. М.: ИДВ РАН, 2022. С. 72–79.
9. *Сутырин С.Ф., Коргун И.А.* Насколько специфичны южнокорейские инвестиции в экономику России? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 176–194.
10. *Беляев С.А.* О развитии торговых отношений с Китаем, Японией и Кореей – а произошла ли диверсификация экономики России на азиатский рынок? // Вестник НГИЭИ. 2019. № 4 (95). С. 28–37.
11. *Лузянин С.Г.* Дальневосточное измерение российского поворота на восток: закрывает ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 5–14.
12. *Зуева А.Г., Самсонова (Пак) В.Г., Семина Л.И.* Экономика Республики Корея в условиях новых вызовов // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 3. С. 43–55.
13. *Коргун И.А.* Влияние санкций на российско-корейские торгово-инвестиционные отношения и экономику Республики Корея // Международная экономика. 2022. № 9. С. 635–645.
14. *Кутелева А.В., Сальникова П.О., Чернилевская К.Е., Шевчук Е.И.* Свободный порт Владивосток: тенденции и перспективы развития // Россия и АТР. 2021. № 1 (111). С. 104–124.
15. *Коргун И.А.* 30 лет торгово-инвестиционного сотрудничества между Россией и Южной Кореей // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 10 (180). С. 1048–1059.
16. *Нуриева А.Р., Гибадуллин М.З.* Российско-южнокорейские торговые отношения в XXI в. // Европейский журнал социальных наук. 2018. № 1. С. 128–134.
17. *Ларин В.Л.* Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011.
18. *Бардаль А.Б.* Сотрудничество России и Республики Корея: возможности для регионов // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 180–182.
19. *Вишняков А.В.* Формирование стратегии развития внешнеэкономических связей регионов России с Республикой Корея. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иркутск: БГУЭП, 2010.
20. *Козлов Л.Е., Реутов Д.А.* Внешнеполитический контекст сотрудничества России и Республики Корея в промышленной модернизации Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 1 (20). С. 25–33.
21. *Латкин А.П., Горбенкова Е.В.* Российско-южнокорейское деловое сотрудничество в Приморском крае: из 1990-х в 2000-е. Владивосток: ВГУЭС, 2010.
22. *Левинталь А.Б.* Проблемы и перспективы инвестиционного сотрудничества Дальнего Востока России и Республики Корея // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 8–13.

23. Рю М. Условия и перспективы развития экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея на современном этапе. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Дип. академия МИД России, 2010.
24. Результаты и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества: к двадцатилетию установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
25. Ли Ч.Е. Перспективы экономического сотрудничества Республики Корея и России // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 91–94.

REFERENCES

1. Grivanov R.I., Krasova E.V., Vrublevsky V.V. Regional policy of international investment projects development in Primorsky Territory: conditions, prospects, tools // Ojkumena. Regional Researches. 2022. No. 1 (60). Pp. 120–133. (In Russ.).
2. Gladkov I.S., Paskar A. Foreign trade between Russia and the Republic of Korea: mutual interest // Currency Regulation. Currency Control. 2019. No. 8. Pp. 30–37. (In Russ.).
3. Kim S. Investment cooperation between Southern Korea and Russia and opportunities for Korea's business in the Far East // International Relations. 2019. No. 1. Pp. 149–156. (In Russ.).
4. Kim H.S., Saltykov M.A. Trade relations between Russia and Republic of Korea at the stage of signing the free trade agreement: problems of Korean entrepreneurs // Customs Policy of Russia in the Far East. 2020. No. 1 (90). Pp. 24–38. (In Russ.).
5. Karpovich O.G., Smagina L.A. Russia – Republic of Korea: results and prospects (30 years of diplomatic relations) // Comparative Politics. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 111–120. (In Russ.).
6. Kukla M.P. Russia's turn to the East: rethinking economic cooperation between Russia and South Korea // Far Eastern Studies. 2020. No. 2. Pp. 71–83. (In Russ.).
7. Lukin A.L. Moon Jae-In's Nine Bridges initiative: the preliminary outcomes for Russia-RoK economic relations // Oriental Institute Journal. 2020. No. 4 (48). Pp. 61–75. (In Russ.).
8. Samsonova V.G. Russian and the Republic of Korea: problems and prospects of economic collaboration at the present stage // Proceedings of IFES RAS 2020-2021. Moscow: IFES RAS, 2022. Pp. 72–79. (In Russ.).
9. Sutyurin S.F., Korgun I.A. How peculiar are South Korean OFDI to Russia? // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 176–194. (In Russ.).
10. Belyaev S.A. The development of trade relations with China, Japan and Korea – and whether the diversification of the Russian economy the Asian market? // The NGIEI Bulletin. 2019. No. 4 (95). Pp. 28–37. (In Russ.).
11. Luzyanin S.G. The Far Eastern dimension of the Russian pivot to the East. Will China close Russia's sanctions gaps? // Asia and Africa today. 2022. No. 6. Pp. 5–14. (In Russ.).
12. Zueva A.G., Samsonova (Pak) V.G., Semina L.I. Economy of the Republic of Korea in the face of new challenges // Far Eastern Studies. 2022. No. 3. Pp. 43–55. (In Russ.).
13. Korgun I.A. The preliminary impact of sanctions on cooperation between Russia and the Republic of Korea // The World Economics. 2022. No. 9. Pp. 635–645. (In Russ.).
14. Kuteleva A.V., Salnikova P.O., Chernilevskaya K.E., Shevchuk E.I. The Free Port of Vladivostok: trends and prospects for development // Russia and the Pacific. 2021. No. 1 (111). Pp. 104–124. (In Russ.).

15. *Korgun I.A.* 30 years of trade and investment cooperation between Russia and South Korea // *Economics and Management*. 2020. Vol. 26. No. 10 (180). Pp. 1048–1059. (In Russ.).
16. *Nurieva A.R., Gibadullin M.Z.* Russian-South Korea trade relations in the XXIst century // *European Journal of Social Sciences*. 2018. No. 1. Pp. 128–134. (In Russ.).
17. *Larin V.L.* Pacific Russia in the Context of Foreign Policy and International Relations in the Asia-Pacific Region at the beginning of the XXI Century. Vladivostok: ИИАЕ FEBRAS, 2011. (In Russ.).
18. *Bardal A.B.* Cooperation of Russia and Republic of Korea: opportunities for regions // *Spatial Economics*. 2013. No. 4. Pp. 180–182. (In Russ.).
19. *Vishnyakov A.V.* Formation of a strategy for development of foreign economic relations between Russian regions and Republic of Korea. Avtoref. dis. cand. econ. sciences. Irkutsk: BSUEL, 2010. (In Russ.).
20. *Kozlov L.E., Reutov D.A.* Foreign policy context of cooperation between Russia and the Republic of Korea in the industrial modernization of the Far East // *Oikumena. Regional Researches*. 2012. No. 1 (20). Pp. 25–33. (In Russ.).
21. *Latkin A.P., Gorbenkova E.V.* Russian-South Korean Business Cooperation in Primorsky Region: from the 1990s to the 2000s. Vladivostok: VSUES, 2010. (In Russ.).
22. *Levintal A.B.* Problems and prospects of investment cooperation between Far East of Russia and Republic of Korea // *Power and Management in the Russian East*. 2013. No. 4 (65). Pp. 8–13. (In Russ.).
23. *Ryu M.* Conditions and prospects for the development of economic cooperation between Russia and the Republic of Korea at the present stage. Avtoref. dis. cand. econ. sciences. Moscow: Dip. Academy of the Russian MFA, 2010. (In Russ.).
24. Results and Prospects of Russian-South Korean Cooperation: in honored of the Twentieth Anniversary of Diplomatic Relations between Russia and Republic of Korea. Moscow: IWEIR RAS, 2010. (In Russ.).
25. *Lee Ch.E.* Prospects of economic cooperation between Republic of Korea and Russia // *World Economy and International Relations*. 2013. No. 10. Pp. 91–94. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 25.01.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Красова Елена Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия
elena_krasova@rambler.ru

Гриванов Роман Игоревич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой международных отношений и права Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия
roman.grivanov@vvsu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Krasova Elena V. – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Associate Professor of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
elena_krasova@rambler.ru

Grivanov Roman I. – Cand. Sci. (Polit.), Head of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
roman.grivanov@vvsu.ru

RUSSIA AND REPUBLIC OF KOREA: REGIONAL ASPECT OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION

Trade and economic cooperation between Russia and the Republic of Korea (ROK) is a significant topic in the field of Russia's foreign economic relations. Given the low level of investment and unstable trends in bilateral trade, the ROK's importance as an economic partner for Russian Far Eastern regions, including Primorsky Region, calls for closer attention to the bilateral cooperation problems at the regional level. The purpose of this research based on statistical data analysis is to reveal fundamental problems related to trade and economic cooperation between Russia and the ROK through the study of regional economic relations. The authors describe some trends in cooperation between the ROK and Primorsky Region observed since the 2010s and identify the main challenges it faces, namely politicized international relations and Koreans' lowered expectations of return on investment due to the relatively low level of Primorsky Region's economic development.

Keywords: *trade and economic cooperation, Russian-Korean cooperation, Primorsky-Korean cooperation, foreign economic relations of Russia, foreign economic relations of Primorsky Region, foreign trade of Russia, foreign trade of Primorsky Region, economy of Primorsky Region.*

JEL: F13, R11, O19.

В.А. РЯЗАНОВ

кандидат географических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ЯПОНИЯ И ЮЖНАЯ КОРЕЯ КАК РЫНКИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ЭКСПОРТЕРОВ ДРЕВЕСНЫХ ГРАНУЛ

Рассматриваются факторы роста и перспективы развития рынков древесных топливных гранул (пеллет) Японии и Южной Кореи в связи с их возросшей привлекательностью для российских поставщиков после санкционного закрытия европейских направлений в 2022 г. Количественный анализ рынков стран Восточной Азии показал, что ключевым фактором роста спроса на пеллеты в Японии является увеличение государственных субсидий; рост объема потребления может быть описан авторегрессионной моделью. В Южной Корее прирост спроса на древесные гранулы связан почти исключительно с увеличением цен на традиционные импортируемые энергоносители, в том числе на природный газ. Российские поставки на эти рынки в 2022 г. удвоились, хотя они росли и раньше, несмотря на меньшую ценовую привлекательность в сравнении с рынком Евросоюза. Анализ объективных ограничений мирового рынка топливных гранул позволил сделать заключение о большой востребованности на нем российской продукции, что подтверждается не только ростом поставок в Восточную Азию после введения санкций, но и началом массового вывоза продукции в Турцию, которая экспортирует пеллеты в Евросоюз.

Ключевые слова: *Россия, Япония, Южная Корея, экспорт, древесные гранулы, цены, биоэнергетика.*

УДК: 339.56

EDN: THXSTE

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_130_142

Введение

Несмотря на то, что древесное сырье в качестве энергоносителя используется в течение всей истории человечества, к середине XX в. было принято считать этот вид ресурсов архаичным. К примеру, в Учебнике экономической географии 1950 г. [10] П.Н. Степанов особо подчеркивал, что дрова больше не должны рассматриваться как элемент топливного баланса страны. Основными источниками энергии в то время предполагались каменный уголь, нефтепродукты, а в пер-

спективе – природный газ. Однако уже в 1970-е годы опасения близкого исчерпания запасов ископаемого топлива привели к возрождению интереса к древесной массе как к возобновляемому энергоносителю. Дополнительными стимулами развития т.н. «биоэнергетики» были ценовые шоки на мировом нефтяном рынке, а в последние десятилетия – появление теории антропогенного парникового эффекта как причины глобального потепления.

Древесина является «углерод-нейтральным» энергоносителем, поскольку представляет собой продукт естественного связывания атмосферного углекислого газа и энергии солнечной радиации, которые вновь освобождаются при сжигании. В связи с этим использование всех видов древесного сырья в энергетике поощряется и нередко субсидируется властями ряда стран с высоким уровнем жизни. Критики отмечают, однако, что если задачей является не «углеродная нейтральность», а связывание уже находящегося в атмосфере углекислого газа, то ему должно отвечать максимальное увеличение количества древостоя, опада и прочих форм нахождения углерода вне атмосферы, пусть даже и временного [11; 12].

Древесные гранулы (пеллеты) являются одним из наиболее энергетически эффективных видов древесного топлива, поскольку за счет сушки и прессования исходного сырья (опилки, пыль, стружка и т.п.) отличаются большей энергетической плотностью в сравнении, например, с дровами. Пеллетные котлы, которые используются для выработки тепловой энергии или как элементы электростанций, не являются технологически сложными устройствами. Древесные гранулы могут использоваться в смеси с другими видами сыпучего топлива, например, с углем, что позволяет применять их на энергетических объектах без замены оборудования. Фундаментальной проблемой использования пеллет как топлива является их высокая цена и очевидная ограниченность доступных ресурсов. К тому же нижеприведенные расчеты показывают невозможность удовлетворения даже небольшой части имеющихся на сегодняшний день энергетических потребностей человечества за счет использования древесных гранул, хотя ряд авторов предлагает создавать «энергетические плантации» и видит в этом большие возможности для России [7].

Несмотря на сказанное выше, глобальный рынок древесных гранул в последние десятилетия динамично растет и превысил 44 млн т, хотя и ограничивается небольшим набором стран мира [3]. Россия как крупный производитель древесины и пиломатериалов органично стала и его значимым игроком с объемом экспорта в 2021 г. в 289 млн долл. До известных событий начала 2022 г. выпуск пеллет в России увеличивался существенно большими темпами, нежели мировой (глобальный выпуск с 2012 по 2020 г. вырос с 18,1 до 43,7 млн т, россий-

ский – с 0,8 до 2,8 млн т), доля отечественных компаний на глобальном рынке росла [3]. Из-за незначительного внутреннего спроса практически все произведенные в стране пеллеты экспортировались, а почти 90% экспорта направлялось в европейские государства. Однако начиная с июля 2022 г. из-за антиросийских санкций ввоз российских древесных гранул в эти страны был запрещен¹. Вследствие этого отечественные производители вынуждены были уделять большее внимание потребителям в Восточной Азии – Японии и Южной Корее. За исключением этих стран других емких и открытых для российских компаний рынков, которые могли бы поглотить дополнительные объемы российских топливных гранул, не осталось. В мире мало государств, власти которых готовы субсидировать использование этого вида топлива, хотя с ростом цен на природный газ потребность в финансовом стимулировании перехода на пеллеты сокращается. Проблемам развития рынков древесных гранул Южной Кореи и Японии, в том числе и перспективам расширения присутствия на них российских компаний, и посвящена данная статья.

Факторы роста рынка пеллет Японии и Южной Кореи

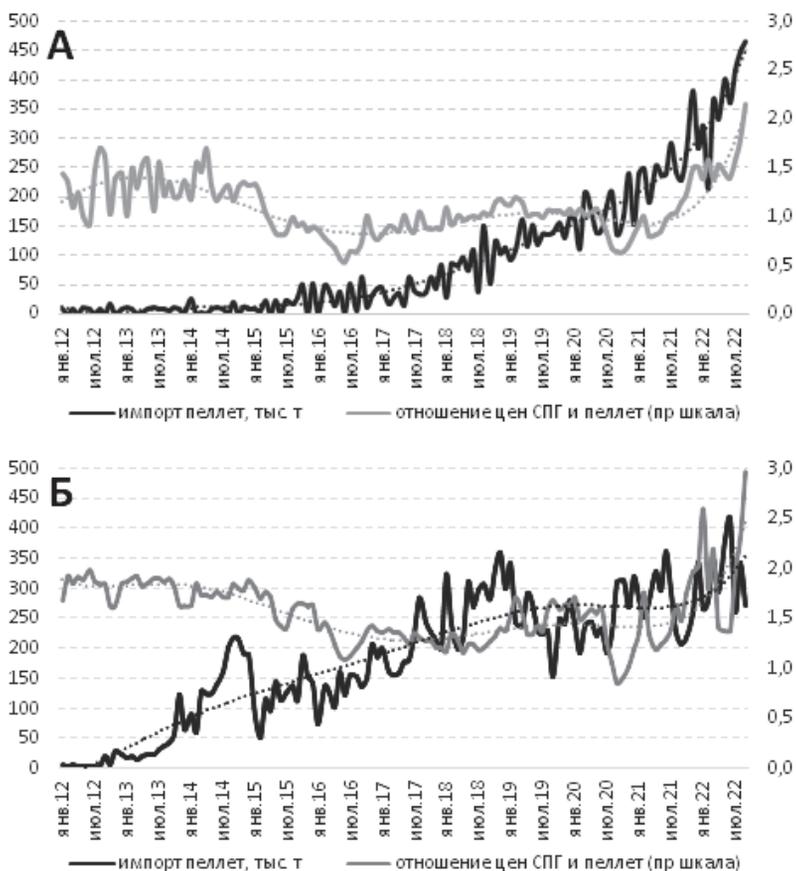
Особенностью Японии и Кореи является почти полное отсутствие собственных ресурсов ископаемого топлива и, как следствие, зависимость их энергетики от импорта угля, нефти и СПГ. Импорту трубопроводного газа в Японии препятствует островное положение, а в Корее – геополитическое. Собственные лесные ресурсы двух густонаселенных стран с большой площадью сельхозугодий и гористыми территориями также крайне ограничены. Как следствие, путь к «углеродной нейтральности» этих государств возможен (если не рассматривать развитую в двух странах атомную энергетику) через замещение импорта ископаемого топлива импортом древесного сырья, то есть пеллет. Информация о соответствующих поставках в месячной, квартальной и годовой динамике доступна на портале-агрегаторе ITC TradeMap² с 2012 г. Более ранние данные отсутствуют, так как отдельный код ТН ВЭД 440131 для древесных гранул в классификаторе был выделен только начиная с этого года. Информация об объемах, средних ценах и источниках импорта является статистической базой данного исследования.

Прежде всего следует оценить влияние на рынки этих двух стран ценового фактора. Пеллеты дороги, и поэтому их использование становится привлекательнее с экономической, а не только с экологической точки зрения в том случае, если растет относительная стоимость

¹ https://www.rbc.ru/spb_sz/16/07/2022/62cbd7a19a7947227acb3bf2.

² <https://www.trademap.org/>.

традиционных энергоносителей. Для Кореи и Японии ими являются каменный уголь и сжиженный природный газ. Расчет сравнительной эффективности использования СПГ и пеллет достаточно прост и требует только учета теплотворной способности и цены двух импортных для данных стран видов топлива. Принимая теплотворную способность древесных гранул за 17,5 МДж на кг³, а СПГ – за 48 МДж на кг⁴, получим следующую сравнительную динамику объемов импорта и ценовой конкурентоспособности (см. рис. 1).

Источник: рассчитано автором по: данные TradeMap.

Рис. 1. Импорт пеллет в Японию (А) и Южную Корею (Б); отношение цен импортных СПГ и пеллет с учетом их теплотворной способности (правая шкала) и их полиномиальные тренды.

³ <https://neftegaz.ru/science/Oborudovanie-uslugi-materialy/331575-vidy-topliva-dlya-tverdotoplivnykh-kotlov-i-sravnitelnaya-tablitsa-ikh-teplotvornoy-sposobnosti/>.

⁴ <https://lenprom.spb.ru/upload/iblock/a60/%D0%A1%D0%9F%D0%93%20%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA.pdf>.

Ввоз пеллет в Японию растет настолько стремительно, что может быть описан моделью самоподдерживающегося роста. Регрессионный анализ значений полиномиального тренда шестой степени для данного показателя позволяет объяснить практически всю его динамику с 2012 г. мультипликативной авторегрессией.

Ее уравнение:

$$\ln \Delta Q = 0,00498 + 0,902 \ln \Delta Q(-1)$$

или

$$\frac{Q}{Q(-1)} = 0,00498 \left(\frac{Q(-1)}{Q(-2)} \right)^{0,902},$$

где $Q(-1)$ – полиномиальный тренд объема ввоза гранул в предыдущем месяце, а коэффициенты округлены. Эта модель дает R^2 более 0,98; при добавлении в нее в качестве второй переменной динамики отношения стоимости пеллет и СПГ точность не меняется, а вероятность незначимости второго фактора составляет 0,50 (он незначим). При этом динамика импорта и соотношения цен (см. рис. 1) создает иллюзию, что примерно с марта 2021 г. рост ввоза гранул полностью определяется ростом соотношения цен (корреляция между ними на этом отрезке 0,997), хотя фактически она является результатом авторегрессии.

Для Южной Кореи корреляция между соотношением цен и ввозом пеллет с апреля 2021 г. составляет 0,999; очевидно, что для данной страны новый прирост импорта был связан именно с удорожанием альтернативных видов топлива, то есть ростом ценовой привлекательности гранул. Важно заметить, что в Корее ценовая конкурентоспособность пеллет в сравнении с СПГ устойчиво выше, чем в Японии, поскольку импортные цены на древесное топливо в островном государстве существенно выше при близких с Кореей ценах на сжиженный природный газ.

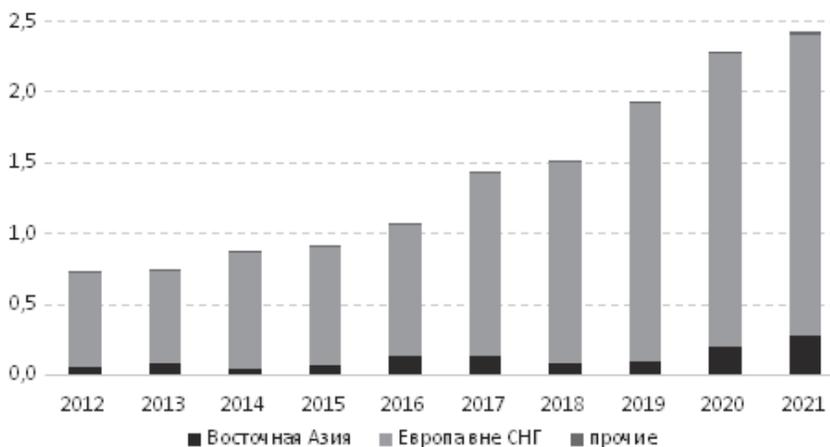
Российский экспорт древесных гранул до 2022 г.

Российские производства топливных гранул начали активно создаваться с конца 2000-х годов для коммерчески эффективной переработки отходов деревообработки. Особенно активно они строились в европейской части России и были ориентированы на экспорт в страны Евросоюза; к 2008 г. их мощности уже составляли 0,2 млн т [6]. На начало 2021 г. этот показатель оценивался уже в 4–5 млн т⁵, но мощности были слабо задействованы из-за выраженной сезонности поступления сырья (древесных отходов) и переоценки возможностей экспорта.

⁵ <https://forestcomplex.ru/unikalno/business-recycle/>.

Внутренний рынок древесных гранул крайне мал, поскольку при доступности природного газа для населения и промышленности древесные гранулы могут вытеснять из локальной энергетики только дизельное топливо, они уступают даже мазуту [2]. По расчетам 2011 г. пеллетное отопление было дороже угольного почти вдвое и в 6 раз уступало природному газу [9], а по расчетам 2019 г. пеллеты в качестве топлива для коммунальных котельных были дороже газа на 35% [4, с. 14]. При этом для пользователей газовые котлы удобнее в эксплуатации, чем пеллетные, поскольку последние требуют периодического наполнения бункера и очистки от золы. Прогнозы ряда авторов конца 2000-х годов о том, что «расширение использования древесины как топлива в России будет вызвано ... нехваткой природного газа и электроэнергии на внутреннем рынке» [1]⁶, пока не оправдались.

На Японию и Южную Корею в 2021 г. суммарно приходилось только 13% экспорта российских пеллет – 272 тыс. т из 2,4 млн т общего вывоза. Остальной объем поступал в страны Европы (вне СНГ), которые и были локомотивом увеличения экспорта российских гранул на протяжении десятилетия (см. рис. 2).

Источник: составлено автором по: TradeMap, данные ФТС России.

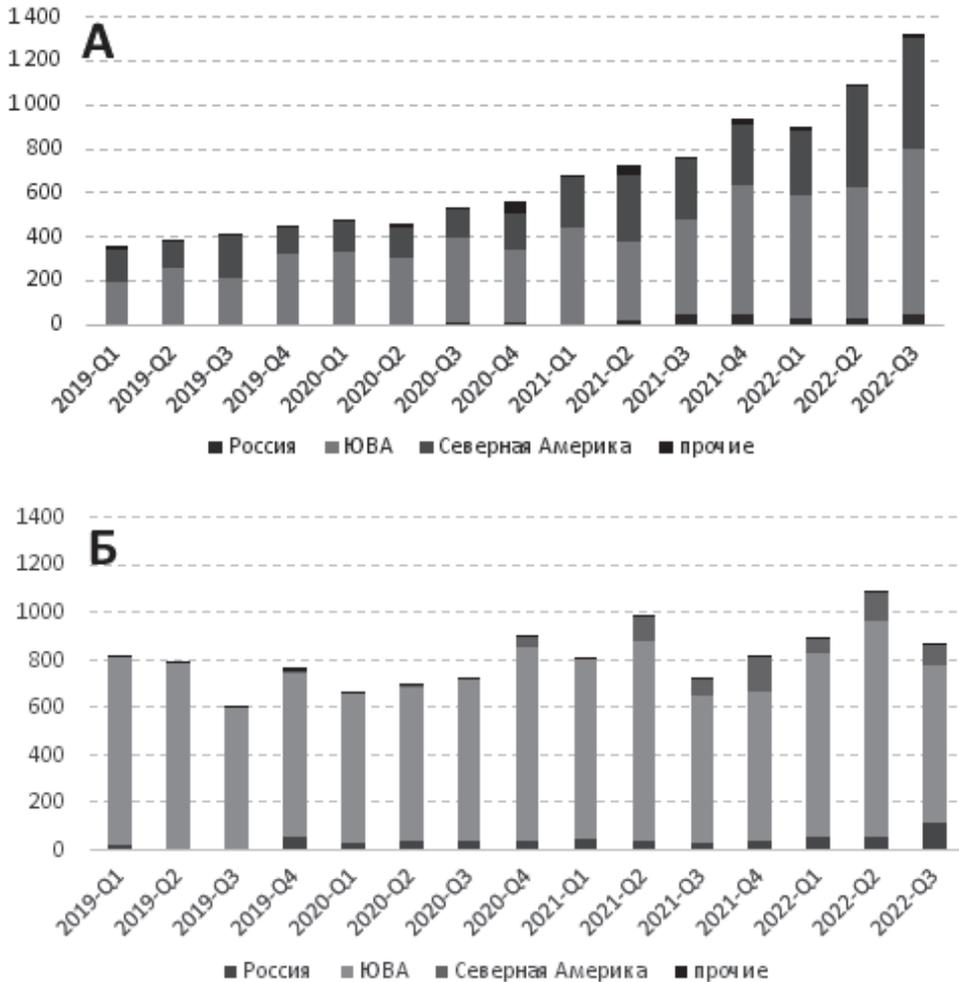
Рис. 2. Динамика и географическая структура вывоза пеллет из России в 2012–2021 гг., млн т

При этом в 2020–2021 гг. спрос на российские пеллеты в Европе рос существенно меньшими темпами, чем в Восточной Азии, что уже тогда заставляло отечественных поставщиков обращать внимание именно на этот географический регион как на перспективное направ-

⁶ Цит. по [8, с. 133].

ление увеличения продаж. В особенности это касалось быстрорастущего рынка Японии, который оценивался как наиболее перспективный для российских производителей, несмотря на наличие у японских потребителей долгосрочных (до 20 лет) контрактов с компаниями из третьих стран [5].

Однако для рынков Южной Кореи и Японии российские поставки оставались малозначимы – основные объемы импорта пеллет поступали и поступают в эти государства из стран Юго-Восточной Азии. Продукция российских компаний конкурирует также с североамериканским топливом, прежде всего с канадским, доля которого особенно велика на японском рынке (см. рис. 3).

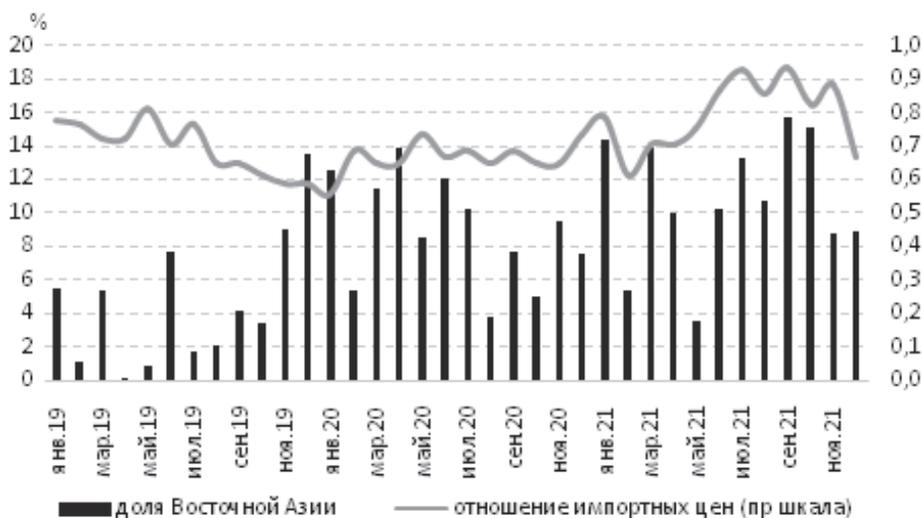

Источник: составлено автором по: TradeMap.

Рис. 3. Структура ввоза пеллет в Японию (А) и Южную Корею (Б) по регионам происхождения, тыс. т

Варианты санкционной адаптации российских поставщиков

С запретом ввоза российских древесных гранул в Европу поставки на азиатские рынки удвоились, однако только за счет них заместить выпавшие объемы экспорта продукции отечественные компании не смогли. Для этого, при неизменном спросе, потребовалось бы почти полностью вытеснить прочих поставщиков с рынков Восточной Азии. Фактически же перспективы увеличения российских поставок гранул в Южную Корею и Японию зависят от способности перенаправить ресурсы с европейских рынков и от перспектив увеличения спроса. Нужно отметить, что расширение сбыта российских пеллет в Восточной Азии в 2019–2021 гг. происходило преимущественно на фоне стабильного или даже снижающегося соотношения цен на гранулы в этом регионе в сравнении с европейскими рынками, то есть без роста ценовой привлекательности и, как следствие, маржинальности отгрузок. (см. рис. 4). Перенаправление поставок на азиатские рынки, таким образом, не было проблемой для российских компаний и до 2022 г.

Источник: рассчитано автором по: данные TradeMap.

Рис. 4. Доля Восточной Азии в российском экспорте древесных гранул и отношение цен на рынке Южной Кореи к датским (правая шкала).

Что же касается перспектив мирового спроса на гранулы, то его рост вызывает ряд вопросов, поскольку преимущества «биоэнергетики» все больше подвергаются сомнению. Главной, но редко затрагиваемой в отраслевых публикациях проблемой является крайне

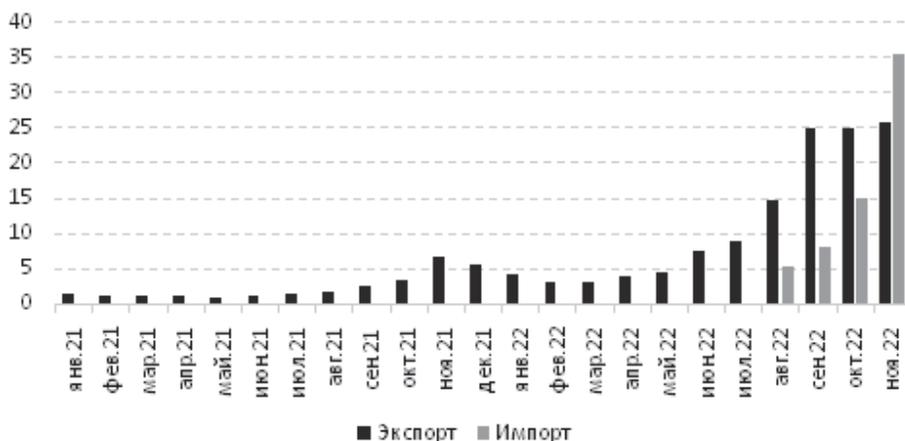
низкий потенциал замещения ископаемого топлива древесным. Как было показано выше, теплотворная способность пеллет примерно втрое ниже, чем сжиженного природного газа, то есть для замещения 1 т СПГ необходимо 3 т пеллет. При этом в 2021 г. Южная Корея приняла 46 млн т СПГ, а Япония – 74 млн т. Нетрудно рассчитать, что для полного отказа от этого топлива в пользу возобновляемых гранул только в двух отдельно взятых странах потребуется 360 млн т пеллет. Это почти на порядок превышает все мировое производство этой продукции, для выпуска которой давно используются не только древесные отходы, но и балансовая древесина [8; 3]. На производство 1 т пеллет требуется не менее 3 м³ древесины⁷, то есть для удовлетворения нужд Кореи и Японии необходимо более 1 млрд м³ древесной массы. Для сравнения: весь объем лесозаготовки в России составляет⁸ 225 млн м³, то есть меньше четверти этой величины. Поэтому развитие этого направления возобновляемой энергетики имеет очевидный и очень близкий предел роста, что заставляет сомневаться в целесообразности его государственной поддержки. В конце 2010-х гг. прогнозировалось завершение бурного роста мирового пеллетного рынка к 2025 г. [4].

Поскольку перспективы мирового рынка пеллет связаны с естественным ограничением предложения, а российские производители после введения западных санкций имеют избыточные ресурсы древесных гранул, то привлекательность компаний из России как поставщиков этой продукции должна расти. Нынешнее состояние мирового рынка топливных гранул требует максимального присутствия на нем российской продукции. Как результат, во второй половине 2022 г., на фоне запрета ввоза российских пеллет из России в Европу, помимо роста отгрузок в Восточную Азию, особенно в Корею, начались крупные поставки гранул в Турцию. Ближневосточная страна, в свою очередь, начала отгружать большие партии продукции в соседние страны Евросоюза (см. рис. 5).

Расширение поставок пеллет в Восточную Азию и начало экспорта в Турцию позволили российским производителям, которые ранее отгружали 90% продукции на закрывшиеся европейские рынки, осенью 2022 г. сохранить более половины от объемов зарубежных продаж древесных топливных гранул в начале года.

⁷ <https://grach.spb.ru/news/raschet-kolichestva-syrya-dlya-pelletnoj-linii/>.

⁸ <https://lesozagotovka.com/news/rosleskhoz-v-rossii-zagotovili-225-millionov-kubov-drevesiny-v-2021-godu/>.

Источник: составлено автором по: TradeMap, данные Turkstat.

Рис. 5. Внешняя торговля древесными гранулами (код ТН ВЭД 440131) Турции в 2021–2022 гг., тыс. т

Выводы

Российская индустрия древесных топливных гранул изначально создавалась с ориентацией на спрос стран Евросоюза и стала заметным игроком мирового рынка этой продукции. Из-за потребности в субсидировании потребления на сегодняшний день в мире немного стран с развитыми рынками древесных пеллет. В Японии и Южной Корее именно масштабная финансовая правительственная поддержка привела к формированию крупных рынков древесных гранул, причем в Японии этот фактор является основным для роста потребления, тогда как в Южной Корее прирост спроса в 2021–2022 гг. вызван резким удорожанием традиционных энергоносителей, прежде всего природного газа. Оба рынка имеют в ближайшие годы большой потенциал роста и привлекательны для поставщиков пеллет, включая российские компании.

Отечественные поставщики расширили поставки в Восточную Азию задолго до введения санкционных ограничений со стороны Евросоюза в 2022 г. При этом ценовая привлекательность азиатских рынков ниже европейских и долгое время не улучшалась, что не мешало росту их доли в российском экспорте пеллет. Как следствие, для российских компаний не стало проблемой вдвое увеличить поставки древесных гранул на азиатские рынки, перенаправив объемы с закрывшегося рынка европейских стран.

Фундаментальные ограничения мирового рынка топливных гранул связаны не только с потребностью в субсидировании, которая зависит от уровня цен на традиционные энергоносители, но и с естествен-

ным ограничением предложения древесного сырья. Как следствие, введение санкций и других формальных ограничений против России не привело к снижению потребности в российских пеллетах в мире. По закону сообщающихся сосудов отечественная продукция начала поступать в Турцию, а древесные гранулы оттуда – в Евросоюз.

Рынки древесных топливных гранул Японии и Южной Кореи привлекательны из-за высоких темпов роста, отсутствия формальных санкционных ограничений и меньшего транспортного плеча для поставщиков из восточных регионов России в сравнении с конкурентами из ЮВА и Северной Америки. Содействие российских властей снижению логистических издержек для производителей из европейской части России было бы полезно для ускорения восстановления экспортных объемов, увеличения гибкости поставщиков в выборе рынков сбыта и усиления их переговорной позиции при поставках на рынки, смежные с европейскими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева Н.П. Основные результаты подготовки и о задачах реализации «Российской программы развития возобновляемых источников энергии» // Биоэнергетика. 2007. № 1. С. 4–15.
2. Зайцев А.М., Щекин И.И., Трубаев П.А. Техничко-экономическая оценка установки котла на древесных пеллетах // Образование, наука, производство (сб. статей). Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. 2015. С. 2993–2995.
3. Кархова С.А. Оценка тенденций мирового рынка древесных пеллет и перспективы Российской Федерации на данном рынке // Baikal Research Journal. 2022. № 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).23.
4. Коробко В.И. Перспективы использования древесных топливных гранул в России // Строительство. Экономика и управление. 2019. № 4 (36). С. 12–19.
5. Кривокоченко Л.В. Мировой рынок древесных топливных гранул: современное состояние и перспективы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 7. С. 61–73. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-7-61-73.
6. Лукаш А.А., Рудницкий В.Н., Семенов А.Н. Перспективы производства древесных гранул // Актуальные проблемы лесного комплекса. 2008. № 21-3. С. 245–248.
7. Руденко С.А., Репина О.М. Исследование российского рынка древесных пеллет: сырьевой аспект // Вестник НГУЭУ. 2014. № 1. С. 262–271.
8. Севастьянова С.Н. Биоэнергетика. Древесные (топливные) гранулы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 10 (104). С. 133–138.
9. Сергеева Н. Отопление на древесных топливных гранулах // Сантехника, отопление, кондиционирование. 2011. № 7 (115). С. 64–65.
10. Степанов П.Н. География промышленности СССР. М., 1950.
11. Schlesinger W.H. Are wood pellets a green fuel? // Science. 2018. № 359 (6382). DOI: 10.1126/science.aat2305.
12. Sterman J.D., Siegel L., Rooney-Varga J.N. Does replacing coal with wood lower CO₂ emissions? // Environmental Research Letters. 2018. № 13. DOI: 10.1088/1748-9326/aaa512.

REFERENCES

1. *Dmitrieva N.P.* Main results of preparation and about tasks of implementation of "Russian program of development of renewable energy sources" // *Bioenergy*. 2007. № 1. Pp. 4–15. (In Russ.).
2. *Zaitsev A.M., Shchyokin I.I., Trubayev P.A.* Technical and economic evaluation of wood pellets boiler installation // *Education, science, production (collection of articles)*. Belgorod V.G. Shukhov state technological university. 2015. Pp. 2993–2995. (In Russ.).
3. *Karkhova S.A.* Evaluation of trends of global wood pellets market and Russian Federation prospects on this market // *Baikal Research Journal*. 2022. № 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).23. (In Russ.).
4. *Korobko V.I.* Prospects of wood fuel pellets use in Russia // *Construction. Economy and management*. 2019. № 4 (36). Pp. 12–19. (In Russ.).
5. *Krivokochenko L.V.* Global wood fuel pellets market: present stance and prospects of development // *Russian foreign economic journal*. 2021. № 7. Pp. 61–73. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-7-61-73. (In Russ.).
6. *Lukash A.A., Rudnitsky V.N., Semyonov A.N.* Prospect of wood pellets production // *Actual problems of forest industry*. 2008. № 21-3. Pp. 245–248. (In Russ.).
7. *Rudenko S.A., Ryepina O.M.* Research of Russian market of wood pellets: feedstock issues // *Herald of NSUEM*. 2014. № 1. Pp. 262–271. (In Russ.).
8. *Sevastyanova S.N.* Bioenergy. Wood (fuel) pellets // *Herald of Orenburg state university*. 2009. № 10 (104). Pp. 133–138. (In Russ.).
9. *Sergeyeva N.* Heating with wood fuel pellets // *Plumbing, heating, air conditioning*. 2011. № 7 (115). Pp. 64–65. (In Russ.).
10. *Stepanov P.N.* Geography of industry of the USSR. M., 1950. (In Russ.).
11. *Schlesinger W.H.* Are wood pellets a green fuel? // *Science*. 2018. № 359 (6382). DOI: 10.1126/science.aat2305.
12. *Sterman J.D., Siegel L., Rooney-Varga J.N.* Does replacing coal with wood lower CO₂ emissions? // *Environmental Research Letters*. 2018. № 13. DOI: 10.1088/1748-9326/aaa512.

Дата поступления рукописи: 16.01.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рязанов Влас Александрович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
vlas.ryazanov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ryazanov Vlas A. – Cand. Sci. (Geogr.), Senior Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vlas.ryazanov@gmail.com

JAPAN AND SOUTH KOREA AS MARKETS FOR RUSSIAN EXPORTERS OF WOOD PELLETS

The author studies the growth factors and prospects of Japanese and South Korean wood pellets markets due to their increased attractiveness for Russian suppliers after sanction shutdown of European destinations in 2022. A quantitative analysis of the markets of East Asian countries revealed that the key factor in the growth of demand in Japan is an increase in government subsidies, which is why the volume of consumption is growing in progression. In South Korea, the new increase in demand is caused mostly by surge of prices for traditional imported fuels, including natural gas. Russian supplies to these markets doubled in 2022, but exports also grew earlier despite the lower price attractiveness comparing to the EU market. Analysis of the natural limitations of the world market of fuel pellets allowed to conclude that Russian products are in a great demand, which is confirmed not only by an increase in supplies to East Asia after the European sanctions were imposed, but also by the start of mass export to Turkey, which ships pellets to the European Union.

Keywords: *Russia, Japan, South Korea, export, wood pellets, prices, bioenergy.*

JEL: C22, Q21, Q23.

А.Р. ПЕТРОСЬЯН

кандидат экономических наук,
торговый советник Торгового представительства Российской Федерации
в Республике Казахстан

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (на примере горно-металлургического комплекса)

В работе на примере горно-металлургического комплекса проанализированы состояние и перспективы сотрудничества России и Казахстана в рамках ЕАЭС. Сделан акцент на современных проблемах, вызванных антироссийскими санкциями. Показано, что недружественные страны, применяя различные санкции, пытаются ослабить традиционные многовековые политические, экономические и социальные связи между Россией и Казахстаном, переориентировать товарные потоки (прежде всего редкоземельных металлов) на себя. В статье подчеркивается, что в этих условиях особенно важно продолжать развивать сотрудничество и интеграционные процессы в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: интеграция, дружественные и недружественные экономики, санкционный режим, промышленная кооперация и локализация производства, горно-металлургический комплекс, четвертая промышленная революция, Казахстан, ЕАЭС.

УДК: 339.9

EDN: UVTACW

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_143_158

Введение

В 2022 г. произошли существенные изменения в мирохозяйственных отношениях. Для Российской Федерации мир поделился на дружественные и недружественные экономики. Перед Евразийским экономическим союзом и странами-членами объединения, которые в 2019 г. отметили пятилетний юбилей, ознаменовавшийся реальными достижениями, в том числе в области промышленного развития, обозначились реальные вызовы. От того как Россия сумеет выстроить формат взаимоотношений со странами Евразийского союза, во многом будет зависеть будущее регионального объединения, архитектура нового экономического правопорядка в целом. Республика Казахстан наравне

с Россией является ключевой экономикой ЕАЭС. Богатые природные ресурсы, на основе которых сформировался мощный горно-металлургический комплекс, во многом определяют экономическое развитие страны. Вместе с тем, в отличие от РФ, внутренний рынок Казахстана остается крайне ограниченным, что ставит страну в зависимость от внешнего рынка. Выживание и дальнейшее развитие страны и ее металлургии в первые годы независимости стало возможным благодаря созданию благоприятного инвестиционного климата и ориентации на иностранный капитал.

В настоящее время руководство Республики поставило задачу уйти от сырьевой зависимости, чему может способствовать промышленная кооперация и локализация производства. В этом году в Казахстане планируется осуществить 149 инвестиционных проектов на сумму 1,1 трлн тенге¹. Россия может сыграть ключевую роль в этом процессе, а Казахстан, в свою очередь, стать мостом между РФ и западным миром. Четвертая промышленная революция поставила перед международным сообществом целый ряд задач, которые в период геополитической турбулентности и беспрецедентной неопределенности перспектив развития требуют от бизнеса, в первую очередь крупного, создания гибкой модели управления, способной предлагать решения, отвечающие конъюнктурным требованиям, продолжая при этом оставаться в позитивном долгосрочном тренде. Такой характер развития и принципы, закладываемые сегодня, представляют собой сочетание рыночных отношений, планового регулирования и принципов устойчивого развития, совмещающих ответственное отношение к окружающей среде, высокую социальную ответственность и высокое качество корпоративного управления (ESG). Программы импортозамещения, которые сейчас активно реализуются в РФ и в Республике Казахстан (далее – РК), способны решать вопросы простого воспроизведения необходимого продукта, но интеграционное развитие требует применения высоких технологий, доступ к которым ограничен в условиях санкционного режима. В этой связи необходимо активно искать пути выхода на глобальный рынок, что возможно в современных условиях только путем принятия совместных решений.

Интеграционные процессы в рамках ЕАЭС

Евразийское экономическое сообщество было создано в 2001 г., а в 2015 г. оно было преобразовано в Евразийский экономический союз.

¹ <https://kapital.kz/economic/112730/v-2023-godu-v-rk-planiruyet-sya-vvesti-149-investitsionnykh-proyektov.html>.

Весьма значимыми результатами за годы существования ЕАЭС считается создание правовой и институциональной базы для успешного развития интеграционных процессов. В настоящее время имеются все регулирующие механизмы, обеспечивающие функционирование общего рынка, в том числе и рынка по отдельным отраслям. Достигнуто соглашение о концептуальных подходах формирования общего рынка энергоресурсов к 2035 г.², в том числе электроэнергии и нефтегазового сектора, что является ключевым с точки зрения национальных интересов всех стран – участниц ЕАЭС.

Перспективы и возможности ЕАЭС для национальных экономик трудно переоценить. Как отмечает академик Национальной академии наук Казахстана Т.И. Есполов, участие в Едином экономическом пространстве (ЕЭП) для Казахстана является дополнительным фактором, обеспечивающим его экономическую стабильность, и позволяет существенно расширить потенциальные рынки сбыта, что служит импульсом для дальнейшего развития более или менее благополучных в настоящее время отраслей экономики (топливно-энергетической, цветной и черной металлургии, зернового хозяйства) и для возрождения пришедших в упадок (виноделия, производства фруктов, овощей, мяса и т. д.). Кроме того, формирование ЕЭП приводит к диверсификации казахстанской экономики; к привлечению масштабных иностранных инвестиций в экономику страны, поскольку зарубежные инвесторы, прежде чем вложить деньги в тот или иной проект, учитывают не только объем внутреннего казахстанского рынка, но и суммарное население трех государств; к росту конкурентоспособности предприятий РК; использованию транзитного потенциала России и Беларуси для выхода казахских товаров на рынки Европы; к ускорению и снижению издержек межгосударственного товародвижения; возможности насытить рынок более дешевой и качественной продукцией. Создаются более благоприятные условия для страновых переливов капитала и рабочей силы, что, безусловно, является мощным фактором экономического и социального развития. Существенно расширяется сфера конкуренции, что в конечном счете также оказывает позитивное влияние на общеэкономическую динамику. Однако для Казахстана имеют место и некоторые риски: насыщение национального рынка импортной транспортабельной продукцией промышленной выработки, снижение уровня продовольственной безопасности по отдельным видам продукции, повышение цен на потребительском рынке ввиду роста таможенных пошлин на товары из третьих стран

² <https://www.pnp.ru/economics/v-stranakh-eaes-sozdadut-obshhiy-rynok-elektroenergetiki.html>.

и возможного снижения объемов их импорта, усиление диспропорций в развитии аграрного сектора [3].

Что касается горно-металлургического комплекса (ГМК) двух стран (как и ЕАЭС в целом), то с установлением независимости в отрасли произошел разрыв технологических цепочек. Теперь стало очевидным, что произошло это, в частности, потому, что ГМК перестал отвечать потребностям экономики в новых условиях (в первую очередь из-за отсутствия спроса со стороны ВПК). В этих условиях можно было развиваться только за счет выхода на мировой глобальный рынок, где продукция ГМК могла быть востребована промышленно развитыми государствами Запада, а с начала нулевых годов – еще и Китаем.

С момента образования независимого Казахстана в стране проводилась последовательная линия на привлечение иностранных инвестиций, создание благоприятного делового климата для разработки имеющихся богатых природных ресурсов. Логика управленца легко проследить: Республика Казахстан не располагает емким внутренним рынком, способным эффективно использовать добываемые полезные ископаемые. Помимо прочего, страна относится к государствам, не имеющим выхода к морю, но со значительными малонаселенными территориями и протяженной границей с Россией. Следовательно, при формировании промышленной политики перед руководством страны стояла и остается в сегодняшней повестке дня задача по максимуму использовать возможности международного разделения труда, чтобы выступать в роли полноправного конкурентного партнера, а не в качестве сырьевого придатка. В глобальном высокотехнологичном мире это возможно путем применения инструментов, предлагаемых интеграционными объединениями, прежде всего с целью повышения конкурентоспособности соответствующих отраслей. Дальнейший ход событий свидетельствует о верности решения, принятого РФ и РК. Соседство с РФ и общность индустриального прошлого, заложенного в советский период, «обрекли» казахстанскую экономику на необходимость использования этих естественных предпосылок в интересах дальнейшего развития.

Особенности современного этапа развития ЕАЭС

Мировое сообщество, включая ЕАЭС, столкнулось в 2020–2022 гг. с серьезными вызовами (пандемия COVID-19, затем украинский кризис).

Показательно, что нынешний переломный момент совпал с глубинными изменениями в архитектуре существующего экономического правопорядка, включая интеграционные процессы. Но как любому

резкому революционному изменению, ему предшествует период аккумуляции противоречий, принятия неэффективных решений, которые приводят к неизбежности перемен, так же как в свое время распад Советского Союза затронул не только страны бывшего СССР и Восточной Европы, но и все государства, в меньшей или большей степени вовлеченные в его орбиту.

Так, эвфемистическая характеристика сформировавшегося в 2022 г. экономического правопорядка, данная последним Мировым экономическим форумом в Давосе (World Economic Forum), – фрагментированный мир («fragmented world»)³ – в действительности означает всего-навсего новый железный занавес вокруг Российской Федерации. Очередная попытка вычеркнуть Россию из существующего международного разделения труда ставит перед нашим государством наверное самый сложный за последние десятилетия после распада СССР вызов: сможет ли она построить с дружественными странами, в первую очередь в рамках регионального объединения ЕАЭС, такой формат отношений, который будет выгоден всем игрокам и продемонстрирует нашим союзникам экономическую целесообразность ориентации на выстраивание внешнеэкономических связей именно с РФ. Это в первую очередь касается российско-казахстанских отношений, которые должны наконец-то принять системный характер и показать, что все преимущества географических, накопленных исторических, культурных и пр. связей наших народов, содействуя укреплению интеграции стратегически важных производственных цепочек, будут носить взаимовыгодный характер.

На первом в 2023 г. заседании Рабочей группы высокого уровня по обеспечению устойчивости экономик государств – членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности, были подведены итоги работы за прошлый год и определены приоритеты на 2023 г.⁴ За прошедший год было немало сделано: страны ЕАЭС скорректировали таможенно-тарифное регулирование для поддержки бизнеса, были согласованы подходы по развитию расчетов в национальных валютах, создана база для безопасных расчетов между компаниями стран – членов Союза (хотя остаются препятствия, в первую очередь связанные с угрозой вторичных санкций для наших партнеров по Союзу). К числу важных достижений предыдущего года можно отнести ряд ключевых решений по сохранению единства внутреннего рынка ЕАЭС: это и утверждение индикативных балансов торговли наиболее чувствительными товарами, и оперативное урегулирование проблемных ситуаций

³ <https://www.weforum.org/agenda/2022/11/annual-meeting-davos-2023/>.

⁴ <https://e-cis.info/news/568/106517/>.

в транспортно-логистической сфере. Отдельно следует отметить решение о создании Евразийской перестраховочной компании, которое должно оказать системную поддержку реализации экспортного потенциала стран ЕАЭС.

Предпринятые в 2022 г. меры повлияли на динамику развития экономики Союза. Взаимная торговля стран ЕАЭС за 11 месяцев 2022 г. выросла более чем на 13% – почти до 74 млрд долл. Производство продукции сельского хозяйства увеличилось на 5%. Объем промышленного производства в Союзе, несмотря на выпадение одного из ключевых для РФ европейского рынка, остался на уровне 2021 г. Несмотря на санкции, на 5,3% вырос объем внешних прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и инвестиций внутри стран ЕАЭС⁵. По итогам I полугодия 2022 г. валовый приток ПИИ в Казахстан из России вырос на 30% – с 722 до 938 млн долл. США⁶.

Казахстан, используя возможности российской экономики, всемерно развивая промышленную кооперацию и поощряя локализацию производства, может стать мостом между РФ и Западом. При этом РФ и РК не ограничивают себя рамками двусторонних отношений, всячески стимулируя развитие многостороннего сотрудничества там, где для этого появляются экономические возможности.

В 2022 г. преимущества наращивания внешнеэкономических связей продемонстрировала Турция, воспользовавшись санкционным режимом и перенаправлением товарных потоков России. Согласно оценкам, только на экспорте нефтепродуктов из российской нефти Турция заработала примерно 2,5 млрд долл. США⁷.

Мы не призываем страны – члены ЕАЭС нарушать жесткий санкционный режим в отношении РФ себе в ущерб, подпадая под риски вторичных санкций. Вместе с тем непростительно не использовать сложившиеся обстоятельства в своих интересах при грубом нарушении правил международной торговли развитыми странами Запада.

Напрашивается вопрос: не пытается ли РФ решить свои проблемы за счет соседей, которые не подвергаются давлению со стороны стран Запада? На самом же деле мировую элиту устраивает ситуация, когда Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и пр. остаются источником сырьевых товаров, которые выкачиваются из этих стран на протяжении последних 30 лет.

⁵ https://www.economy.gov.ru/material/news/vzaimnaya_torgovlya_stran_eaes_za_11_mesyacev_2022_goda_vyroslo_bolee_chem_na_13.html.

⁶ https://el.kz/ru/tovarooborot-kazahstana-s-rossiey-sostavil-84-mlrd-dollarov-ssha_57317/.

⁷ <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/13/945243-turtsiya-zarabotala-na-eksporte-nefteproduktov>.

Интеграционные процессы в горно-металлургическом комплексе

Металлургия Казахстана характеризуется богатой сырьевой базой и конкурентоспособными мощностями. Он занимает первое место в мире по запасам цинка, вольфрама и барита, второе место – по запасам серебра, свинца и хромитов, третье место – по запасам меди. Горно-металлургический комплекс (ГМК) оказывает большое влияние на формирование макроэкономических показателей страны. На долю отрасли приходится 13% ВВП, 23% – в общем промышленном производстве, 48% – в производстве продукции обрабатывающей промышленности, 20% – в экспорте страны [4, с. 293–295]. Все это создает основу для эффективного использования природных ресурсов РК в ближайшей перспективе. При этом емкость внутреннего рынка весьма ограничена, а в случае с редкими и редкоземельными металлами (РЗМ), используемыми преимущественно при производстве высокотехнологичных изделий, внутренний спрос фактически отсутствует, что требует сбыта на внешнем рынке.

Горно-металлургическая отрасль РК (также как и РФ) была сформирована на базе существовавшей советской металлургии, унаследовав все плюсы и минусы плановой экономики. В условиях отсутствия централизованного финансирования, а также разрыва технологических цепочек государство ориентировалось на привлечение иностранных инвестиций, передав фактическое управление отраслью в руки ведущих западных компаний. Многие годы Казахстан развивался динамично исключительно в интересах узкой группы олигархов, владеющих основными сырьевыми компаниями и ресурсами страны. Коренное отличие интеграции от глобализации – право отдельных стран и народов на сохранение идентичности. В условиях антироссийского санкционного режима это направление развития становится особенно актуальным.

Российская металлургия в условиях развала финансовой системы, отсутствия спроса со стороны ВПК и основных потребляющих отраслей выжила в 90-е годы благодаря применению нерыночных механизмов (бартер, толлинг) и встраиванию в международное разделение труда. В настоящее время, в связи с восстановлением внутреннего потребления, экспорт перестал играть ключевую роль для отечественной металлургии. В то же время структура казахстанской отрасли не позволяет ей перестроиться на крайне ограниченный внутренний рынок, при сохранении иностранного присутствия.

Структура металлургии РФ и РК схожа, что при поверхностном анализе может свидетельствовать о неизбежной конкуренции двух экономик, в первую очередь в периоды кризисов и превышения предложения над спросом на глобальном рынке, что в лучшем случае

требует осуществлять координацию сбытовой деятельности на внешних рынках. Вероятнее всего, развитие ГМК двух стран так бы и шло, с поправками на их участие в ЕАЭС.

В истории отношений России и Казахстана в области ГМК случались как положительные, так и негативные прецеденты. Вот пример взаимовыгодного сотрудничества: поставки силикомарганца из Украины в Россию начали сокращаться еще в 2014 г., а в 2017 г. прекратились совсем. Этот отток был частично компенсирован импортом из Казахстана. При этом основная масса поставок марганцевых руд среднего качества из Республики Казахстан поступает по ценам на 5–35% ниже среднероссийских импортных цен, что обусловлено в том числе и отсутствием взимания ввозной пошлины (в рамках ЕАЭС) и небольшими транспортными расходами по доставке материалов к месту потребления [2, с. 42, 44, 48].

Иногда попытки защитить свои интересы приводят к отрицательным результатам. Так, крупные металлургические компании Казахстана в течение нескольких лет настойчиво лоббировали запрет экспорта черного лома в РФ (предполагалось, что запрет на экспорт лома будет стимулировать развитие перерабатывающих мощностей внутри страны) и добились успеха: экспортные железнодорожные перевозки черного лома были запрещены. В результате один из основных российских импортеров – Магнитогорский металлургический комбинат – столкнулся с дефицитом сырья и понес значительные убытки. Но отсутствие крупных потребителей лома в Казахстане, особенно в его западных и северо-западных регионах, прилегающих к России, привело к резкому сокращению спроса в отрасли заготовки лома, к закрытию многих заготовительных компаний. Тот лом, который все-таки собирался, приходилось либо поставлять в Иран, либо в Россию, но автомобильным транспортом, что намного увеличивало логистические издержки. В итоге пострадали и заготовители, и казахстанские металлурги, у которых выросли затраты на сырье, сократились объемы производства. Проблему удалось решить только на Межправительственном Совете ЕЭК при участии М.В. Мишустина 4 декабря 2020 г., после чего экспорт лома возобновился [5, с. 403].

Последние годы характеризуются все более настойчивыми попытками формирования однополярного мира с полным экономическим и политическим лидерством США, при обозначившемся кризисе общечеловеческих ценностей в западном мире. Поэтому очевидно, что предлагаемый выход из накопившихся противоречий отвечает интересам США и ведущих стран Запада и не учитывает позицию остального мира.

Введенный в 2022 г. Западом санкционный режим против России привел к разделению мирового хозяйства на дружественные и недру-

жественные экономики. Однако у наших двух стран остается возможность в рамках межгосударственного экономического сотрудничества продолжить движение к формированию единого производственно-технологического комплекса, и в случае успеха они станут глобальными игроками на рынке черной и цветной металлургии.

Сотрудничество между Россией и РК продолжается. По предварительным оценкам, базирующимся на фактических данных за январь – август прошлого года, основными статьями экспорта из Казахстана в Россию в 2022 г. была продукция ГМК: руды и концентраты драгоценных металлов – 332,4 млн долл. США (4,4%), железорудное сырье – 330,15 млн долл. США (4,4%), плоский плакированный прокат из нелегированной стали – 284,7 млн долл. США (3,8%), ферросплавы – 243,9 млн долл. (3,3%) и необработанный цинк – 239,4 млн долл. (3,2%)⁸.

Россия в указанный период более чем вдвое увеличила из Казахстана импорт глинозема, что связано со стремлением компании «РУСАЛ» заместить поставки, прекратившиеся после начала СВО. До этого момента основными поставщиками глинозема на алюминиевые заводы России были Украина (Николаевский глиноземный завод) и Австралия (наложила запрет на поставки этого сырья в РФ), которая в 2021 г. обеспечила 32% совокупного российского импорта глинозема в физическом выражении (1,5 млн т из 4,75 млн т) и 31% – в денежном (564,5 млн из 1,83 млрд долл.)⁹. Впрочем, и казахстанские поставки глинозема сегодня находятся под угрозой.

С марта 2022 г. прекратил отгрузку губчатого титана в Россию Усть-Каменогорский титано-магниевого комбинат (УКТМК), что также обусловлено возможностями применения вторичных санкций. Это при том что УКТМК занимает 11% мирового рынка титана и обеспечивает 18% его поставок аэрокосмической отрасли в мире¹⁰. Весь объем производимой титановой продукции отправляется на экспорт. Партнерами являются Boeing, Airbus, SNECMA, General Electric и другие мировые компании. В 2011 г. в Лез-Ансизе (Франция) с участием УКТМК было создано казахстанско-французское СП по переработке титановых слитков и сплавов в продукцию для авиастроительной промышленности, что сделало УКТМК ключевым поставщиком титановых изделий для группы Airbus. Еще одно СП создано с корейской компанией POSCO. Это доказывает, с одной стороны, ведущую роль казахстанского предприятия в мировом разделении труда на рынке

⁸ Согласно оценке автора.

⁹ <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/03/20/914334-avstraliya-postavki-alyuminiya>.

¹⁰ <https://www.uktmp.kz/>.

титана, а, с другой – высокую степень зависимости от глобального, в первую очередь западного, рынка.

Другой, еще более наглядный пример – Соколовско-Сарбайское горно-обоганительное производственное объединение (ССГПО), которое ежегодно поставляло от 9 до 12 млн т железнорудного концентрата и окатышей на Магнитогорский металлургический комбинат. В 2022 г., после того, как основной бенефициар Магнитогорского металлургического комбината В.Ф. Рашников попал в санкционный список, ССГПО из-за риска вторичных санкций полностью прекратило эти поставки¹¹ и переориентировалось на Китай¹², куда направляет 5 млн т железнорудной продукции. Из-за ограниченных логистических и перевалочных мощностей на границе увеличить этот объем не представляется возможным. Таким образом, налицо коммерческие потери казахстанской стороны.

Что касается позиции руководства крупных горно-металлургических холдингов РК в отношении сотрудничества с Россией в условиях санкций, ее вполне определенно озвучил председатель Совета директоров Евразийской Группы (ERG) А. Машкевич, который на вопрос о погашении долгов перед российскими банками – основными кредиторами Группы – заявил: «Пока мы ничего не платим и не будем ничего делать, пока не получим на это разрешения. Мы обратились к западным регуляторам и обсуждаем с ними вопрос, каким образом мы могли бы им платить. Мы будем четко следовать санкциям. Я надеюсь, что мы найдем какое-то решение»¹³. В настоящее время для привлечения заемных средств ERG работает с китайскими, американскими, бразильскими и другими финансовыми организациями, полностью исключив российских партнеров.

В сложившейся геополитической ситуации казахстанские компании испытывают проблемы с поставками оборудования и запасных частей, хотя и не в таких масштабах, как их российские коллеги. Так, ERG полностью перестала получать комплектующие с Украины¹⁴, при том что именно украинские машиностроительные заводы традиционно обеспечивали больше 50% потребностей холдинга в этой продукции. Естественно, что нарушение сформировавшихся десятилетиями технологических цепочек и необходимость поиска новых источников

¹¹ <http://albom.kz/2022/05/23/%d0%b4%d1%80%d1%83%d0%b6%d0%b1%d0%b0-%d0%b4%d1%80%d1%83%d0%b6%d0%b1%d0%be%d0%b9-%d0%b0-%d0%ba%d0%be%d1%88%d0%b5%d0%bb%d1%91%d0%ba-%d0%b2%d1%80%d0%be%d0%b7%d1%8c-%d0%ba%d0%b0%d0%b7%d0%b0%d1%85%d1%81/>.

¹² <https://amm.kz/ru/press-tsentr/amm-v-smi>.

¹³ <https://www.interfax.ru/business/857352>.

¹⁴ <https://exk.kz/news/139617/alieksandr-mashkievich-rasskazal-kak-povliiali-sanktsii-protiv-rossii-na-rabotu-erg>.

поставок, также как и сбыта продукции, приводят к росту издержек в деятельности компаний ГМК и к снижению их эффективности.

Сегодня речь не идет о выживании, как это было в 90-е годы. От руководства и бизнеса двух стран требуется выработка оптимальной модели развития, соответствующей высокотехнологичным требованиям четвертой промышленной революции. Только такой подход позволит им занять достойное место, соответствующее возможностям, предоставляемым им природными ресурсами, которыми они располагают.

Китайский опыт свидетельствует, что только значительный рост производства отдельных видов продукции (например, титана и/или редкоземельных металлов в случае с РФ и РК) позволяет отдельным государствам заявлять о себе, занимая весомую нишу на глобальном рынке. Низкая норма прибыли (при разработке бедных руд в сложных горно-геологических условиях) компенсируется ростом ее массы – это принцип, которым воспользовалась китайская экономика в нулевые годы XXI в. и который может быть использован РФ и РК. Создание собственного производства концентратов редкоземельных элементов продолжает оставаться актуальным для РК [1].

Совместная внешнеэкономическая деятельность российских и казахстанских производителей позволит гибко реагировать на изменения основных тенденций развития глобальной экономики, что может дать возможность использовать преимущества отдельных подотраслей и предприятий.

Поэтому с 2022 г. приходится корреспондировать развитие с санкционным режимом, поделившим мировое хозяйство на дружественные и недружественные экономики. В том случае, если двум странам удастся сформировать единый технологический комплекс, они станут глобальным игроком на рынке черной и цветной металлургии современного мирового хозяйства. Перед казахстанской экономикой в целом, и ГМК в частности, открываются дополнительные возможности для установления посреднической миссии между Российской Федерацией и развитыми странами Запада.

В условиях санкционного режима, который закрыл российским предприятиям доступ к ряду высокотехнологичной продукции, производимой и ранее закупаемой у недружественных стран, перенос юрисдикций в Казахстан и дальнейшая деятельность казахстанских дочек отечественных ТНК на рынках развитых стран Запада позволит им компенсировать дефицит в машинах, оборудовании и запасных частях к ним.

Российско-казахстанское сотрудничество в области ГМК должно охватить сферу НИОКР, без которой невозможно представить перспективы инновационного развития отрасли. В советский период

научно-исследовательские институты определяли технологический уровень отрасли, и этому направлению уделялось большое внимание. Тридцатилетнее выпадение РФ из научно-технических разработок настоятельно требует оптимизации и реорганизации прикладных научных исследований и условий внедрения полученных результатов в производство. Политика импортозамещения в области ГМК при существующей сырьевой базе России и внутреннем потребительском рынке реализуема и будет способствовать обеспечению загрузки мощностей и занятости. Однако в условиях санкционного режима отсутствие доступа к глобальному рынку современных технологий и вынужденная ориентация на более низкие по сравнению с передовыми странами стандарты качества могут привести к снижению технологического уровня научно-технических разработок и, как следствие, к снижению уровня производимой продукции¹⁵. В этих условиях сотрудничество с РК (в первую очередь посредством ПИИ и промышленной кооперации, а также путем совместной внешне-торговой деятельности на рынках третьих стран) позволит РФ избежать изоляции и продолжать использовать преимущества глобальной экономики. Но в данном случае нужно учитывать позицию казахской стороны, которая, с учетом вторичных санкций, может быть неоднозначной. Так, в начале 2022 г. казахские горно-металлургические компании, опасаясь вторичных санкций, практически прекратили экспорт в Россию. Однако уже в июне 2022 г. крупнейшее металлургическое предприятие Казахстана «Арселормиттал» возобновил свои экспортные поставки в Россию [6, с. 249].

В 2022 г. четко обозначился рынок редкоземельных металлов (РЗМ), растущий интерес к которому проявили, с одной стороны, промышленно развитые страны, а с другой – государства, располагающие значительными природными запасами этого сырья. Сложившаяся структура рынка РЗМ с доминированием на нем Китая и понимание роли этого ресурса в современной экономике способствовали росту активности государств для закрепления своего места в данной сфере. Обострение геополитической ситуации и неопределенность макроэкономических перспектив развития мирового хозяйства при-

¹⁵ Подобный пример мы имеем в автомобилестроении, когда правительство, принимая во внимание реальные возможности производителей, временно (до 01.06.2023) ослабило требования при производстве определенных типов автомобилей, разрешив не устанавливать антиблокировочную систему тормозов (ABS) и систему курсовой устойчивости (ESP), а также легализовало экологический класс «Евро-0», который позволяет выпускать автомобили с выхлопом, отвечающим нормативам 1988 г. (см. Постановление Правительства № 855 от 12 мая 2022 г. «Об утверждении применения обязательных требований в отношении отдельных колесных транспортных средств и проведения оценки их соответствия»).

дали дополнительный импульс внешнеэкономическим связям на рынке редкоземельных металлов. Не обошли стороной эти процессы и Республику Казахстан с ее богатейшими ресурсами природных ископаемых, включая и РЗМ.

В настоящее время редкоземельные металлы присутствуют практически в любой высокотехнологичной продукции, в первую очередь в батареях с длительным сроком службы и в магнитах. Но по-прежнему их ключевое значение остается в оборонных технологиях – в производстве лазеров, радаров и электромагнитного оружия. Когда речь заходит о РЗМ как о «нефти будущего», то понимается их повсеместное применение в так называемых «зеленых технологиях». Самый простой обычный смартфон не может работать без ряда редкоземельных металлов: иттрия, лантана, тербия, неодима, гадолиния и празеодима. В автомобиле экономкласса с традиционным двигателем внутреннего сгорания более 70 комплектующих изготовлено с применением редкоземельных элементов, а в гибридных «Тойота-Приус» содержатся около 4 кг РЗМ¹⁶. Крупные западные компании – Tesla, Volkswagen, Chrysler, Ford – заявили, что к 2030 г. треть их продаж будут составлять электромобили, и эта доля будет увеличиваться, что означает высокую потребность в РЗМ.

В Казахстане это хорошо понимают, для развития отрасли утверждена Дорожная карта по расширению ресурсной базы и организации производства редких и редкоземельных металлов до 2025 г.¹⁷

Следует признать, что Россия сегодня не готова в технологическом плане к развитию экономики на базе широкого применения редкоземельной продукции. Российская Федерация при существующих требованиях к качеству продукции со стороны отечественных потребляющих отраслей, таких как машиностроение, строительство, автомобиль- и авиастроение не нуждается в удвоении объемов производства РЗМ. Сторонники такого подхода говорят о создании рабочих мест и освоении новых территорий. Для развития такой специфической отрасли, как производство редкозема, требуется стратегическое планирование, основанное на четком понимании целей развития, рассчитанных на долговременные горизонты. Необходим переход всей экономики на качественно новые потребительские характеристики именно отечественной продукции. В случае с РЗМ начинать надо с «большой» металлургии, частью которой являются сами редкие земли. Следует отработать программы стимулирования спроса и с установлением более современных инновационных требований

¹⁶ <https://polpred.com/?ns=1&cnt=168&page=3>.

¹⁷ https://forbes.kz/process/economy/kazakhstan_budet_postavlyat_redkozemelnyie_metallyi_v_ssha/.

к выпускаемой продукции, стимулировать промышленность использовать качественные товары.

Однако ни отечественный, ни тем более казахстанский рынки не способны сформировать среду, которая бы востребовала создание вертикально интегрированной конкурентоспособной отрасли РЗМ, замкнутой исключительно на внутренний спрос. При этом следует учитывать, что возможности глобальной экономики для России и ее бизнеса ограничены санкционным режимом.

Заинтересованность развитых экономик в получении доступа к ценным источникам минерального сырья очевидна, что, в свою очередь, отвечает интересам РК в западных инвестициях и технологиях.

Американский бизнес не только заинтересован в получении РЗМ из Казахстана, но и получает весомую поддержку в этом вопросе со стороны государства. Так, 21 июня 2022 г. прошло первое заседание Рабочей группы по торгово-экономическому сотрудничеству в сфере редкоземельных металлов между Республикой Казахстан и Соединенными Штатами Америки. О внимании к данному вопросу свидетельствует уровень участников заседания, в котором с американской стороны были представители Министерства торговли во главе с заместителем помощника госсекретаря США по Европе и Евразии Дэвидом С. Де Фалько, а также представители Госдепартамента и Геологической службы США; с казахстанской стороны – руководители министерств индустрии и инфраструктурного развития, экологии, геологии и природных ресурсов, а также национальных компаний во главе с вице-министром торговли и интеграции РК Кайратом Торебаевым. Итогом встречи стала договоренность по добыче и переработке редких и редкоземельных металлов на территории Казахстана с использованием американских технологий¹⁸.

Заключение

Таким образом, несмотря на широкие возможности, представляемые для развития национальных экономик в рамках ЕАЭС, современный этап, сопровождающийся антироссийскими санкциями, разрушает политические, социальные и экономические связи с нашими многовековыми соседями и партнерами, в том числе с Республикой Казахстан. В этих условиях казахстанское бизнес-сообщество ищет реалистичные и, по возможности, выгодные для себя решения, сокращая при этом сотрудничество с российскими предприятиями и переориентируя свои связи на другие страны. Со своей стороны развитые

¹⁸ https://forbes.kz/process/economy/kazakhstan_budet_postavlyat_redkozemelnyie_metallyi_v_ssha/.

страны, прежде всего в лице Соединенных Штатов Америки, будучи основным мировым бенефициаром санкционной политики, прилагают целенаправленные усилия для «разворота Казахстана на Запад», в том числе в такой стратегически важной области, как горно-металлургический комплекс Казахстана в целом, и отрасль добычи и переработки редкоземельных металлов в частности. В этих сложных условиях представляется важным попытаться интенсифицировать работу российской стороны в рамках ЕАЭС для того, чтобы препятствовать разрушению российско-казахстанских торгово-экономических связей, в том числе в отраслях горно-металлургического комплекса, что, как представляется, отвечает коренным экономическим интересам как российской, так и казахстанской стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бектурганов Н.С., Найманбаев М.А., Суркова Т.Ю. Перспективы развития производства редкоземельных элементов в Казахстане // Цветные металлы. 2010. № 4. С. 48–50.
2. Боярко Г.Ю., Хатьков В.Ю. Критические товарные потоки марганцевого сырья в России // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2020. Т. 331. № 4. С. 38–53.
3. Есполов Т.И. Участие Республики Казахстан в Едином экономическом пространстве // Вестник университета Туран. 2014. № 4. С. 21–23.
4. Ракишев Б.Р. Реструктуризация продукции Горно-металлургического комплекса Казахстана // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2016. № 12. С. 293–305.
5. Ситаро К.А. Анализ современного состояния развития металлургии Казахстана и перспективы экономического сотрудничества с Россией в данной отрасли // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1. С. 401–405.
6. Божко Л.Л. Проблемы антироссийских санкций в отношении металлургических и горнодобывающих предприятий Казахстана // R-ECONOMY. 2022. №8(3). С. 237–251. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.019.

REFERENCES

1. Bekturganov N.S., Naimanbayev M.A., Surkova T.Yu. Prospects for the development of production of rare earth elements in Kazakhstan // Non-ferrous metals. 2010. No. 4. Pp. 48–50. (In Russ.).
2. Boyarko G.Yu., Khatkov V.Yu. Critical commodity flows of manganese raw materials in Russia // Proceedings of Tomsk Polytechnic University. Georesource engineering. 2020. Vol. 331. No. 4. Pp. 38–53. (In Russ.).
3. Espolov T.I. Participation of the Republic of Kazakhstan in the Common Economic Space // Bulletin of the University of Turan. 2014. No. 4. Pp. 21–23. (In Russ.).
4. Rakishev B.R. Restructuring of products of the mining and metallurgical complex of Kazakhstan // Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal). 2016. No. 12. Pp. 293–305. (In Russ.).

5. *Siparo K.A.* Analysis of the current state of development of metallurgy in Kazakhstan and prospects for economic cooperation with Russia in this industry // *Economics and entrepreneurship*. 2022. No. 1. Pp. 401–405. (In Russ.).
6. *Bozhko, L.L.* Challenges of anti-Russia sanctions for metals and mining enterprises in Kazakhstan // *R-economy*. 2022. № 8(3). Pp. 237–251. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.019. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 20.01.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петросьян Андрей Рубенович – кандидат экономических наук, торговый советник Торгового представительства Российской Федерации в Республике Казахстан, Астана, Республика Казахстан
Petrosian58@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petrosyan Andrey R. – Cand. Sci. (Econ.), Trade Adviser at the Trade Representation of the Russian Federation in the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
Petrosian58@mail.ru

PROSPECTS OF INTEGRATION PROCESSES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN (ON THE EXAMPLE OF THE MINING AND METALLURGY)

The author analyzes the state and prospects of cooperation between Russia and Kazakhstan within the EAEU using the example of the mining and metallurgy. The emphasis is placed on the current problems caused by anti-Russian sanctions. It is shown that unfriendly countries, using various sanctions, are attempting to weaken the traditional centuries-old political, economic and social ties between Russia and Kazakhstan, and to redirect commodity flows (primarily rare earth metals) to themselves. The author emphasizes that in these conditions it is especially important to continue developing cooperation and integration processes within the EAEU.

Keywords: *integration, friendly and unfriendly economies, sanctions regime, industrial cooperation and localization of production, mining and metallurgy, the fourth industrial revolution, Kazakhstan, the EAEU.*

JEL: F13, F15, F51, F53, L61, L70.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.В. ЗЕЛЕНОБОРСКАЯ

кандидат экономических наук,
ученый секретарь ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 2022 ГОДУ

EDN: WETQSY

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_159_166

В 2022 г. Институт экономики Российской академии наук проводил научно-исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.).

Основные результаты научной деятельности

В коллективной монографии «Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы» (Под ред. Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкина, В.И. Филатова // СПб.: Алтейя, 2022) рассмотрены теоретические подходы к формированию новой модели экономического роста, сопряженной с корректировкой приоритетов развития и масштабной модернизацией российской экономики, и обоснованы соответствующие стратегические решения. Приведены результаты анализа экономической динамики в постсоветский период, макроэкономических условий проведения структурных и институциональных реформ. Рассмотрены тренды эволюции экономических систем, определены приоритеты и направления структурной модернизации с учетом технологического потенциала российской экономики, разработаны концептуальные подходы к развитию системы институтов, способствующих росту национальной экономики и инновационному развитию. Раскрыты вопросы стимулирования и поддержки процессов экономи-

ческой модернизации за счет совершенствования налоговых инструментов и повышения эффективности финансовых институтов.

В коллективной монографии «Синтез в экономической теории и экономической политике» (Под общей ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер // М.: ИЭ РАН, 2022) исследуются две взаимосвязанных проблемы: проблема синтеза в экономической теории и проблема синтеза в экономической политике. Авторами монографии исследованы методологические проблемы синтеза, проанализированы результаты синтеза в экономической теории. Рассмотрены примеры синтеза в экономической науке в прошлом, показаны примеры его реализации в настоящем, обозначены перспективы развития в будущем. Дан анализ приложений синтетических концепций и подходов к решению конкретных экономических проблем, а также примерам успешного синтеза в экономической политике и его перспективам.

В коллективной монографии «Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР» (Под ред. П.А. Ореховского // СПб.: Алетейя, 2022) представлена ретроспектива эволюции экономической теории СССР во второй половине XX в. в свете дискурсивного анализа. Приводится критический разбор дискуссий вокруг основных концептов социализма: общественной собственности, планомерности, стоимости и товарноденежных отношений, системы оптимального функционирования экономики, азиатского способа производства. Дано обоснование связанности когнитивного тупика политической экономии социализма в 1970х годах с логическими противоречиями в определении государственной собственности: азиатский способ производства, с которым часть марксистов отождествляла социализм, предшествовал капитализму, а не сменял последний. Авторы подчеркивают, что широкая палитра взглядов советских и зарубежных историков на причины краха СССР оставляет вопрос о возможностях интерпретаций итогов социалистического эксперимента в России открытым.

В монографии М.И. Воейкова «Марксизм и интеллектуальная Россия. Политэкономические силуэты: Туган-Барановский, Рубин, Кронрод» (М.: ЛЕЛАНД, 2022) исследован процесс формирования и развития политической экономии в России под влиянием марксизма. Показывается, что марксизм как интеллектуальное течение был свойственен российским ученым задолго до Русской революции 1917 г.; проводится четкое различие между аутентичным марксизмом и советской идеологической конструкцией «марксизма-ленинизма». На историческом и литературном материале, на примере трех выдающихся российских политэкономов – М.И. Туган-Барановского, И.И. Рубина, Я.А. Кронрода, – показана сложная (иногда и трагическая) судьба российских интеллектуалов, посвятивших свою жизнь поиску путей развития России и работающих в марксистской парадигме.

Сборник научных трудов «Человеческие качества и человеческое поведение в экономической науке» (Под ред. В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна // СПб.: Алетейя, 2022) подготовлен на основе материалов II Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики, состоявшейся 18–19 мая 2020 г. Статьи сборника посвящены отражению в экономической науке различных человеческих качеств и, в свою очередь, формированию их под влиянием экономической науки.

Сборник научных трудов «Экономическая теория до и после маргиналистской революции» (Под ред. В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна // СПб.: Алетейя, 2022) подготовлен на основе материалов III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики, состоявшейся 20–21 октября 2021 г. В статьях сборника исследуется феномен маргиналистской революции, анализируются существенные различия между ее основоположниками – Менгером, Джевонсом и Вальрасом, освещается восприятие маргиналистской теории в России. Большое внимание уделено вопросам распространения методологии предельного анализа и инструментария полезности, а также тому, что осталось от исходного маргинализма в современной экономической науке и при решении междисциплинарных проблем.

Мемориальный сборник «Дерябина М.А. Экономическая организация и самоорганизация. Избранные труды» (Под науч. ред. С.Г. Кирдиной-Чэндлер и Н.В. Смородиной // М.: ИЭ РАН, 2022) отражает ключевые идеи творческого наследия Марины Александровны Дерябиной (1938–2021). В него включены лучшие статьи М.А. Дерябиной, посвященные теоретическим и методологическим вопросам анализа организационных изменений, возникающих в экономических системах в постиндустриальную эпоху (государственно-частное партнерство, углубление горизонтальных связей, гибкие формы сетевой координации); теории и методологии исследования самоорганизации экономических систем.

В сборнике научных трудов «Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы. Памяти Д.Е. Сорокина» (Под ред. Н.Ю. Ахапкина // М.: ИЭ РАН, 2022), посвященном памяти выдающегося ученого-экономиста, члена-корреспондента РАН Дмитрия Евгеньевича Сорокина, рассмотрены подходы и стратегические решения по формированию новой модели экономического роста, сопряженной с корректировкой приоритетов развития и масштабной структурной и технологической модернизацией российской экономики. Приведены результаты ретроспективного анализа условий и факторов проведения структурных и институциональных реформ. Раскрыты вопросы стимулирования и поддержки процессов экономической и технологической модернизации.

Взаимоотношениям России и Китая в условиях кризиса международной безопасности, который характеризуется ростом международной напряженности, экономической турбулентности, усилением западного санкционного и военно-политического давления на нашу страну, посвящен сборник научных трудов «Россия и Китай в условиях кризиса международной безопасности» (Отв. ред. М.Ю. Головин, А.К. Никитин // М.: ИЭ РАН: Ключ-С, 2022). В основе сборника лежат материалы конференции, состоявшейся 15 июня 2022 г. Взаимодействие России и Китая рассмотрено в трех аспектах: глобальном, региональном и в аспекте двустороннего взаимодействия.

В коллективном научном докладе «Российский « пояс соседства » в условиях санкционной войны» (Под ред. Л.Б. Вардомского, И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина // М.: Институт экономики РАН, 2022) рассматривается влияние западных санкций на экономику соседних с Россией стран и на их торгово-экономические связи с Российской федерацией. В частности, определяются позиции стран « пояса соседства » в санкционной войне Запада с Россией, прослеживается адаптация торговых потоков к введенным ограничениям и формирование новых цепочек поставок с участием стран СНГ, а также оцениваются последствия санкций для национальных экономик и для региональных интеграционных процессов с участием России. Проведенное исследование дает основание предположить, что антироссийские санкции, направленные на сохранение привилегированного положения стран Запада в мировой экономике, на данном этапе обернулись против их инициаторов и в определенной мере ускорили движение в направлении полицентричного мироустройства.

В научном докладе Б.А. Хейфеца «Новый этап деофшоризации глобальной экономики и российские реалии» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады Института экономики РАН», 2022) анализируется влияние глобального минимального корпоративного налога (ГМКН) на развитие мировой экономики и политику деофшоризации. Дана авторская трактовка теоретической концепции ГМКН и показано ее принципиальное отличие от других концепций, нацеленных на регулирование только трансграничных финансовых операций (налог Тобина). Выделены этапы формирования международной политики деофшоризации, где четвертый этап обозначен как «Глобальная деофшоризация 4.0». Дана оценка результатов политики деофшоризации в России и ее перспективы в новой геополитической реальности, которая сложилась после 24 февраля 2022 г.

В коллективном научном докладе «Пространственные аспекты инновационного и научно-технологического развития России» (М.: ИЭ РАН, 2022) предложена авторская методика разработки национального рейтинга научно-технологического развития, учитывающая данные регуляр-

ной статистической информации и систему пространственных факторов формирования инновационной экономики. Проведена оценка результативности научно-технологической деятельности субъектов Российской Федерации на примере лидеров национального рейтинга, позволившая авторам сделать вывод о том, что в отношении регионов должны быть реализованы меры дифференцированной государственной научно-технологической и инновационной политики.

Проблемы перехода энергетики России к низкоуглеродному развитию рассмотрены в *научном докладе В.И. Волошина и М.М. Соколова «Энергетика России в условиях глобального перехода к низкоуглеродной экономике» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады Института экономики РАН», 2022)*. Анализируются климатическая повестка Евросоюза, угрозы и риски для России, связанные с трансграничным углеродным регулированием в Евросоюзе. Важное место в докладе уделено рассмотрению Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года. Отмечается, что для решения проблем перехода к низкоуглеродной экономике требуются системные преобразования как в топливно-энергетическом комплексе, так и в целом в экономике страны в целом.

В 2022 г. сотрудниками ИЭ РАН опубликовано более 400 научных статей в журналах, индексируемых в российских и зарубежных информационно-аналитических системах научного цитирования.

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институтом экономики в 2022 г. был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Научная конференция «Россия и Китай: совместное развитие и модернизация» (Москва, 29 марта; совместно с Китайской академией общественных наук и Отделением общественных наук РАН);
- Научно-практическая конференция «VI Сенчаговские чтения: Экономическая безопасность России в новой реальности» (Москва, 30–31 марта);
- Международная научная конференция «Проблемы и перспективы развития государств Центральной Азии» (Москва, 12 апреля);
- Научная конференция «Россия и Китай в условиях кризиса международной безопасности» (Москва, 15 июня; совместно с Институтом «Справедливый мир»);

- Научная конференция «Проблемы синтеза в экономической теории», посвященная 90-летию со дня рождения Р.Н. Евстигнеева (Москва, 5 июля; совместно с Отделением общественных наук РАН);
- VIII Всероссийская летняя школа молодых исследователей по эволюционной и институциональной экономике (Казань, 15–17 сентября; совместно с Казанским инновационным университетом имени В.Г. Тимирязова, МРОО «Центр эволюционной экономики»);
- Международная научно-практическая конференция «Четвертая промышленная революция: последствия для экономического развития России и АСЕАН» (Москва, 29 сентября);
- Международная научная конференция «Развитие сотрудничества России и Вьетнама в условиях санкций» (Москва, 18 октября; совместно с Институтом европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук);
- IV Октябрьская научная конференция по проблемам теоретической экономики «Сегментация экономической науки и проблемы синтеза» (Москва, 19–20 октября; совместно с Журналом Новой экономической ассоциации и НИУ ВШЭ);
- Научная конференция молодых ученых «Экономическая теория: встреча с реальностью. Современные проблемы международной торговли» (Москва, 25 октября);
- Международная российско-корейская научная конференция «Постковидные реалии: новый геополитический порядок в Евразии и стратегия взаимодействия Южной Кореи с регионом» (Москва, 28 октября; совместно с Университетом иностранных языков Хангук);
- Богомоловские чтения «Меняющийся мир. Куда он идет?» (Москва, 10 ноября; совместно с Отделением общественных наук РАН);
- Международная научно-практическая конференция «Потенциал, проблемы и перспективы сотрудничества прикаспийских стран в условиях глобальной нестабильности» (Москва, 16 ноября; совместно с Евразийским информационно-аналитическим консорциумом);
- Международная конференция «Вызовы и риски торгово-экономического сотрудничества стран-членов ЕАЭС в условиях санкций» (Москва, 15 декабря; совместно с Институтом экономики имени М. Котляникова);
- Научная конференция «Российская экономика под воздействием внешних шоков (к 300-летию РАН)» (Москва, 19 декабря; совместно с Отделением общественных наук РАН, Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институтом научной информации по общественным наукам РАН).

Круглые столы:

- Государство, рынок и пандемия (к 75-летию А.Я. Рубинштейна; Москва, 19 января);
- Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы. Памяти Д.Е. Сорокина (Москва, 15 марта);
- Провал общества (Москва, 16 марта);
- Воспроизводство человеческого потенциала в России: поиск ответов на новые вызовы (Москва, 26 апреля);
- Политэкономия санкций (Москва, 17 мая; совместно с Журналом Новой экономической ассоциации);
- Внешние вызовы для российской экономики (Москва, 18 мая; круглый стол проводился в рамках XI Международной научно-практической конференции «Абалкинские чтения»);
- Прогнозирование будущего: взгляд философов, взгляд экономистов (Москва, 22 сентября; совместно с МГУ имени М.В. Ломоносова).

В отчетный период активно работали научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. – д.ф.н. А.Я. Рубинштейн, международный семинар ИЭ РАН и Новой экономической ассоциации); «Цифровые финансы» (рук. – член-корреспондент РАН М.Ю. Головин).

В 2022 г. Институт экономики продолжал издание научных журналов «Вестник Института экономики Российской академии наук», «Вопросы теоретической экономики», «Мир перемен».

Экспертная деятельность

В 2022 г. Институт экономики сотрудничал в области экспертной деятельности с органами исполнительной и законодательной власти, министерствами и ведомствами: Советом Федерации ФС РФ, Государственной Думой ФС РФ, Советом безопасности РФ, Министерством науки и высшего образования РФ и др. Институт подготовил и направлен в профильные комитеты ГД ФС РФ замечания и предложения к «Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»; экспертное заключение на проект федерального закона «О федеральном бюджете Российской Федерации на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годы».

Продолжалась работа Экспертного совета ИЭ РАН по проблемам корпоративного управления компаниями с государственным участием.

Международное сотрудничество

В 2022 г. Институт экономики продолжал работу по поддержанию международных связей на основе двусторонних соглашений о сотрудничестве с партнерами зарубежных стран (Белоруссия, Грузия, Вьет-

нам, Индия, Казахстан, Киргизия, Китай, Корея, Куба, Польша, Узбекистан, Таджикистан).

Ученые ИЭ РАН участвовали в международных симпозиумах, форумах, конгрессах, конференциях, семинарах, организованных научными центрами и организациями зарубежных стран.

Дата поступления рукописи: 10.02.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зеленоборская Лариса Викторовна – кандидат экономических наук, ученый секретарь ФГБУН Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
lvz@inecon.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zelenoborskaya Larisa V. – Cand. Sci. (Econ.), Academic Secretary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lvz@inecon.ru

THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES IN 2022